

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ШАНС НА СМЕРТЬ

АЛЕКСА БУ

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Эта книга о нас, о том, как наше сознание и подсознание, как наш мозг и наши воспоминания могут влиять на нас, как люди и их отношение может менять нас.

Когда кажется, что хуже быть не может, то вас всегда есть чему удивить. Никто не знает её тайны, и даже она сама. Она всегда была пустышкой внутри, но была ли для этого причина? Что есть истина? Никто вам никогда не ответит. И даже, если вам кажется, что вы умерли, это не всегда может оказаться так.

Предисловие

Здравствуй, читатель! Знай, если ты читаешь это, значит, я завершила свою первую книгу и готова поделиться с тобой её историей.

Стой. Я чувствую, что ты хочешь уйти и не читать дальше, но прошу тебя, не делай этого...

Первая глава может показаться странной... абсурдной! Но зато я могу сказать точно, что она способна ввести в ступор. Прочтя её, читай дальше. Если, прочтя первые 6 глав ты скажешь «скучно, депрессивное, серо» — это будет лучший комплимент для меня! Ведь это именно то, чего я хотела добиться. По комментариям моих «личных» читателей, я могу сказать точно, после преодоления первых глав, эта книга увлечёт тебя настолько, что ты перестанешь различать вымысел и реальность.

Так с чего же всё началось... На самом деле в этом нету тайны, я просто захотела создать произведение из уже имеющейся идеи. Затем это переросло в нечто большее, в способ самовыражения, в способ справиться с проблемами.

Я писала эту книгу больше полутора лет, в разные промежутки этого времени практически всё в этой книге менялось. Менялись идеи, сюжетные повороты, диалоги и в конечном итоге всё превзошло мои ожидания. Я даже не думала, что так книга может кому-то понравиться, она была только моей, только для меня и обо мне, но в конечном итоге это изменилось.

Если меня спросят о чём эта книга, я отвечу не «эта книга о девушке/парне, которая/ый...». Нет! Эта книга о нас, о том, как наше сознание и подсознание, как наш мозг и наши воспоминания могут влиять на нас, как люди и их отношение может менять нас. Вот о чём эта книга.

По мере прочтения книги, ты будешь постоянно говорить «я ничего не понимаю!», хотя тебе и будет открываться многое, но до самого конца ты не узнаешь всего, в конечном же итоге ты скажешь «я всё понял!».

Я хочу верить, что эта книга увлечёт тебя и заставит погрузиться в неё с ног до головы, хочу верить, что она принесёт тебе удовольствие) Удачи!

Глава 1

День xx месяц xx год xx — день, когда я умерла.

Глава 2. Воспоминания

Я была обычной девушкой. Отец, мать, двое братьев: старший и младший. Мои родители были строгими, но всё ещё любящими и заботящимися о своих отпрысках, отцом и матерью.

С детства меня называли «необычной». Тогда я ещё не знала, что это могло означать, но всё сходилось на том, что это было сказано в сторону моего «индивидуального» подхода к вещам, которые не должны были касаться меня в том возрасте. Всегда, когда меня называли подобным образом, это звучала так... обидно. Да они даже называли меня чаще всего странным и невоспитанным ребёнком. Но я ничего не могла с этим поделать. А что я могла? Я была всего лишь ребёнком со своим представлением правильного и неправильного. И даже сейчас мне кажется, что тогда моя жизнь была намного ярче и интереснее, чем сейчас...

Мне всегда были интересны люди, их поведение, их поступки и эмоции. Так как я сама могла не испытывать чего-то, то другие люди испытывали всё и даже больше. Как-то так я стала становиться тихой и незаметной, это было даже выгодно для меня, ведь никому не интересны серые мышки. Но я оказалась не права. Люди всегда стремятся быть эмоционально-активными, независимо от того, о ком мы говорим, хоть о счастливых и жизнерадостных, хоть о депрессивных и ненавязчивых, хоть о занудных и надоедливых. Это всё является проявлением эмоций. Да, кто-то пытается скрыть их, но это только так кажется, в основном им самим. Они себя не видят, а я вижу... Я вижу, как их лицо искажается в моменты ужаса, когда их брови приподнимаются в моменты удивления, как их зрачки молниеносно меняют своё месторасположение в моменты, когда они пытаются соврать. И только я... никогда... не показывала настоящих эмоций... просто потому, что не умела этого.

С течением времени, люди начали оглядываться на меня; они начали замечать во мне отличия от других людей.

После того, как интерес людей к моей персоне стал крепчать, я приняла важное, но, как кажется мне сейчас, глупое решение. Я стала стараться быть похожей на остальных. За всё время моего наблюдения за другими, я научилась эмитировать эмоции, но это никак мне не помогло...

Тогда я думала, что это единственно верный путь к избавлению от навязчивого внимания и нежелательных высказываний в мой адрес. Хотя, порой, это казалось настолько сложным, что представляло для меня некоторые трудности, но в конечном итоге я смогла приспособиться и делала это настолько тщательно, что и сама перестала замечать то, как начала становиться той, в которой никогда бы никто не заподозрил странностей. Можно сказать, что я стала такой же, как все. Хотя что тут говорить? Уже весь мир окончательно померк для меня и стал таким же серым, как и я сама...

Но это продолжалось ровно до того момента, пока они все не покинули меня...

В молодости мой отец работал в шахте, после чего, уже в более зрелом возрасте, когда родился его первый ребёнок — мой брат, ушёл на литейный цех. Его всегда тянуло к подобного рода деятельности... Но, кто бы знал, что уже так скоро он вернётся «к истокам». Он умер от приобретённого туберкулёза, в следствии своей сферы деятельности.

Я узнала об этом совершенно случайно. Тогда я училась в другом городе на первом курсе в академии, жила в общежитии, но начались летние каникулы и один из его корпусов

закрыли на ремонт, как раз в том, в котором и проживала я. Это должно было занять всего неделю и нам предложили временно переехать в другой корпус, но я решила впервые за долгое время повидаться с родными и поехать домой.

По приезде на вокзал, меня встретила одна только мама, сказав, что отец несколько приболел и не смог приехать, но он ждёт нас дома и мы непременно с ним ещё увидимся. Это показалось мне несколько странным, поскольку моя мать никогда особо не откровенничала со мной, а говорить в таком ключе ей ещё не приходилось. После чего, мы отправились домой.

Когда я зашла в квартиру, в коридоре меня уже встречал отец. Он выглядел настолько бледно и истощённо, что мне казалось, что он вот-вот упадёт на пол и совсем перестанет ходить на живого человека. Бросилось в глаза и его истощающая худоба, казалось, что он ничего не ел уже несколько месяцев. На мои вопросы о том, что с ним, мне лишь вяло улыбались, и отвечали, что это лишь следствие наступающей старости и стресса на работе.

Вскоре мы уже сидели на кухне за чашечкой ароматных душистых заварных листьев, привезённых мной из города Н. Мне всегда нравился не столько процесс распития благовонного напитка, сколько то, что его нужно пить неспешно. Сейчас мне кажется, что это была единственная хорошая вещь из того, что случилось после...

За столом стояла гробовая тишина. Это не то чтобы было странно, но у отца всегда был подвешен язык на всяческие разговоры. Он мог создать душевную атмосферу и увлечь своим рассказом любого, даже если бы он рассказывал про то, как выносил недавно мусор. Мама, конечно, тоже была любительницей поговорить, но чаще всего просто задавала вопросы. В этот же раз она задала лишь пару вопросов про учёбу и на этом всё закончилось. А что говорить обо мне? Я, конечно, учусь на факультете журналистики, но никогда не была любителем что-либо выпрашивать у людей, которые даже головы поднять не могут, чтобы взглянуть на своего собеседника.

Думаю, мы так бы и просидели в полной тишине, но тут вдруг отец закашлялся кровью. В этот момент меня охватил не столько страх, сколько ужас. Моя направленность далека от медицинской, но я ясно осознавала, что харканье кровью — не норма, и далеко не признак здорового человека, как меня совсем недавно пытались убедить родители.

Отец стал бледнее смерти. Если раньше он хоть чем-то был похож на человека, то сейчас, кроме как, ходячим мертвецом его назвать было трудно.

Практически сразу я набрала номер скорой и уже через десять минут они прибыли к нам. Доктор осматривал отца не больше пяти минут, а по окончании осмотра попросил меня выйти из комнаты. Я, конечно же, пыталась возразить, но на этом же настояла и мама. Не привыкшая отказывать своим родителям, я вышла и прикрыла за собою дверь. Они ещё о чём-то недолго разговаривали, но вскоре доктор покинул квартиру, в спешке бросив короткое «до свидания» и ушёл восвояси.

Мама, недолго думая, позвала меня в комнату, где находился отец. Они сидели вместе на диване и о чём-то напряжённо думали, попеременно переглядываясь друг на друга. Я села напротив них на свободное кресло и стала ждать, пока они хоть объяснят зачем позвали меня. Ждать долго не пришлось, они одновременно подняли на меня свои взгляды и решительно сказали:

— Нам нужно тебе кое-что рассказать...

Глава 3. Ощущение жизни

— Дочь, ты, наверное, уже заметила, что твой отец, немного... болен... Нет, даже не немного, он сильно болен... смертельно... — не зная, как лучше начать, сказала мне мама.

— Почему вы не сказали мне раньше...? Разве я чужой для вас человек? Почему вы пытались сделать вид, что всё хорошо, когда я и сама вижу, что всё не просто плохо, а отвратительно? До каких пор вы собирались скрывать это от меня? До тех пор, пока мне не придёт приглашение на поминки?!

— Понимаешь... это началось уже давно, около пяти лет назад, и мы думали, что ты ещё слишком мала и не знали, как эта новость на тебя повлияет... Потом ты уже пошла в старшую школу, а там экзамены и мы не хотели, чтобы ты отвлекалась на наши проблемы...

— «Наши проблемы» ... Почему вы продолжаете говорить так, как будто бы меня это совершенно не касается? Я ведь ваша дочь... Ладно! Я понимаю, почему вы не сделали этого тогда, но почему не рассказали, когда я уже поступила?

— Мы были так рады, когда ты сдала вступительные экзамены, мы не хотели, чтобы ты переживала, — наконец вставил своё слово отец.

— А сейчас я как будто бы спокойна! Но почему мне нельзя было рассказать зимой, когда я приезжала?

— Мы боялись... — не успела закончить предложение мама, как отец болезненно захрипел и рухнул навзничь.

Мы оторопело взглянули на отца, но не успела я подбежать к телефону, чтобы уже второй раз вызвать скорую помощь, как неожиданно на пол упала и мама. Я незамедлительно набрала номер скорой и стала ждать... это не заняло больше пяти минут, но для меня они казались вечностью. Если в самом начале я не растерялась, то сейчас начался мой личный кошмар. Я не медик и понятия не имею, что нужно делать в таких ситуациях, да если бы и знала, вряд ли бы что-то изменилось... Для меня вид родителей, которые только что сидели напротив меня, разговаривали и ужасно нервничали, пытаюсь объяснить мне что-то, но уже лежащие на шерстяном ковре неподвижно и, как мне казалось, бездыханно, заставлял меня сходить с ума. Я никогда не проявляла каких-либо эмоций по отношению к мертвецам, это казалось чем-то отдалённым и естественным одновременно, чем-то неизбежным и умиротворяющим. Но, оказавшись в такой ситуации, сковывающие меня чувства, не позволяли мне сдвинуться с места. И так я просидела эти пять минут в ожидании, не отводя взгляда от тел родителей, надеясь на лучшее...

Уже в больнице доктор рассказал мне, что отец был болен туберкулёзом на протяжении долгих лет и в любой момент мог попросту умереть. Не буду говорить об этом слишком много. Да и зачем, когда уже всё случилось? Да, отец умер еще тогда в квартире. Наверное, я должна чувствовать боль, тоску, горечь об утрате... но я совершенно опустошена. Мама в тот момент сильно перенервничала и у неё случился сердечный приступ. Сейчас она находится в реанимации, и врачи делают всё, что в их силах, но на лучшее я уже не надеюсь. Все чувства, будто бы смешавшись, приобрели совершенно непонятную и чуждую для меня форму, которая застряла внутри меня и мешала сделать даже один маленький вдох. С этими мыслями я заснула, сидя на лавочке в зоне ожидания.

Когда же проснулась, доктор уже сидел рядом со мной.

— Что-то не так, доктор? — спросила безжизненным, совершенно опустошённым,

хриплым голосом я.

— Мне жаль, мы пытались сделать всё возможное, но к сожалению...

— Я понимаю, — перебила его я, — не продолжайте. Я, пожалуй, пойду, вы не против?

— Конечно, идите, вам сейчас нужно отдохнуть, вы выглядите неважно...

— Я в порядке, до свидания.

Уходила из больницы я настолько быстро, насколько это было возможно. В конце коридора, когда я уже почти вышла за пределы здания, я увидела зеркало. В нём отразилась девушка, совершенно непохожая на меня. У неё была мертвенно-бледная кожа, синие круги под глазами, пересохшие губы и стеклянные глаза, будто бы кукольные, хотя, кажется, именно такие глаза я видела каждый день в своём отражении... И только тогда, когда я, наконец, покинула больницу, я ощутила тошнотворное чувство, которое не могла описать словами, то ли это была боль, то ли отчаяние или вовсе растерянность, а на моих глазах выступили слёзы. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько... живой?

Глава 4. Тик-так

Чернильные пятна на окнах
Дождём проливались на стёкла,
Трава уж вся здесь поблёлкла,
А я всё стою у порога.
У порога калитки чернильной,
У могилы фамильной.
Пропахло тут сильно всё гнилью,
Да мокрою пылью.
Закопаны в землю два гроба,
И слышен оттуда лишь шёпот,
А шёпот тот тихо-тихо так шепчет
Мне в ухо «тик-так» ...

Глава 5. Лечебная боль

После похорон для нас наступил не менее выматывающий период. Мой младший брат по решению суда был определён под опеку к нашему старшему брату. И это не удивительно. Ведь младший был ещё не совершеннолетним, а у старшего имелась жена и парочка малолетних детей. А я... Ремонт в общежитии был продлён практически на месяц и мне пришлось остаться у родителей, если всё ещё можно так говорить...

Целый день я старалась проводить вне дома. Куда только не ходила, от музея и библиотеки до обычных парков и скверов, в которых я могла сидеть часами.

Было бы логично остаться на какое-то время у старшего брата, но он жил со своей семьёй в другом городе, да и не хотелось бы их смущать своим присутствием.

Каждый раз, когда я возвращаюсь домой, я задаюсь одним и тем же вопросом: «Что значит быть живым?». Знаете, я так и не смогла найти правильный ответ на этот вопрос. Каждый день я просыпаюсь совершенно разгромленной, ещё вчера мне казалось, что я уже очень близка к ответу, но всё было тщетно. Постепенно мой мир стал сокращаться и уменьшился до пределов кровати. Мир, всё так и оставался серым и унылым, но казалось, что он уже никогда не сможет, даже на самую малость, приобрести хоть какой-нибудь цвет. Казалось бы, что может быть хуже? Но в итоге, это привело лишь к тому, что я начала резаться. Это не было актом привлечения к себе внимания (да и кого я смогу этим привлечь) или попыткой самоубийства. Я лишь хотела почувствовать боль... Хотела почувствовать себя настоящей!

Да, я не нашла лучшего решения для того, чтобы узнать, что значит чувствовать себя живым. А живая ли я вообще? Боль — универсальный источник того, что может помочь узнать насколько ты вменяем, она всегда поможет заглушить душевную боль и всегда сможет помочь почувствовать, что ты — это ты.

Глава 6. Не помню...

Не помню тот момент, когда я умерла.

Я, как и всегда, прогуливалась в парке, когда мельком увидела девочку, на вид ей было около семи лет. Меня привлекло не столько то, что она была одна, сколько её невозмутимость, когда ей пытались предложить помощь мимо проходящие люди, а их было достаточно много; это могло выглядеть так, будто бы она потерялась, отбившись от родителей, но она не обращала никакого внимания на них и продолжала идти вперёд, хотя ей было явно тяжело из-за большого рюкзака, который был на ней, о чём свидетельствовала её неуклюжая, шатающаяся походка.

Девчонка никогда не поднимала головы и тихо шла вперёд. Но, в один момент, рюкзак с грохотом повалился на пол, а она подняла свои глаза и наши взгляды встретились. Её взгляд... он был пустым, словно бы и не живой совсем, такой же... как и у меня... Она смотрела на меня около минуты, пленяя и успокаивая, будто бы на меня смотрел ангел, который точно знает, что будет следом и заставляет забыть в небытие.

Но, резко осознав, что я уже достаточно долго не отвожу от неё взгляда, на меня нахлынула паника. Это было неожиданно, но ещё более неожиданно было услышать голос... вроде бы он сказал: «беги!». Долго раздумывать мне не пришлось, решив последовать этому «совету» и не вдаваться в подробности. Уже собравшись уйти оттуда как можно быстрее, я обернулась. Шаг. Второй. Хлопок. Белый свет. Чернота... и вот... я оказалась здесь...

Глава 7. Первая встреча

Очнувшись, я не сразу поняла где нахожусь... да и сейчас не особо понимаю. Здесь нет ничего, нет ни потолка, ни пола, ни одной стены... лишь белизна... как будто бы весь мир превратился в одно большое ничто. Я попыталась взглянуть на свои руки, но ничего не увидела, попытавшись прикоснуться к себе, ничего не ощутила. Это было странно, но страшно мне не было... Не успела я всё осознать, как передо мной появился яркий свет, он был настолько сильным, что я могла бы ослепнуть. Постепенно он стал затухать и из него послышался... голос? Он был очень странным, он не был похож на человеческий, я даже не ощутила его как обычно... он как будто бы звучал в моей голове, если она, конечно, у меня есть! После чего, странный голос произнёс:

— Поздравляем с прибытием в чистилище! — прозвучал голос, слабо напоминающий человеческий, но настолько восторженный будто бы это произнёс ребёнок. Впрочем... Я ничего не ответила на это, поскольку даже не понимала, смогу ли я это сделать в данный момент.

— Почему ты молчишь? Язык отсох?! Ох, точно! У тебя же его нет! Секундочку, — Произнёс уже другой голос, или так мне только показалось... Впрочем, это было уже не важно, ведь сразу после этого, неожиданно, снова вспыхнул свет, что стало предшествованием невероятного... у меня появилось тело! Тело то появилось, но вот понять моё ли оно оказалось проблематично. Точнее, оно было моим, но было ли это то самое тело, в котором я прожила все те годы, предстояло ещё выяснить. Много времени это не заняло. Стоило лишь опустить глаза, как оказалось, что я стою на каком-то подобии льда, точнее, это не было льдом, ведь я ничего от него не ощущала, ни жара, ни холода. Единственное, что я смогла понять, так это то, что могу видеть своё отражение. К удивлению, я увидела отразившуюся на поверхности девушку, совершенно непохожую на меня. Это была длинноногая, стройная девушка, с седыми волнистыми волосами и милостивыми, но, каким-то образом, чётко выраженными чертами лица. Но больше всего меня удивили её глаза: большие, тёмные и такие... настоящие... живые... В них легко прослеживалась лёгкая смешинка и яркий-яркий, невиданный мною ранее, лучик умиротворения. Казалось, будто бы это действительно я, но это было настолько не привычно, что я и не заметила, как ко мне снова обратились:

— Скажи уже что-нибудь!

— Где я? — да-да, это единственное, что интересовало меня, потому больше я ничего не произнесла.

— Мы уже сказали, но, так уж и быть, повторимся. Добро пожаловать в чистилище! Это место, где ты сможешь повеселиться!... ОЙ! То есть... развеяться! — прозвучали два ребяческих голоска и из ранее яркого света появились два силуэта. Тогда я уже смогла разглядеть тех, кто со мной говорил; это оказались двое... детей? Мальчик и девочка, кажется, они близнецы.

— Кто вы? — проговорила я не своим голосом. Он был слишком уверенным и ярким.

— Как грубо! Не представившись самой, спрашиваешь что-либо у другого! — произнесла девчонка, вылупив свои глазёнки на меня.

— Нас зовут Феб и Эреб и мы — твои судьи, — произнёс малец ровным голосом, пристально глядя на меня. Этот взгляд заставлял содрогнуться, и дабы спрятаться от этого

взора, отвела глаза в сторону и только сейчас заметила за их спинами два белых крыла, по одному у каждого, это было бы странно при других обстоятельствах, но сейчас я не предала этому особого значения.

— Ты находишься здесь, потому что в прежнем мире твоё тело умерло и теперь тебе придётся развеется.

— ...

— Хей! Почему ты молчишь? Мы были так любезны, снизойти до тебя, а ты нам и слова вымолвить не можешь?! — уже порядком разозлившись, вскрикнула Эреб.

— Да я вот думаю, когда этот цирк уже прекратиться? Актёрская игра этого мальчика так плоха, что я даже не знаю плакать мне или смеяться, — наконец произнесла я, и даже немного, саркастически так, ухмыльнулась.

— Ха? Как ты можешь так говорить? С чего ты взяла, что я играю? Я просто пытался быть с тобой более сдержанным, жалкая девчонка! И меня зовут Феб! — произнёс он мне в ответ, и надувшись, отвернулся в другую сторону.

— Нда... вижу, вы оба достаточно «специфичные» личности. Ну что ж, Феб и Эреб, зачем я здесь, не подскажете ли?

— Мы уже сказали тебя. Твоё тело умерло. А твою душу придётся развеять, — наконец-то заговорила со мной девчонка.

— Да? А что же это я всё ещё здесь и почему вы ничего не делаете? Надо так надо, сопротивляться не собираюсь. Действуйте, — конечно, не хотелось просто так исчезать, и я искренне верила, что они блефуют, но всё-таки кое-какие опасения имелись.

Я смотрела на них, они смотрели на меня. И так продолжалось около двух минут, пока Феб, наконец, не решился снова заговорить:

— Ты ведь ничего не помнишь ведь так? — задал мне странный вопрос Феб.

— Что ты имеешь в виду? — озадачившись, спросила я.

— Я говорю о твоих воспоминаниях. Ты не помнишь о том, кем была, о том, кто был твоей семьёй, и о том, какую жизнь прожила, — это уже был не вопрос, а утверждение, в котором Феб был полностью уверен, чего нельзя сказать обо мне. До этого момента я не думала об этом, но, когда попыталась вспомнить что-либо, ни одно воспоминание не посетило меня. Хотя... нет, было одно. Помню, как я смотрела в зеркало, смотрела не долго, буквально мельком, а в голове проносилась только одна мысль, к сожалению, её я уже не вспомню, но она была настолько навязчивой, что я даже сейчас ощутила мелкое покалывание в области сердца. Воспоминание продолжалось, и я увидела, как выбегаю на улицу, затем, слёзы, сильная боль... тишина. Ничего больше не приходило мне в голову, но и этого казалось достаточно.

— Нет... не помню... — нехотя ответила я.

— Но ты бы хотела вспомнить, не так ли? Ты ведь забыла не всё, кое-что всё же осталось, и мы все это знаем, — таким же спокойным, как и раньше, голосом продолжал Феб.

— Как я могу хотеть вспомнить то, чего не знаю?

— Разве ты сама не знаешь ответ на этот вопрос? — подключилась к разговору Эреб.

— Знаю... — произнесла я тихо, — и что вы предлагаете?

— У тебя есть лишь два выбора: первый — быть развеянной или второй вариант — помочь кое-кому, — ответил Феб, а Эреб, на удивление, тихо стояла в стороне и почему-то ухмылялась, как будто бы надеясь на что-то.

— «Кое-кому»? И кому же?

— Это не важно, главное — суть.

— Что, если я выберу первое? — вопрос, конечно, глупый, и ответ на него очевиден, но почему-то меня не покидает мысль, что в обычной ситуации мне бы не стали предлагать выбирать.

— Зачем?! Ты ведь можешь просто помочь нам, и будешь перерождена! — вспыхнула Эреб, но, хоть и на немного, ситуация начала становится более понятной.

— Вам?

Поняв, что только что произнесла, девчонка нахмурилась и опустила взгляд.

— Да, нам! — продолжал Феб.

— Зачем?

— Потому что ты — ошибка! Ты не должна была попадать сюда! Мы не занимаемся людскими душами; наша специальность — животные.

После этих слов Феб и Эреб окутало яркое сияние и уже после того, как оно начало затухать, передо мной предстал... ворон! Это был белый ворон.

— Мы посылаем животных тем, кто нуждается в помощи, независимо от ситуации. Но... есть те, кому так просто не помочь... Поэтому! Мы просим твоей помощи, а в обмен мы возвращаем тебя в цикл перерождения, где ты снова родишься человеком, — произнёс ворон.

— Подождите. О каком перерождении вы говорите? Вы же сами мне говорили... — не успела закончить свою мысль я.

— Мы знаем, что говорили. Мы уже упоминали ранее, что тебя не должно было оказаться тут, а в подобных ситуациях души просто развеивают, ведь это необратимый процесс. Но есть одна деталь, которая позволит душе вернуться на круг перерождения. И эта деталь — смерть.

— То есть вы хотите, чтобы я вам помогла, но, при этом, покончила с собой?

— Нет. Помощь требуется не совсем нам, но да, ты мыслишь в верном направлении, тебе придётся умереть, но, когда это произойдёт, мы знать не можем. Если ты не решишься на это, то будешь развеяна навсегда и больше никогда не возродишься.

— Хорошо. Я согласна. Что я должна буду сделать? — да, пожалуй, это было резко, но поступить как-то по-другому...

— Как мы уже говорили ранее, есть те, кому мы помочь не можем. Это люди, которые... неважно, ты сама всё узнаешь. Твоя цель будет заключаться лишь в том, чтобы помочь им. С чем именно — поймёшь сама. Ни в коем случае тебе нельзя будет допускать их смерти, иначе провалишься и будешь развеяна.

— Если мне нельзя допускать их смерти, то как я тогда умру?

— Узнаешь, когда придёт время, — на этом всё и закончилось. Ворон больше ничего не говорил, да и я была не в состоянии, ведь после его слов, я начала проваливаться во тьму, она поглощала меня медленно, но, в то же время, так мимолётно, что я не успела заметить, как всё то, что раньше было белым, окутало мраком, а я погрузилась в сон.

Глава 8. На пороге...

Очнулась я в, отнюдь, не безопасном месте — это была крыша, а, если точнее, то самый её край. Я стояла у тех самых бортиков, которые делают на границах, чтобы «кто-нибудь не упал», хотя все мы прекрасно знаем, что не упасть в подобной ситуации будет сложнее, чем сломать эти самые бортики. Но задуматься о чём-либо мне не дал надоедливый шум. Дабы понять, откуда он разносится, огляделась по сторонам и поняла, что звук разносится снизу, там я увидела толпу, которая, как оказалось, не только пристально смотрела на меня, но и о чём-то громко разговаривала... Ну конечно же! Чего ещё можно ожидать в подобной ситуации от подростков? Хотя... их не виню, но могли хотя бы побеспокоиться, а не обсуждать то, когда я уже спрыгну с этого грёбаного здания. Жаль, но их ожиданиям не суждено исполниться.

Обернулась, шаг, второй и вот, я, в уже устойчивом положении, стою на крыше... крыше школы. А я видимо та самая, убитая горем ученица, решившая свести счёты с жизнью... Но это не имеет сейчас абсолютно никакого значения, ведь я собираюсь упасть в обморок...

После осознания того, где я нахожусь у меня резко закружилась голова, ноги подкосились, и вот, я лежу на бетонном полу, ощущая только холод и то, как медленно теряю сознание.

...

Женщина и мужчина, девочка и мальчик, кажется, это семья. Они сидят за огромным длинным столом. Молчат. И только девочка смеётся и пытается им что-то рассказать, но, как же жаль, ведь её никто не слушает... Так кажется на первый взгляд, но иногда мальчик (он был старше девочки) пытался ей что-нибудь ответить, но как бы он не старался, у него никак это не выходило, ведь его вечно одёргивала мать.

Большие потолки, длинный дубовый стол, висящая под потолком хрустальная люстра, мраморный пол и такая же мраморная лестница, на которой положен красный ковёр, словно бархат, обитые велюром стулья за всё тем же дубовым столом и, как вишенка на торте: дворецкий. По подобной обстановке понятно, что, скорее всего, живут они не бедно, а мальчик, судя по всему, наследник этого замечательного всего.

«Это я, Эмма» — резкий голос в моей голове заставил вздрогнуть, этот голос был сладок будто мёд, глубок и непостижим будто океан, но, в то же время, в нём прослеживались узнаваемые горечь и разочарование. Могу ли я предположить, что Эмма — та самая девочка и та, в чьём теле я была до недавнего момента?

«Ты верно мыслишь, но я продолжу свой рассказ» — снова отозвался голос, бывший нынче пустым и безэмоциональным, — «С детства я была очень жизнерадостным ребёнком, всегда пыталась всех развеселить, пыталась привлечь к себе внимание, но всё было тщетно... Отец всегда задерживался до поздно, а матушка... она почему-то никогда не обращала на меня внимания, а в её взгляде всегда можно было увидеть лишь признание ко мне. Сначала я этого не замечала, была наивной и всегда желала, пусть даже мимолётного, взгляда на меня, но не того, что был обычно, а того, каким смотрят любящие матери на своих детей. У меня был старший брат. Ему она уделяла гораздо больше времени и внимания, но так же, как и мне, никогда не дарила нежных слов и ласки, хотя и без этого было понятно, что его то она любит... Несмотря на это, брат всегда был единственным, кто по-настоящему любил меня...».

...

Горящая машина, карета скорой помощи, девушка на носилках, зеваки, громко перешёптывающиеся за спинами других, таких же зевак, и труп, который уже заворачивали в чёрный мешок.

«Это был мой пятнадцатый день рождения. Отец, как и всегда, задерживался на работе, а мать заперлась у себя в спальне с самого утра и не выходила до позднего вечера. Кроме нашего управляющего и моего брата, меня никто не поздравлял, ни устраивал вечеринок, ни дарил подарков, собственно, всё как обычно. В этот день у брата были экзамены в университете, кстати, сдал он их на отлично, все возлагали на него большие надежды. Домой он вернулся поздно, но он всё равно предложил поехать куда-нибудь отпраздновать самим, водителя с собой мы не взяли, так как уже близилась ночь, поэтому вёл мой брат. Я ему доверяла, всё-таки ему было уже девятнадцать, и права он получил достаточно давно.

Тихий ночной город и только свет уличных фонарей и фар машин освещал наш путь. И вот, мы уже подъезжаем к месту назначения, и только сейчас узнаём, что всё это время тормоза были сломаны...».

...

Больничная палата, девушка, сидящая на кровати и доктор напротив неё. Он говорил с ней достаточно долго, но за это время она никогда ему не отвечала, только и делала, что смотрела на свои руки, опустив голову вниз. Вскоре доктор покинул её.

Она ещё недолго оставалась в подобном положении. Стоило ей только лечь и закрыть глаза, как тут же подскочила с явным ужасом в глазах и выражением страха на лице. Девушка стала панически метаться из стороны в сторону, беглым взглядом осматривая стену, она отыскала нужную вещь — кнопку вызова медсестры. Паника заставляла её нажимать эту кнопку множество тысяч раз, пока в палату не ворвались врач и медсестра. Она им что-то рассказывала, бурно жестикулируя руками. Поняв, что девушка не в себе, медсестра по указанию врача вышла из палаты и вернулась уже со стаканом воды и парочкой таблеток, она отдала их пациентке и вскоре после того, как та их выпила, удалились из палаты, но уже на совсем, ведь почти через пару минут девушка заснула.

Глава 9. Незнакомка

Очнулась я с чувством сильной головной боли. Сил не было даже на то, чтобы открыть глаза. Пересилив себя, распахнула веки и увидела, что нахожусь в помещении, на вид напоминающем толи медпункт, толи больничную палату. С потолка на меня смотрели несколько тусклых лампочек, обжигающих своей холодностью и смиренностью. Рядом стояла капельница, с другой стороны тумба, немногим дальше неё ширма. Я не могла понять размеров комнаты из-за этой самой ширмы, но она казалась не большой и уютной. Я лежала совсем рядом с окном, на нём не было ни штор, ни жалюзи; это было простое окно, через которое можно было увидеть город. На удивление, но тот город, который я видела не казался мне впечатляющим. Он был обычным... серым, пасмурным, хотя на улице светило яркое солнце.

Просидев так с минуту, мне стало скучно, поэтому я решила выйти из палаты и прогуляться. Проблема была только в том, что мне была поставлена капельница. Пришлось взять её с собой. Так я думала в первые секунды, но, когда я попыталась встать с кровати, то неожиданно свалилась на неё обратно. Но уже на вторую попытку у меня получилось устоять на ногах, но находиться в подобном положении было тяжело. Ноги подкашивались и не желали идти дальше, но я всё-таки смогла сдвинуться с места и пошла по направлению к двери. Оказалось, что комната была действительно не большая. Собственно, кроме кровати, тумбочки и ширмы в ней больше ничего не наблюдалось. Светлые стены, светлый пол и светлый потолок. Задерживаться и дальше здесь смысла не было, поэтому я продолжила свой путь к двери, но, когда я подошла достаточно близко, стало страшно. Было страшно покидать это место, оно казалось каким-то родным и спокойным, каким-то... моим?

За дверью я ничего не слышала, но и это не успокаивало, ведь с самого начала, пока я находилась в этом месте, я не слышала ни единого звука, кроме моих шагов и собственного дыхания. Даже за окном неслышно было пения птиц. Вышла из палаты. И ведь действительно, в коридоре никого не было. Нет, где-то там, вдалеке, находилась стойка, за которой обычно находятся медсестры, но и их не оказалось.

В противоположной стороне я слышала какой-то шум. Он был тихим, но я ясно слышала его. Я долго шла по этому коридору, и мне начало казаться, что он непреодолим и безмерен, ведь я никак не могла найти хоть кого-то или что-то. Но идя всё дальше к источнику звука, я начала понимать, что всё это время слышала детский плач. Осознание того, что именно я слышу, придало мне сил двигаться дальше. Я ускорила свой шаг. Двигаться было уже не так тяжело, как раньше. Когда я уже начала доходить до конца коридора, света стало становиться всё меньше, здесь уже не было окон, а лампы весели так редко, что начало казаться, что я нахожусь в каком-то подвале. Я дошла. На полу у стены сидела, поджав ноги, маленькая девочка. Лица я её не видела, но даже если бы она подняла свою голову и посмотрела бы на меня, то я на вряд ли смогла бы чётко его распознать, ведь рядом с ней висело лишь одна тусклая лампа. Свет лампы был тёплый, но казалось будто бы он источает совсем не то тепло, которое хотелось бы.

— Меня заперли здесь, потому что я плохой ребёнок, — неожиданно ответила девочка. На удивление быстро она перестала плакать, но всё ещё не поднимала головы.

— Кто тебя здесь запер? — ответила я.

— Мама. Она меня не любит. Она говорит, что я плохой ребёнок, потому что своим

существованием отравляю ей жизнь, — странно спокойным голосом отозвалась она.

— А где твой папа? — в недоумении спросила я.

— Я его почти не вижу. Он постоянно на работе. Когда он приходит домой, она меня выпускает. Но ему тоже нет до меня дела.

— Почему ты так думаешь?

— Он никогда со мной не разговаривает. Знаешь, я думаю, что он знает, где я. Знает и не приходит. Мне одиноко. Хотя Она и обещала забрать меня отсюда, но уже неделю я её не видела. А знаешь почему? Я ведь всю эту неделю находилась здесь.

— Как здесь? Почему же ты не уйдёшь? Я ведь пришла сюда. Может ты не знаешь, как выбраться? Давай, я помогу тебе? Я знаю дорогу, — не зная, как реагировать на всё то, что она мне рассказала, отвечала я.

— Нет. Ты не сможешь сейчас меня отсюда забрать. Ты сейчас не здесь. Ты такая же, как и я. Но ты можешь больше. Поэтому ты здесь. Спаси меня?

— Я здесь, но при этом не здесь?

— Ты там, где должна быть. Но там, где я, тебя нет. Найди меня.

У меня не было слов, чтобы ей ответить. Я совершенно перестала понимать, о чём она. Но это уже и неважно...

— Просыпайся! — зазвучал резкий, грубый женский голос в моей голове.

Глава 10. Гробовщик

— Вставай, Тварь! Просыпайся! — звучал всё тот же грубый женский голос.

— Что вы делаете?! — прозвучал уже другой, более молодой, голос.

— Не мешайте! Эта тварь ещё поплатится!

Оказалось, что всё это время я спала, и моему сну помешала эта странная истерически орущая женщина, которую я никогда раньше не видела. Хотя я мало кого видела в этом теле.

На этот раз это действительно был медпункт, на что указывали склянки и баночки на стеллаже, который стоял недалеко от меня. В этом помещении разило резким запахом лекарств и медикаментов, у меня не оставалось сомнений, что теперь уж это точно не сон. Но в голове всё ещё крутились мысли о той девочке.

— Кто вы? — задала вопрос я, пытаюсь хотя бы немного разобраться в этой ситуации.

— Дрянь! Как ты смеешь так ко мне обращаться! Быстро собралась и пошла за мной. Я, между прочим, твоя Мать! Это даже произносить тошно.

Неожиданно. В видении эта дама выглядела совершенно иначе. Тогда она казалась молодой красавицей с длинными кудрявыми волосами, светлыми глазами и элегантной фигурой. Сейчас же я видела только злую, недовольную жизнью, женщину, с потухшими глазами, сухими, неухоженными волосами и мимическими морщинами.

— Чего сидишь?! Я уже всё сказала. Собирайся! — после этих слов женщина вышла из помещения, громко хлопнув дверью. Язык у меня не поворачивался называть её матерью.

— Прости, девочка, но нам пришлось позвонить твоим родителям из-за произошедшего, — ответила мне девушка, по внешнему виду было件нятно, что она здешний врач.

— Ничего, вам не за что извиняться, — кисло улыбнулась я, встала с кушетки и отправилась на выход. — Спасибо вам за помощь. Дальше я сама.

Выйдя из кабинета, я увидела человека в чёрном костюме. Он взял меня за локоть и потащил в след за собой в сторону выхода из школы. Сопротивляться у меня не было сил. Да и не к чему это было. Он не причинял мне боли, только направлял меня в нужную сторону. Когда мы вышли из здания, в некоторой отдалённости я заметила толпы людей, по школьной форме сразу было件нятно кто они. На этот раз никто не смеялся, никто не разговаривал, никто ничего не делал, все просто стояли и смотрели на то, что происходит.

Мы пришли на парковку, на которой стояло лишь двое машин. В одной — белой уже сидела та самая женщина, она пристально смотрела на меня угрожающим взглядом. От этого взгляда хотелось убежать, но меня крепко держал мужчина в чёрном, поэтому пришлось сесть во вторую машину, которая отличалась от первой чёрным угольным цветом. Мне казалось, что эта машина чем-то внешне похожа на гроб. Такие же чёрные непроницаемые окна, плотно запертые двери и тотальная звукопроницаемость. Всё это я узнала уже сидя в машине. А тот мужчина в чёрном оказался моим водителем. Знаете, это чем-то напоминало композицию гробовщика с гробом, и это действительно подходило ему, только вот, на роль трупа выбрали не совсем подходящего человека... хотя, может быть в самый раз?

В поместье мы приехали поздно ночью. Внешне оно походило на что-то ложное, на что-то фальшивое. От него так и смердело отчуждением. Со стороны всё выглядело изысканным и роскошным, но казалось, что всё это богатство напускное и ненастоящее.

Когда мы вошли в дом, в глаза бросился большой камин, горящий ярким красным

пламенем. Необычно. Никогда не видела, чтобы огонь горел настолько ярко и красочно. Хотя может быть дело вовсе не в его свечении, а в том, что именно в помещении было настолько темно, что казалось, будто бы огонь горит ярче обычного? Рядом с камином располагались несколько светлых кресел и большой диван. На одном из кресел сидел мужчина. Он читал какой-то роман, а на кофейном столике рядом с ним стоял стакан со льдом.

— Почему так поздно? — тихим, властным голосом произнёс мужчина, повернув голову в нашу сторону. Он смотрел на меня не больше пары секунд, но на мгновение я успела заметить в его взгляде некоторую тревожность и опасение.

— Если для тебя это поздно, то мог бы и сам её забрать! — снова перешла на крик женщина.

— Я был на работе, — проигнорировав высказанные замечание, ответил он. — Эмма, иди к себе. А Ты останься здесь, — обратился он к супруге.

— Хорошо, — ответила я, но только вот... узнать хотя бы где это самое «к себе».

Интуитивно пошла в сторону большой лестницы. Зашла за угол. Там и осталась. Всё та же интуиция подсказывала мне, что, то, о чём они будут разговаривать — очень важно, и я не могу просто так уйти.

— Что ты делаешь? — задал свой вопрос мужчина.

— Я?! А что я вообще делаю? Тебя не устраивает, что я забочусь о твоей дочери?

— Это и твоя дочь тоже, не забывай.

— О нет! Это Т-В-О-Я дочь! Это ты притащил эту дрянь от той шлюхи! Я смилостивилась над ней, но ты видишь до чего это дошло, из-за неё погиб мой сын!

— Наш сын, — возразил мужчина.

— Нет. Это МОЙ сын. А твоя дочь — ТАМ, — сказала женщина и топнула ногой по паркету. Раздался звенящий звук. Это было странно и неожиданно. Но они продолжили.

— Я просил не говорить тебя об этом.

После этих слов раздался топот. Странно, ведь никто не мог ходить на этом этаже кроме нас троих. Они молчали, и тишина становилась всё глубже, а звук шагов всё отчётливее. Никогда не думала, что звук топанья детских ног может быть настолько громким.

— Вот о чём я говорил. Ты не должна такого говорить здесь. Отправляйся в свои покои.

— Что? Да как ты можешь! Эта дрянь должна была умереть ещё тогда! Нужно было закопать её вместе с её ненаглядной матерью, когда она ещё работала здесь! Почему ты пытаешься сделать вид, будто бы ничего не произошло?! Ты ведь всё знаешь! Почему ты всё ещё ничего не сделал с ней?

— Замолчи и иди к себе, — уже со злостью в голосе отозвался мужчина.

— Ладно, я пойду. Но, если что-то произойдёт — я тебя предупреждала.

На этом разговор завершился. Женщина действительно ушла. Она направилась в сторону лестницы у которой находилась я. Нужно было срочно куда-то спрятаться, но другого решения, кроме как — выйти в окно — я не нашла. Окно оказалось достаточно простым для такого дома и не запертым, но достаточно большим, чтобы в него смог пролезть человек. Стоило лишь потянуть за ручку на верх, как оно легко открылось. После того как я вылезла из окна, присела на корточки у стены, чтобы меня не заметили. В ту же секунду мимо кто-то прошёл. Я не стала сразу вставать, побоялась, что меня могут найти. Но, просидев так пять минут, я всё же решила двинуться дальше.

Возвращаться в дом мне не хотелось. Хотя уже была ночь, сон никак не приходил. Да и на улице было гораздо лучше, чем в том душном помещении. На улице было тепло. Яркий свет, что отражала луна имел успокаивающий эффект, а самой луной хотелось любоваться вечно. Этим я и занялась. Нет, наблюдать за этим вечно я бы не смогла, но просто посидеть на мягкой траве, окруженной этим светом, было бы куда приятнее, чем вернуться в неизведанное мной место.

Проходили часы, а я всё сидела. Порой лежала, но мне это нравилось. Не знаю, как скоро должно было настать утро, но уходить от сюда совершенно не хотелось. Я долго думала над всем тем, что узнала, но прийти к однозначному ответу я не смогла. Например, что они имели в виду, когда говорили про меня, или что это были за шаги и как они связаны с той девочкой, которую я видела? За всеми этими размышлениями я и не заметила, как ко мне подошёл отец.

— Что ты тут делаешь? — с недоумением спросил он.

— Сижу. Мне не спалось, и я решила выйти на улицу.

— Но, ведь твоя комната..., - уже тихо произнёс он, будто бы не должен был этого говорить.

— Что моя комната?

— Ничего. Что-то произошло в школе? Сегодня звонил директор и просил нас срочно приехать.

— Разве тебе было когда-то дело до меня? Даже если бы я хотела покончить с жизнью, тебе бы не было до этого абсолютно никакого дела. Не так ли? — да, я всё ещё не особо понимала, что происходит, но некоторые вещи были понятны с самого начала. Одно я знаю точно — семье Эммы не было никакого дела до неё. А значит я могу относиться к ним так же, как они относились к ней. Хотя называть их семьёй — перебор. Они даже этого не достойны. — Я всё-таки пойду в свою комнату. Холодает.

— Стой. Я провожу тебя, — неожиданно отозвался отец, но это он сказал уже мне в спину.

Я не стала его дожидаться. Но это и не требовалось. В конечном итоге он меня обогнал, и я уже шла за ним. Мы поднялись на второй этаж и завернули в коридор, в котором не было ни одной двери. Мы шли и шли, и вот, дошли до конца коридора, где, как оказалось, и находилась моя комната. Дверь была странной... Металлическая дверь с тремя замками, без какой-либо возможности взглянуть что находится за ней.

Отец достал ключ из кармана и начал открывать каждый из замков, проворачивая ключи по несколько раз. Наконец дверь открылась. Как оказалось, она была не только огромной, но и адски тяжёлой. После того как я вошла в комнату, она с грохотом закрылась, и я услышала, как снова проворачиваются ключи в замочных скважинах.

— Они что, закрывают меня здесь каждую ночь? Тогда не удивительно, что он так удивился, увидев меня на улице...

В комнате не было ничего. Точнее, я ничего не видела, так как свет не горел, а окна здесь не было. Чтобы хоть что-нибудь увидеть я начала искать на стенах хотя бы маленький выключатель. Ощупывая каждый миллиметр уже несколько минут, я всё никак не могла его отыскать. Но под конец, когда я уже начала отчаиваться, я смогла найти что-то на подобии рычага. Он находился совсем рядом с дверью, но не с той стороны, откуда я начинала.

Дёрнула за рычаг, и на потолке загорелся свет. Это была лишь одна жалкая тусклая лампа, но и её хватала, чтобы осветить эту комнатку. Комната была настолько маленькой,

что половину всего места занимали кровать, письменный стол и шкаф. Остальное место было пустым. На стенах не было даже обоев, они были будто бы бетонные, но я слегка прослеживала кирпичные линии, как будто бы этому месту было уже много-много лет. Настолько, что кирпичи представляли собой одно целое. Ровно из того же материала был сделан пол. Взглянув на дверь, я увидела, что на ней нет даже ручки, чтобы можно было её открыть.

— Странно, что при их желании избавиться от Эммы, у них не возникло мысли о том, чтобы просто оставить её здесь.

Сон, как и прежде, не приходил поэтому я решила поискать что-нибудь в комнате. Мало ли что может здесь оказаться. Комната была настолько маленькой, что мне не потребовалось и пяти шагов, чтобы дойти до стола, на котором лежало несколько книг и бумага на которой было написано лишь несколько строк: «Меня здесь нет, и никогда не было. Я умерла, умираю, умру и буду умирать до тех пор, пока кто-нибудь меня не спасёт. Люди смеются, люди хохочут, но люди не знают всей правды, отнюдь. Не знают они, не знаешь и ты, как можно на верную гибель идти. Идти ведь ни сложно, ни сложно шагнуть, рукой лишь махнуть и в небо вспорхнуть. Но кому это надо? Ни мне ни тебе. Я-то мертва, а тебе не дано. Не дано тебе знать, что значит страдать. Хотя о каких страданиях может идти речь, когда ты ничего не чувствуешь? Нет, страдать ты умеешь, но правда ли так, как должно оно быть, а не просто пустяк? Не помнишь, что было, и что? Начнёшь понимать или может страдать? А вспомнишь меня? Мы встречались давно. И недавно встречались. Я тебя позвала, а ты со мною пошла. Пошла, не оправдываясь, ты хотела, ждала, меня призвала, я тебя с собой забрала. А ты и не против была. Ну что же теперь? Найди правду. Узнай. Разгадай. И спаси.». Удивительно, что всё это было написано на бумаге чёрными чернилами с оттенком багрового, но при этом на столе не имелось чернил. После прочтения этого... письма? Лист в моих руках обратился в прах. Он просто рассыпался и упал на пол кучкой пепла, а потом и вовсе его сдуло ветром. Хотя какой ветер, если здесь нет окна и наглухо заперта дверь?

Что это было я так и не поняла. Письмо, казалось, предназначалось для меня. Нет, даже не так. Я точно знаю, что оно для меня, и точно знаю от кого. Но что она имеет в виду под «спаси»? Что я должна найти и что узнать? Так много вопросов, но никто на них мне не ответит. Поэтому я решила продолжить свои «поиски» в комнате, в надежде найти ещё хоть что-нибудь.

Как и стол, шкаф был очень старым и потрёпанным. Когда я его открыла, прозвучал противный скрежет от несмазанных петель. Но это было не самое ужасное. В шкафу оказался лишь один комплект одежды. Он представлял собой белую шёлковую рубашку с объёмными рукавами и кружевным воротником. Её дополняла юбка цвета красного бархата. На ней не было никаких рисунков или вышивки. Абсолютно простая длинная юбка в пол, но при этом верхняя её часть облегалa ноги, а затем плавно уходила в ширь. Кажется, такую одежду носили очень давно домработницы, от управляющих до гувернанток. Не знаю, что эта одежда делала в этом шкафу, но она нравилась мне гораздо больше чем та, в которую была одета я. На мне была обычная школьная форма. Тёмно-зелёная юбка в клетку, блуза с коротким рукавом и тугим горлом, жилет серого цвета с эмблемой учебного заведения. Моя одежда была ужасно грязной и помятой, поэтому переодеться не помешало бы. На верхней полке шкафа я нашла коробку с нижним бельём, колготками и носками. А вот обувь пришлось обойтись той, которая была на мне изначально. Это были чёрные балетки на

небольшом каблучке.

После того как я переоделась, я наконец решилась изучить кровать. Она казалась мне странной, поэтому я не спешила подходить к ней. Но, так как я закончила со всем остальным, мне пришлось это сделать. Она казалась мне странной именно потому, что не выглядела как обычная кровать, было не похоже, что на ней кто-то спал когда-либо. На кровати я ничего не увидела, но сейчас это было более чем странно. Поэтому я решила заглянуть под кровать. Заглянув под неё, я обнаружила чемодан. Обычный такой, старый коричневый чемодан на металлических застёжках. В нём оказалось несколько вещей. Одной из которых была кукла. Рядом с куклой лежало несколько писем, которые были связаны вместе куском бечёвки. Когда я взяла в руки куклу, из неё выпал серебряный медальон, внутри которого находилось две фотографии. На обеих фотографиях были изображены два спящих младенца, укутанных в белоснежные одеяла. Не акцентирую на этом своё внимание я положила медальон в карман юбки и благополучно о нём забыла, приступив к изучению писем.

Всего писем было четыре. В первом, из которых было написано: «Дочь моя, я так жду тебя. Никто меня не поймает, никто о тебе не узнает. Я так жду тебя, как никто другой не будет ждать. Я убежала давно. Давно и так далеко, что никто не сможет меня отыскать. Мы будем с тобою вдвоём жить поживать и горя не знать. Мы будем с тобой танцевать и книжки разные читать. Ведь никто нас не найдёт, и никто тебя не заберёт. Не заберёт тебя у меня никто и никогда. Никогда нас никто не найдёт, мы сбежали давно, далеко, навсегда...».

Второе письмо гласило: «Дочь моя, ты родилась. Ты родилась красивой, здоровой, моей. Ты моя драгоценность, ты моё счастье, ты моя жизнь. Будешь жить ты — буду жить и я. Умрёшь ты — умру и я. Но ты не умрёшь. Я буду с тобой. Мы будем вместе навечно. Навечно вдвоём.».

В третьем письме было написано: «Нас нашли, ты взаперти. Я не смогла тебя спасти, прости. Нас нашли, тебя забрали, я не могу себя простить. Простить не смогу, буду биться о стены и бить зеркала. Буду вечно любить тебя. Буду вечно хранить тебя. Буду вечно с тобою я.».

Несмотря на все эти письма... Четвертое оказалось самым странным: «Прости меня, прости. Не смогла я тебя с собой увести. Оставалось всего пол пути. Но так вышло, прости. Умерла я, ведь некого больше спасти...».

Женщина, что писала эти письма, казалась мне несчастной. Ещё казалось, что её письма лишены какого-то смысла, но я точно знала, что она что-то хочет сказать, только вот что, понять не удавалось. Её мысли были какими-то ломанными и несвязными, но что-то в них было такое, что не давало мне покоя.

Глава 11. Бедное зеркало

Шло время, но для меня оно будто бы остановилось. Ведь в комнате не имелось даже настенных часов, не говоря уже об окне, которого здесь никогда и не было. Я всё пыталась понять смысл тех писем и связать их с тем, что узнала из подслушанного мной диалога. Возможно, та женщина, что писала эти письма, которые я держу в своих руках, была матерью той девочки, но, как тогда она связана с этим местом и, тем более, со мной? Пока размышляла об этом, не заметила того, как начала слышать звук открывающейся двери. Я даже не заметила того, когда её успели открыть.

После того как дверь распахнулась, в комнату зашёл мужчина, одетый в костюм, состоящий из чёрных брюк и жилетки, надетой поверх белоснежной хлопчатой рубашки. Рукава рубашки были подвёрнуты до локтей, а из кармана брюк торчала тоненькая металлическая цепочка, напоминающая цепочку от карманных часов, какие раньше носили очень многие джентльмены и мажордомы. В руках у него был невзрачный поднос, на котором стояли тарелка с омлетом и кружка с чем-то горячим, что можно было понять по исходящему из неё пару.

— Доброе утро, госпожа, — произнёс мужчина с изящной улыбкой на лице.

— Здравствуй, — произнесла я также быстро, как спрятала все письма под одеяло.

— Госпожа, вы сегодня так холодны со мной. Не в моём праве задавать такие вопросы, но всё-таки спрошу: вчера с вами что-то произошло?

— С чего ты это взял?

— Вы сегодня не такая, как обычно. Вы даже не обратились ко мне по имени, чего никогда не происходило.

— Хочешь сказать, что я странная?

— Ни в коем разе, госпожа. Я просто переживаю за вас.

— Хорошо, если так. Вчера я сильно ударилась головой, поэтому испытываю некоторое недомогание. Прости за то, что я сейчас скажу, но не мог бы ты напомнить мне своё имя?

— Вам не за что извиняться, моя госпожа. Моё имя — Фадиан.

— Хорошо. Значит буду звать тебя — Фади, — ответила я и слегка улыбнулась в ответ.

— Вижу, вам уже лучше, госпожа. Я этому рад, а теперь позвольте мне отдать вам ваш завтрак.

После этих слов он подошёл ко мне и вручил поднос с горячим завтраком. Держать на ногах его было проблематично поскольку поднос не имел специально приспособленных под это дело ножек.

— Не мог бы ты поставить поднос на стол, мне неудобно будет есть на кровати.

— Конечно, моя госпожа. Но как вы собираетесь есть за столом, да и без стула?

А ведь действительно. В комнате не имелось даже самой хлипкой табуретки, на которую можно было бы присесть, что могло доставить мне некоторые неудобства в будущем.

— Тогда в этот раз я поем здесь. Но принеси сегодня сюда хоть бы плохонький стул, мне он может пригодиться.

— Как прикажете, моя госпожа. Может вы желаете чего-то ещё?

— Да, не мог бы ты забрать эту одежду? — с этими словами я вытащила из шкафа комплект одежды и белья, в котором была вчера. — Она слишком грязная, я не смогу в ней

ходить. А ещё... мне нужны часы, подойдут абсолютно любые, даже карманные. Мне это просто необходимо. Знаешь, как без них невыносимо?

— Понимаю. Вот, возьмите мои, у меня есть ещё пара других. Но, это странный поступок с вашей стороны. Когда часы стояли у вас на столе, вы попросили их убрать, потому что сказали, что вас мучает их тиканье и осознание, что время движется. Для меня эти слова были странными, но ваше желание — закон для меня, поэтому я их убрал. Посему ваша нынешняя просьба для меня несколько неожиданная. Прошу, не сочтите за грубость с моей стороны, я просто растерян.

— Ничего, Фади. Просто вчера кое-что произошло, из-за чего теперь я думаю по-другому, — задумчиво смотрела на завтрак я. — Кстати, как тебе мой наряд? — вскинула взгляд на него я и улыбнулась.

— Вы выглядите превосходно, — после этих слов он протянул мне часы с гравировкой в виде цветущей розы. — Я пойду, моя госпожа, у меня есть ещё дела.

— Конечно, иди. Спасибо за часы. Я отнесу поднос после того, как доем.

— Можете не утруждаться, а просто оставить его на столе. Я заберу его, когда занесу сюда стул. И не забудьте, через пол часа вам уже нужно отправляться в школу.

На этом наш разговор завершился и Фади вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Часы я положила в тот же карман, в котором лежал и медальон.

В кружке, что была на подносе оказалось какао. Оно было горячим и сладким. Очень хороший напиток, чтобы поднять себе настроение, а именно это мне сейчас не помешало бы.

Доев свой завтрак, я, как и посоветовал Фадиан, оставила поднос на столе. А сама посмотрела на часы и узнала, что до выезда осталось всего пятнадцать минут, поэтому я поспешила покинуть комнату.

Спустившись вниз, я увидела большой стол, за которым сидели хозяева этого дома. Они молча завтракали, не обращая друг на друга никакого внимания.

— Доброго утра и приятного аппетита, господа, — сказала я и улыбнулась. Они посмотрели на меня удивлёнными глазами и ответили.

— И тебе, — первым ответил отец.

— Что за одежда сейчас на тебе? Почему ты не в школьной форме? Учти, больше я не поеду в эту твою школу. Не хватало мне снова опозориться из-за тебя.

— Ох, вы про этот наряд. Я нашла его у себя в шкафу. Не правда ли, замечательный? Впрочем, мне и не нужно ваше мнения, всё равно ничего хорошего вы мне не ответите, — с некоторой ироничностью в голосе ответила я.

— Грубиянка.

— Знаете, вы всегда такая злая и вредная, поэтому я решила, что буду называть вас Ларисой. Надеюсь вы не обижаетесь? А ведь это не самое плохое имя, оно мне напоминает крыску-лариску. Ой, это имя стало подходить вам ещё больше. Решено! Я буду звать вас именно так.

— Да как ты смеешь! — со злобой возразила она мне. — Почему ты просто сидишь и ничего не делаешь, а? — а это она уже вопрошала у отца, у которого, к слову, проскальзывала смешинка во взгляде.

— Хорошего вам дня, господа, — последнее, что я им ответила и вышла из гостиной.

Какао действительно повышает настроение. Может быть так действует сахар, который был в него добавлен или на меня повлиял разговор с Фади, не знаю. Но у меня было стойкое чувство, что сегодня произойдёт что-нибудь впечатляющее. С этими мыслями я вышла из

дома.

В некоторой отдалённости я заметила машину, рядом с которой стоял вчерашний водитель. К нему то я и подошла.

— Ну что, поедем? — спросила я. Хотя ещё и оставалось семь минут до основного срока отправления, но лучше раньше, чем позже, мало ли, что может случиться.

Водитель с удивлением на лице посмотрел на меня, но всё равно ответил: «Как прикажете». Я снова сидела в этой машине, но уже не было того ощущения замкнутости, что я ощущала в первый раз. Уверенность и чувство некоторого предвкушения чего-то очень важного предавали мне сил. Почти сразу после того, как я села в машину, я попыталась найти механизм, который нужен для управления окном. Нашла я его достаточно быстро, и ехала уже с открытым окном, из которого дул лёгкий прохладный ветерок, слегка обдувающий волосы.

До школы мы доехали приблизительно за час. Выйдя из машины, у здания я заметила столпившихся школьников, которые бурно что-то обсуждали. Задерживаться мне было не к чему, поэтому я поспешила ко входу в школу. Отсутствие у меня каких-либо школьных вещей не беспокоило. Потому что пока я ехала в машине, спросила водителя о том, где мои вещи. На что он мне ответил, что я всегда возвращаюсь без них, поскольку в этом нет никакой необходимости, ведь в школе обустроены специальные камеры хранения. Поэтому единственной проблемой оставалось — это найти этот самый ящик. Как удачно, что вчера, когда я переодевалась (или это было уже сегодня?), из кармана школьной юбки выпал ключ, на котором был написан номер. Что именно он обозначал я тогда не знала, поэтому просто сунула его к себе в карман, как делала и со всеми остальными вещами. И теперь оставалось лишь незаметно пробраться сквозь эту толпу, что, на мой взгляд, было невозможно.

Пока я шла до входа, никто ко мне не подходил, и никто ничего не пытался сделать, все только изредка кидали на меня насмешливые взгляды. Когда я почти дошла, из ниоткуда появилась странная девушка. Она выглядела как примерная ученица, одетая по всем правилам. Аккуратно выглаженная форма, накрахмаленный воротник, короткая стрижка каре, никаких аксессуаров и макияжа. Такому человеку хочется довериться, но при этом ты всегда чувствуешь от него какую-то поддельность, какую-то загадочность, которая тебя страшит.

— Привет, Эмма! Это я, Бэтти. Я твоя одноклассница, ты же помнишь меня? — энергично и очень весело произнесла она.

— А почему не должна? — ответила ей я. Да, я не была с ней так же дружелюбна, как она со мной, но, как я говорила раньше, на это есть свои причины. И особенно я не могу доверять людям, которых вижу впервые, ведь на данный момент я не имею ни малейшего представления о том, как здесь относились к Эмме, и кто был её одноклассниками. Поэтому самая лучшая манера поведения — придерживаться дистанции, хотя бы на какое-то время.

— Ох, я подумала, что раз ты так редко посещаешь школу, могла и позабыть что-то. Я просто хотела предложить свою помощь в случае, если ты даже не помнишь, где твой шкафчик... Не подумай, что я пытаюсь тебя оскорбить...

— А ты пытаешься? — перебила её я.

— Нет-нет, что ты! Я искренне хотела тебе помочь, у нас ведь такая большая школа. Слышала, что у тебя есть некоторые проблемы, поэтому и вызвалась сама, ведь я знаю какая ты бываешь застенчивая, — сказала она мне и улыбнулась.

— Прости, что была с тобой груба. Ты права, у меня есть некоторые проблемы, и с

памятью в частности. Не могла бы ты мне помочь найти мой шкафчик, боюсь, что я действительно могу сама не управиться, — ответила я и улыбнулась в ответ. На самом деле никто из нас не был дружелюбен, даже слепой бы заметил насколько это всё фальшиво, но пока я не знала, что именно ей от меня нужно.

— Отлично! Тогда, пойдём?

— Конечно пойдём, скоро ведь начнутся занятия.

Пока мы шли по коридору, на нас никто не обращал абсолютно никакого внимания. Все занимались своими делами. В коридоре было море окон, наверно, через каждые пару метров висело по окну, в высоту по размеру они практически достигали размера стены, но всё-таки не полностью. И когда я оборачивалась, чтобы посмотреть очередное такое окно, я периодически замечала, что все, мимо кого мы проходили, смотрят на меня. Это настораживала, но остановится сейчас я уже не могла. А зачем? Возможно, это как-то связано со вчерашним днём, но как именно, я не понимала. По мере того как мы приближались к нужному ящику, людей становилось всё больше, а их взгляды всё внимательнее.

— Мы пришли! Вот твой шкафчик. Ну же, открывай скорее! — настаивала Бэтти.

— Зачем так спешить? Ты куда-то торопишься? — спросила у неё я, ведь её настойчивость казалась мне странной.

— Конечно! Скоро ведь начнутся занятия, а ты всё ещё без вещей. Ну же, поторопись, — настаивала она.

— Хорошо.

После этих слов я достала из кармана юбки ключ, сверилась с номером на ключах, и он оказался верным. Затягивать не стала. Вставила ключ в замочную скважину, попыталась повернуть, но у меня ничего не получалось. В этот момент я поняла, что он был открыт с самого начала, и стоило лишь слегка ему помочь, как дверца распахнулась, а оттуда на меня вылетел какой-то пузырь, который стукнувшись со мной, лопнул и на меня вылилась вода.

— Ахаххххха, — заголосил народ.

— Боже, ты что, действительно настолько тупая, что повелась на это?! Я ожидала от тебя большего, Эмма. Ты меня даже разочаровала, в каком-то смысле этого слова, — произнесла Бэтти.

Ответить ей я ничего не успела, ведь в этот момент прозвенел звонок.

— Чёрт, тупица! Ну почему ты такая медлительная? Теперь из-за тебя я опаздываю на урок! — сказала она, и громко топнув своими каблучками, ушла прочь.

На этом всё и закончилось. Все разбрелись по аудиториям, а я так и стояла посреди коридора, вся облитая водой, неспособная сдерживать эмоции. Я ожидала чего-то подобного, но, когда это действительно случилось, ничего не смогла сделать. Меня охватила растерянность. Я не знала, что нужно делать в такой ситуации ведь никогда с ней не сталкивалась. Да и что я могла бы сделать? Не было никого, кто был бы на моей стороне.

Наконец, придя в себя окончательно, я решила посмотреть, что ещё находилось в ящике, кроме неожиданного «сюрприза». В нём я обнаружила стопку учебников и тетрадей, канцелярские принадлежности, сумку, расчёску, спортивную форму, к которой прилагались кроссовки и несколько резинок для волос. Как раз то, что мне и было нужно в данный момент, ведь вся одежда и обувь в которой я была, были безжалостно испорчены. На дверце висело разбитое зеркало. Не знаю было ли оно разбито намерено кем-либо или просто не выдержало моей красоты, но в нём я увидела привлекательную девушку с большими глазами

и такими же большими ресницами, густыми чёрными волосами, которые срочно требовали, чтобы их расчесали, не знаю с какого момента их не расчёсывали, но казалось будто бы этого не делали никогда. А мне до этого вчера было не до этого... Да и нечем бы было расчёсываться, а сейчас очень удачно подвернулась расчёска.

Схватив сумку, положила в неё расчёску, спортивную одежду, кроссовки и резинки для волос, которые были в ящике. Закрыла его на ключ и пошла в женскую уборную. Я увидела её ещё тогда, когда шла вместе с Бэтти.

В уборной находилось большое зеркало, висевшее над большой стойкой с раковинами. Первым делом я переоделась и переложила все свои вещи. Медальон я повесила на шею, так как карманы у костюма были не настолько большими и вместительными, какие были у юбки. Часы же я убрала в карман брюк. Куртку пришлось повязать на пояс, так как было жаркое лето, а вспотеть в таком костюме было бы очень просто. Поэтому я обошлась лишь майкой на торсе. Дальше занялась волосами. Это был очень сложный и кропотливый процесс. Пришлось постараться, чтобы не выдернуть все волосы. Наверное, это заняло минут пятнадцать, но у меня получилось привести их в надлежащий вид. Оказалось, что мои волосы ужасно длинные. Они доставали до поясницы при том, что сами по себе были вьющимися. Но, жара не дремлет, поэтому я заплела себе две косы и оставила их болтаться сзади, а вот с брюками пришлось что-то делать, простояв в них около двадцати пяти минут я уже ужасно вспотела, поэтому подвернула их до уровня колен. Да, вид был не сильно подходящий для школы, но что поделаешь.

Я уже собиралась уходить отсюда, как услышала звук приближающихся шагов. Всё, что произошло за последние два дня, не заставило меня долго думать, поэтому я спряталась в ближайшей кабинке и стала ждать.

В скором времени в туалет зашли две ученицы. Одну из них я узнала по голосу. Это была Бэтти. Неожиданно. А говорила, что на занятия опаздывает... Ну да мне какая разница главное это то, о чём они разговаривали с неизвестной мне собеседницей.

— Чёртова Эмма. Зачем она явилась сегодня в школу? То неделями не появляется, а тут на тебе, — сказала Бэтти

— Согласна, лучше бы она сдохла ещё вчера. И с чего вдруг она передумала прыгать. Такое шоу сорвала! — ответила ей неизвестная.

— И не говори. Мало ей было до этого? Значит теперь мы сделаем так, чтобы она пожалела о своём решении!

— А если она решит повторить своё действие и доведёт его до конца? Что тогда? Нас ведь могут привлечь за доведение её до... ну ты понимаешь. Что в таком случае ты собираешься делать?

— Эмма у нас не одна с богатеньким папашей. Мы, если ты забыла, находимся в элитной школе. А это значит, что в любой ситуации, какая бы не произошла, нас всегда смогут отмазать. Тем более, что до Эммы её родителям нет абсолютно никакого дела.

— Но что если она расскажет об издевательствах директору и преподавателям?

— Она на это не способна. Она слишком тихая и скромная, чтобы о таком трепаться, а другие этого не скажут тем более, если не хотят отхватить ещё больше. Друзей у неё тоже нет, так что рассказывать некому.

Я бы слушала их и дальше, если бы не одно но. Я чихнула и это услышали все, кто находился в помещении. Практически сразу дверь кабинки распахнулась и меня, сидящую на унитазах, поджав ноги с сумкой в обнимку, увидела Бэтти.

— А кто это тут у нас подслушивает, а, Эмма?

— И снова здравствуй, Бэтти. Какая неожиданная встреча, неправда ли? — ответила ей я, улыбнулась, встала со своего сиденья и подошла к ней вплотную.

— Куда-то собираешься, Эмма? Не торопись, нам ещё нужно с тобой кое-что обсудить?

— Да? И что же? Собственно, я догадываюсь о чём ты. Но у меня есть и другие планы Чао! — сказала и попыталась оттолкнуть её я, но ничего не вышло.

— Ну куда же ты меня бросаешь? Разве мы с тобой не одноклассницы? Разве не хочешь со мной поболтать? Нам о многом нужно поговорить. И чего это ты стала такой дерзкой? Не пытайся строить из себя того, кем ты не являешься, поняла?!

— Да отвали ты уже!

После этих слов я толкнула её в грудь. Она отлетела напрямик к стойке с раковинами, сильно ударившись о них спиной. Я положила сумку около раковины, а сама же крепко схватила Бэтти за волосы и подтянула её наверх. Удар. Звук бьющегося стекла и лицо Бэтти на нём. Я крепко приложила её об зеркало и прильнула к её уху.

— Не смей так больше делать. Смотри какой страшной я могу быть. А ведь это лишь мелочи. Знаешь, я бы с радостью сбросила тебя с той самой крыши, но боюсь, что мне, в отличие от тебя, будет грозить серьёзная расплата. Очень жаль, что ты не боишься того же. Но подожди. Твоё ещё будет. Я-то об этом позабочусь, а тебе советую позаботиться о том, что ты будешь делать со своим лицом. И...

Договорить я не успела, так как в комнату вбежали трое: какой-то мужчина в строгом костюме, женщина, и какая-то девчонка.

— Смотрите, смотрите! Что она делает! А ну, отпусти Бэтти! Да как ты можешь быть такой жестокой?! — произнесла девчонка. По голосу я узнала ту незнакомку, что была здесь вместе с Бэтти. Я даже не успела заметить, как она исчезла, а оказывается она убежала за подмогой... Трусы!

— В кабинет директора, живо! Все трое! — произнёс грозным голосом мужчина в костюме.

— От вас, Эмма, я такого не ожидала, — сказала женщина, но на её слова мне было глубоко наплевать, ведь кто она такая? Лично для меня она — никто.

Мне пришлось отпустить Бэтти и, схватив сумку, отправиться в след за мужчиной. Шли мы в полной тишине. Иногда я оборачивалась назад, и видела окровавленное разозлённое лицо Бэтти, из которого торчало несколько осколков разбитого стекла. Нормально ходить она тоже не могла, так как сильно ударилась о стену, о которую я её приложила. То и дело спотыкалась, шла сгорбленно на трясущихся ногах. А я, подняв голову и расправив плечи, гордо шла с чувством выполненного долга.

Возле двери кабинета, в который мы вошли, висела табличка с надписью: «Директор частной школы №** ***** ***** *****». В кабинете была ещё одна дверь, за которой находилась комната с огромным т-образным столом и стеллажом книг и документов у задней стены. Нас пригласили именно туда, но присесть не предлагали. Мы стояли напротив стола, когда мужчина сел в чёрное кожаное кресло напротив, а рядом с ним на стул примостилась и женщина.

— Эмма, во-первых, объясните мне почему вы не в школьной форме, — спросил меня директор.

— Меня об... — не успела договорить я.

— Меня не интересуют ваши оправдания, лучше ответьте: почему вы так жестоко

обошлись с вашей одноклассницей? Разве она вам сделала что-то плохое? Не понимаю, как можно так обходиться с порядочными людьми.

— А с непорядочными значит можно?

— Что? — не понял моего вопроса директор.

— Вы сказали, что с порядочными людьми так обходиться нельзя, а значит, если исходить из ваших слов, то с непорядочными людьми так поступать можно. Я правильно вас понимаю? А если я докажу, что она — непорядочный человек?

— Как вы собираетесь мне это доказывать? Бэтти образцовая ученица, она никогда ничего плохого никому не сделала, в отличие от вас.

— А как же вчерашний день?

— Что вчерашний день?

— Разве вы не помните? Вы же сами звонили моим родителям.

— Да, звонил. Потому что вы упали в обморок и вас нужно было кому-то забрать. Как с этим должна быть связана Бэтти? Вы же не хотите сказать, что это она виновата в том, что вам стало плохо?

— Нет. Не хочу.

— Тогда я не понимаю, что именно вы хотите.

— Я хочу сказать, что она — зачинщик травли. Сегодня утром они облили меня водой.

— И что? Я уверен, что это была просто дружеская шутка. Но вы, видимо их не так поняли, я так полагаю. Я прав, девочки? — обратился он к Бэтти и незнакомке.

— Да-да! — ответили они хором.

— Ты нас просто не так поняла. Мы же просто пошутить хотели. Ох, директор, она всегда такая эмоциональная, всегда всё воспринимает близко к сердцу. Даже заявила нам сегодня, что мы её якобы достаём и доводим до... кончины... ну вы поняли. Представляете? — начала лепетать незнакомка, видимо потому, что Бэтти была уже не в состоянии что-либо говорить.

— Это так? Тогда всё понятно. ***** отведи Бэтти в медпункт. А ты, Эмма, останься здесь, мы ещё не договорили.

На этом эти двое ушли, а я осталась в кабинете наедине с этими двумя.

— Эмма, я понимаю, ты сложный ребёнок, и тебе не так легко завести друзей, но избивать своих одноклассников и тем более лгать о том, чего они не делали — низко, очень низко...

Больше я ему ничего не отвечала. Всё было понятно с самого начала. Он не собирается меня слушать. Бэтти у него на особом счету, поэтому мои слова не будут для него ничего значить. Это и понятно, если её родители вдруг окажутся спонсорами этого места... Мои то навряд ли...

— В качестве наказания я отстраняю тебя от занятий на неделю, но это не значит, что ты не приходишь в школу. Это лишь значит, что ты будешь отрабатывать эту неделю в библиотеке. Всю эту неделю ты должна будешь выполнять поручения мистера Лира. Твоя отработка зачтётся только после того, как он предоставит мне полный отчёт. Мисс ****, проводите её в библиотеку, пусть начнёт с сегодняшнего дня.

— Конечно директор. Эмма, я, как твой классный руководитель, в тебе очень разочарована...

Глава 12. Лир

Библиотека была огромной. В ней хранилось несметное количество книг. Но всё это было не просто историями, а это место не просто священным хранилищем знаний, это было чудовищным, колоссальным хранилищем пыли! И всю эту пыль мне пришлось тщательно вытирать. Такое вот мне задание придумал мистер Лир. На самом деле он был довольно милым старичком. Общительным и обходился со мной так же хорошо, как и Фадиан. Но было в нём что-то странное. Порой он говорил о вещах, о которых я не то что не понимала, но и никогда о них не слышала. На самом деле, может показаться, что я говорю всё это так, как будто бы провела здесь несколько дней, но нет. Сегодня — это всё ещё то сегодня, когда меня сюда привели.

Та женщина, что называлась моим классным руководителем, на прощание ещё что-то говорила про то, что воспитанные девушки не должны себя так вести и она надеется, что мистер Лир сможет научить меня хорошим вещам, но её мне слушать совершенно не хотелось. Для меня она по-прежнему никто, раз считает меня виноватой. Я совершенно не считаю, что поступила плохо или опрометчиво. Нет, это был мой осознанный, самостоятельный поступок. Знаете, мне кажется, что за всё это время я успела осознать себя, как Эмму. Хотя ей я и не являлась, но я хорошо осознавала то, что она чувствовала и о чём мыслила. Я её понимаю. Возможно, она и не желала бы мести, но этого желаю я. А я — это тот, кто сейчас может всё, если не больше.

— Эмма! Слезай, идём обедать! — кричал мистер Лир мне, пока я лазила по лестнице, протирая пыль с очередной полки.

— Сейчас! Чуть-чуть осталось!

И ведь действительно чуть-чуть. Уже через минуту я стояла возле столика, накрытого мистером Лиром.

— Я правда могу пообедать с вами? — с недоумением спросила я.

— Конечно! Мне одному бывает очень скучно, да и ты наверняка голодная, а с собой у тебя ничего нет. Я очень люблю книги, но они никогда не смогут заменить настоящего человеческого общения. Запомни это: ни-ко-гда!

— А откуда вы знаете, что у меня с собой ничего?

— Просто знаю, — загадочно ответил мне старик и улыбнулся. — Ну давай уже, садись и будем вместе обедать.

На столе стояли две порции борща и прилегающий к ним овощной салат из огурцов и помидоров, и тарелка с тёмным нарезным хлебом.

— Ты ешь, ешь. А мы с тобой потом и чай попьём с печеньем. Сам готовил! Сюда всё равно никто не приходит.

— А как это тут оказался борщ? Да ещё и горячий.

— Так я здесь живу. Ты не знала? У меня здесь и комната своя есть, и кухня. Если хочешь, могу потом показать.

— Очень хочу! Только вы не забудьте. И приятного аппетита! Всё так вкусно пахнет, не терпится попробовать.

— Так пробуй же, пробуй.

На этом наш деловой разговор завершился, и мы приступили к еде.

В библиотеке было действительно очень много пыли, поэтому мне постоянно

приходилось лазать туда и обратно по лестнице. За сегодняшний день я не успела управиться, наверное, и с двадцатой частью всего, что тут было, но уже наступил вечер и мне нужно было ехать домой.

— Вот. Возьми, — сказал мне мистер Лир и протянул толстую книгу, на которой была изображена точно такая же роза, что и на моих часах, которые дал мне Фадиан.

— Что это?

— Я увидел твои часы. Ты часто ими пользуешься. Подумал, что они тебе очень нравятся, поэтому решил, что и эта книга тебе будет интересна. Бери. Она тебе еще пригодится, — странным, загадочным голосом произнес мистер Лир. Никогда раньше он так не разговаривал. Если раньше он всегда с чувством мне рассказывал о приключениях, о которых прочитал в книгах, что вызывало у него тысячи эмоций. То сейчас единственно чувство, которое ощущалось от него, было чувством уверенности. Он был полностью уверен в том, что делает и говорит, чего я не замечала у него ранее.

— Хорошо. Спасибо, вам мистер Лир. Я пойду. До завтра, — ответила ему я и забрала книгу. Её я положила в сумку к остальным вещам. Я не боялась, что она может намокнуть, потому что всё то время, пока я работала в библиотеке, мои вещи сушились в комнате мистера Лира.

— Конечно. Иди, за тобой уже приехали.

Я не стала спрашивать, откуда он это узнал, но, несомненно, это было странно. Хотя, может быть я просто себя накручиваю, и он просто догадался?

На улице действительно находился водитель. Я быстро села в машину, и мы уехали.

В доме меня никто не встречал, да это было и не нужно. Я быстро поднялась по лестнице на нужный этаж и побежала к себе в комнату.

Когда я пришла в комнату, я увидела несколько новых вещей: кресло-качалка, которое стояло возле кровати и небольшой деревянный стул с мягкой подушкой. Было необычно. Хотя в комнате и стало намного меньше места, но так было гораздо уютнее.

Не успела я опробовать свои новые приобретения, как в комнату зашёл Фадиан. В руках у него было банное полотенце, а на лице сверкала все та же улыбка.

— С возвращением, госпожа. Как прошёл ваш день?

— Здравствуй, Фади. Довольно неплохо. Я бы даже сказала: хорошо, — ответила ему я и улыбнулась в ответ.

— Я рад, что у вас всё хорошо. Не желаете ли принять ванну? Я уже всё подготовил.

— Не откажусь. А как ты узнал, что я приду именно в это время?

— Всё потому, что я ваш верный слуга, — все с той же улыбкой отвечал мне он.

— Знаешь Фади, сейчас ты для меня гораздо больше чем слуга. Ну что, веди, не терпится искупаться.

В ванной было тепло. Она освежала и придавала сил. Тщательно вымывши тело и волосы, я вышла из ванной в дополнительную комнату. Так называемый "предбанник" не пропускал пар, который исходил из ванной комнаты и позволял хранить всякие принадлежности. Такие, как: полотенца, средства гигиены, а также там были тумбочки и пуфики, на которые можно было положить сменную одежду. На одной из таких тумб лежала и моя. Фади принес её, когда я была в ванной. Одежда представляла собой лёгкое атласное голубое платье по колено, на котором было несколько украшений в виде кружев. Рукава были длинными, но легкими и развивающимся, они не прилегали к телу, а просто развивались в воздухе. Кулон я оставила на шее, а часы пришлось отдать Фади вместе с

остальными вещами, чтобы он отнес их в мою комнату. К платью прилагались лёгкие босоножки без застёжек на небольшом каблучке. А также, Фадиан предложил мне крабовидную заколку, а я не стала отказываться. Если бы у вас были такие же длинные густые волосы, как и у меня, вы бы поступили так же. Собственно, кому я это говорю, если здесь, кроме меня, никого нет...

После купаний я отправилась в свою комнату. Изрядно вымотавшись за весь день я только и ждала того момента, когда смогу упасть на кровать и хоть немножко отдохнуть. И вот, я уже совершила своё долгожданное действие, но вдруг почувствовала под своей спиной, что-то неприятное. В этот момент я вспомнила о письмах, которые положила утром под одеяла в надежде спрятать их от посторонних. Пришлось встать с кровати и достать их. Но, к моему удивлению, их там не оказалось. Точнее, там было лишь одно письмо. С совершенно отличным от других текстом:

«Все мертвы, но ты жива. Найди правду, разгадай загадку. Всё, что нужно ты узнай, и ко мне, сюда ступай. Иди сюда, не торопись, не споткнись, не ошибись. Сделай всё, что нужно. Всё, что нужно ты узнай. Всё узнаешь скоро». На вид странное письмо было гораздо понятнее тех, что были до этого. Не такие длинные и не такие запутанные, но при этом это было письмо, по которому было понятно, что обращаются ко мне. Я понимаю, что она хочет, чтобы я её нашла, но как мне это сделать — непонятно, да и почему и кто она, так и остается загадкой. Я хочу верить её словам о том, что скоро я всё узнаю, но когда наступит это самое скоро?

Рассуждая обо всех этих запутанных вещах, мне вспомнилась очень важная деталь: зачем я здесь? Те малявки говорили, что моя цель — это смерть, которой я смогу достичь только тогда, когда буду помогать другим. И до этого момента я думала, что та, кому нужно помочь — это Эмма, но неужели той, кому это действительно нужно, окажется эта девочка, которая постоянно зовёт меня. Хотя и при помощи писем, которые непонятно откуда берутся и не понятно куда деваются, но зовёт. Зовёт и просит о помощи...

Когда мои рассуждения стали подходить к концу, откуда ни возьмись в комнате возник Фадиан.

— Госпожа, прошу проследовать на ужин.

— Ужин? Я совсем забыла об этом. Спасибо, что передал. Я скоро спущусь, можешь идти.

— Как прикажете, госпожа.

На этом Фадиан ушёл, а я подошла к письменному столу, где лежали часы и прочие вещи. Взять с собой я их не могла, поэтому перед уходом на всякий случай сверила время, часы показывали семь часов вечера.

Снова этот огромный стол, что я видела утром. Но сейчас за ним сидела лишь Мадам «Лариса». Стол был усыпан различными яствами, но при этом столовых приборов было лишь на двоих.

— Мы не будем дожидаться отца?

— Он, как обычно, приедет поздно. Садись. Нам ещё нужно поговорить.

Её поведение было странным, но я всё же села и не дожидаясь приглашения приступила к еде. Уже дойдя до десерта, Лариса начала разговор:

— Мне сегодня звонил брат.

— Ваш брат?

— Твой директор.

— Наверное, он вам много интересного рассказал.

— Именно. Он сказал, что сегодня ты покалечила одного очень важного человека. Пришла в школу в неподобающем виде на занятия и пыталась оболгать других, вместо того, чтобы признать свою неправоту и извиниться.

— Это ложь. Всё было абсолютно не так. Меня никто не хотел даже слушать, а вы говорите, что я кого-то оболгать пыталась. Да как бы я это сделала, если ни разу рот не успела открыть? — спокойным без эмоций голосом ответила ей я.

— Меня не волнует кто прав, а кто виноват. Меня лишь просили передать, что, если завтра ты не извинишься, то тебя будет ждать расправа.

— А вы что, беспокоитесь за меня?

— Конечно же нет. Я лишь боюсь, как бы этот инцидент не отразился на этой семье, поэтому советую поступить тебе так, как они хотят. Так будет лучше для всех.

— Понятно. А то я уж стала переживать, что Лариса уже не та Лариса. Я вас поняла, не извиняюсь я не собираюсь.

— Глупая девчонка.

— Какая есть, — ответила ей я и вышла из-за стола. Возможно, на этом наш разговор бы и завершился, но на всякий случай я предпочла уйти, не было никакого желания продолжать этот разговор. А зачем, когда все думают о каком угодно благополучии, но только не о моём, точнее не об Эмменом. Я буду делать всё так, как сама посчитаю нужным, а они пусть смотрят. От них большего и не требуется.

Глава 13. Верность розы

Когда ты не следишь за временем, время следит за тобой. Кажется, так говорят? Или не говорят? Когда я вернулась в свою комнату, часы показывали всё те же пресловутые семь часов. Они всегда показывали именно это время. С самого начала, как я получила эти часы, их стрелки не сдвинулись ни на миллиметр.

Всё так же, как и вчера, спать совершенно не хотелось. Поэтому я решила разобраться с той самой книгой, которую дал мне мистер Лир.

На первой странице было помещено изображение семи девушек, у каждой из шести девушек в руке было по розе, и только у одной её не было. Все они были одеты в довольно простые платья, сделанные из, похжей на хлопчатую, ткани. Девушки были красивы и элегантны, но в глазах у них царило отчаяние. Этим не отличалась лишь та девушка, у которой не было цветка. У неё в глазах царила радость и спокойствие. Она напоминала мне Фади, он точно так же смотрел на меня.

Перелистнув страницу, я увидела то же изображение розы, что и на обложке книги, и на часах. А под рисунком было написано: «Тот, кто верен будет до конца, найдёт покой у своего творца. А кто предаст, тому он не воздаст. Тот будет вечно искуплять грехов своей отчизны». Написана эта надпись была от руки, красивым женским почерком.

А в самой книги была написана история о семи девах. О девах, что сёстрами были. Не связывала их кровная связь. Отцы и матери у них были разные, но выросли они вместе. Ведь объединяла их одна важная деталь — все они были сиротами от рождения. В стране царили бедность и голод, поэтому мало кто мог позволить себе содержать ребёнка, но и это была не единственная причина. В то время мало кто желал оставлять у себя дочь, в приоритете были мальчики, поэтому часто, если дело не доходило до детоубийства, то девчонок отсылали в приюты. Этим же девочкам повезло и их отдали в приют, что находился при монастыре. До пяти лет их растили, кормили, а после пяти, на протяжении трёх лет их обучали грамоте и счёту.

Приют, в который отдали этих девочек назывался в честь Девы Марии, которая была известна, как «мистическая роза» или «роза без шипов». И конечно же там находились целые сады из этих прекрасных цветов. Но, к сожалению, ни одна из этих роз не была без шипов, поэтому каждый день сироты приходили в эти сады, чтобы срезать шипы у цветов. Если же случалось так, что какой-то цветок ломался, то того, из-за кого это случалось, жестоко наказывали. Сначала их пальцы ног обкалывали иглами, пока они не покрывались кровавыми подтёками, а затем лишали еды на три дня, позволяя пить лишь воду. И всё то время, пока проходило наказание, им не позволялось видаться ни с кем, для этого их запирали в тёмном каменном подвале, где было очень холодно, но им не приносили даже сена, на котором можно было бы спать. Иногда такие дети погибали, а их тела хоронили среди тех самых роз.

Бывало, что подобных детей удочеряли, но именно в этом приюте этого не происходило никогда. Всех девочек воспитывали, как розы в эдемском саду, которые вскоре должны были украсить подножие лика Марии. Поэтому в определённом возрасте им приходилось «присягать на верность». Это был своего рода обряд посвящения, что якобы даровал прощение и благословение.

Обряд проходил на протяжении семи дней. Каждый день одна из девушек шла в белом

платье с белой розой в руках к алтарю. Это должно было означать чистоту и святость, их веру и преданность, но это было и просто красиво, когда кровавые струи стекали по белоснежным тканям и окропляли лепестки белой розы, что не имела шипов, и медленно осыпалась на алтарь. Это был обряд жертвоприношения.

На алтаре всегда было написано: «Человек, которому было дано все, может отплатить только одним: отдать все, целиком и полностью». Жертвенных овец всегда воспитывали так, чтобы они ни за что не решились «оступить». Им всегда говорили, что всё что у них есть — это заслуга божья, но когда-нибудь настанет время, и придётся возвращать долги.

Перед тем, как пролить свою кровь, девы должны были произносить молитву о клятве:

«В верности богу клянусь,

Душу отдам, не вернусь,

Пред смертью я не содрогнусь.

Роза на красном шелку возлежит,

Роза окрасится алым...»

После этих слов дева перерезала себе горло и ручьи алой крови стекали по её шее, медленно окрашивая невинное платье и такой же невинный цветок. Но на этом обряд не кончался. Труп девы, принёсшей себя в жертву, сжигался, а прах её развеивался по ветру, что служило ознаменованием нового пришествия.

На протяжении многих лет всё проходило гладко. Каждый год приносили семь жертв в точно отведённый срок. Но однажды случилось непредсказуемое. Девушка, что должна была стать седьмой жертвой, неожиданно пропала. В её комнате обнаружили письмо, в котором было написано: «Вы растите нас, как овец на убиенье, но мы же люди, нам не нужно благословенье. Что сделал ваш проклятый бог, чтобы мы жизни отдавали в срок? За что вы богом его кличете? За что вы мучаете нас? Хотите жертвы — станьте жертвой, и не корите больше нас».

После этого письма девушку прозвали ведьмой. Её пытались найти долгие годы, но этого никак не удавалось. Впоследствии выяснилось, что она сбежала за границу вместе с каким-то странствующим торговцем. От него она родила двоих мальчиков и одну девочку, которых прозвала: Лир, Фади и Ора. Такие имена были даны ею не просто так, они означали «посланный свыше спасительный свет». Роза всегда верила в то, что ничего не бывает просто так, и всегда была верна своей вере, как была верна самой себе. Для неё символ розы всегда был чем-то вроде символа верности и веры, хоть с ним и были связаны плохие воспоминания. До самой своей смерти она желала, чтобы её дети всегда были преданы себе и своим желаниям. Для этого она отдала им три вещи: медальон, карманные часы и книгу. На всех трёх предметах была изображена роза — символ их веры.

На этом повествование обрывается. Но этого было достаточно, чтобы стать намного ближе к разгадке. Но всё ещё оставался вопрос: почему описанные события происходят задолго до наших дней, но люди, о которых говорится в конце, существуют и по сей день? Если же это не простое совпадение, а эти имена принадлежат совершенно другим людям, не тем, которых знаю я. Если честно, это больше пугало, нежели озадачивало, ведь было совершенно необъяснимо. Так мне казалось...

Глава 14. Ора и юноша

Стрелки часов показывали лишь четыре часа утра. Чтение оказалось не настолько долгим, как мне думалось. Скучно... Скучно и глухо было в комнате. От скуки я даже вспомнила, что не слышала, как дверь в комнату закрывали на ключ. Понадеявшись, что это действительно так, я подошла к двери, приложила максимум своих сил... и дверь распахнулась. Она действительно была открыта. Странно...

Шла по коридору, спускалась по лестнице, выходила во двор, и всё это происходило в полной тишине. Кроме собственных шагов больше я ничего не слышала, как будто бы дом и не жилой был.

Летом солнце встаёт рано, но до сих пор на улице было темно.

Придя на то же место, где я была прошлой ночью, увидела отца. Он стоял и просто смотрел на луну. В эту ночь свет от неё был необычайно ярким, словно бы и не настоящий вовсе. Я подошла к нему и спросила:

— Тоже не спится?

— Да, — сухо ответил мне он. Повернул свой взгляд на меня и посмотрел грустными, опустошёнными глазами так, будто бы хотел сказать что-то еще, но никак не решался это сделать. — Я хочу рассказать тебе историю.

— Какую историю?

— Историю о юноше, который потерял всё. Он не смог уберечь ни свою семью, ни свою жизнь.

— Так расскажи.

— Хорошо. Когда-то давным-давно жил-был юноша, что очень любил одну девушку, которую звали «Ора». Это имя означает «свет», и знаешь, для него она была действительно словно луч света, который был единственным светилком в темноте, что окружала его.

Они любили друг друга и мечтали пожениться. Мечтали, что будут жить вместе до самой смерти, обзаведутся детьми, будут жить большой, дружной, счастливой семьёй. Но семьи так и не вышло...

Юноша был старшим сыном обеспеченного аристократа, а девушка — всего лишь младшей дочерью неизвестного торговца. Причина почему они не смогли быть вместе была даже не в том, что они были разных сословий, а в том, какую новость преподнёс отец юноши незадолго до своей кончины...

Уже не молодому аристократу предстояло умереть. Страшная болезнь поразила его, и никто, из существовавших тогда знаменитых врачей, не мог найти лекарство, но оставить свой дом без приемника он не мог, поэтому втайне заключил договор о браке с другим, не менее влиятельным дворянином. Одним из ключевых лиц этого договора должен был стать один из сыновей аристократа. Всего их было трое. Но как ни посмотри, средний брат был уже женат, а младший недолго после сделки отправился на охоту на диких зверей, там его и разорвали на мелкие кусочки дикие твари. Оставался лишь один вариант — старший сын.

— Он не мог отказаться? — произнесла я.

— Не мог. В договоре было прописано, что любая сторона, отказавшаяся выполнять условия сделки, будет должна передать всю свою собственность другой стороне. На самом деле, узнав о таких условиях, юноша был неотступен и всё ещё не желал следовать желанию отца. Но на этом же настояла и Ора.

— Что? Почему?

— Юноша тоже не понимал её намерений. Он думал, что она тоже хочет быть с ним. Ему пришлось оставить её. Он долго думал о том, почему она так поступила, но в скором времени забыл о ней. Ему уже было не до неё. Юноша поженился, у него родился сын, но всё это не имело особого значения, когда умер его отец. Это стало болезненным ударом для него. Его здоровье подкосилось, а жизнь продолжала идти, но уже без его участия.

Но всё это было ещё не самым печальным моментам в его жизни. Ещё больший ужас его охватил, когда та самая девушка, которую он любил больше себя самого, но с которой пришлось расстаться, и с которой он не виделся вот уже несколько лет, снова вернулась, но уже в качестве гувернантки его сына. Испытал ли он какие-то чувства по отношению к ней до сих пор? Конечно. Он не мог забыть её так быстро, но и эти чувства были уже не теми, что были когда-то. Спросишь меня, почему он её не выгнал? Всё было до боли просто. Её наняла его жена, а у него не хватало сил, чтобы расстаться с нею вновь.

Сначала всё было просто. Они не обращали друг на друга абсолютно никакого внимания. Он был занят своей работой, она своей, и никаким образом они не могли пересечься, но однажды Ора подкараулила его у дверей его кабинета и, когда он вышел, толкнула его обратно в комнату. «Нам нужно поговорить», — говорила она. «И о чём же?», — отвечал он ей. Тогда девушка рассказала, что её уход был неспроста, и она не хотела так поступать, но ей пришлось. Нет, её никто не принуждал. Но, в тот же год умерла её мать, это сильно подкосило её морально. Но сложнее было, когда следом умер отец. Она не знала, что ей делать, хотя рядом и были братья, но порой это не играет никакой роли, если ты не можешь воспринимать всё происходящее как реальность.

— Разве это не значит, что она даже не думала о своём возлюбленном в тот момент? Разве он не смог бы ей помочь справиться с этим? Если бы и не смог, то с её стороны было неправильно так поступать. Ей больно, но она не думала о том, насколько больнее будет чувствовать себя человек, которому даже не объяснили, почему с ним так поступают, а потом заявили спустя много лет и рассказали всю правду. Разве это не сделает хуже? Разве человек не будет винить себя? Разве это не эгоистично!? — не выдержала я.

— Возможно, ты права. Но, когда человеку больно, он уже не думает о других. Да и как бы он это делал, если даже про себя порой забывает?

Пожалуй, я вернусь к повествованию. Ора утверждала, что всё ещё любит юношу и желает возобновить их отношения. Она надеялась, что он поймёт её и примет. Не смущало её наличие жены и ребёнка, она грезилась лишь своим желанием, но юноша не мог так просто согласиться, но однозначного ответа так и не дал. Ора так и продолжала навещать его. Проходили дни, недели, месяцы, но юноша всё равно поддавался на искушение. Хотя он и считал, что Ора сильно изменилась, можно даже сказать, что эти изменения произошли в худшую сторону.

Часто юноша подмечал, что мысли и речь девушки бывают путаными, а иногда и такими, что разобраться о чём она — практически невозможно. Она редко смотрела прямо в глаза, а если и смотрела, то моментально отводила своё взгляд. Тряска рук, нервные подёргивания ногой, частые приступы депрессии — всё это нередко замечалось у девушки.

На самом деле, юноша не понимал, почему так произошло, почему он поддавался на её искушение, и почему всё ещё держал её подле себя.

Вскоре выяснилось, что девушка беременна. Всё, как и положено, девять месяцев, схватки, роды. Ора родила двух прелестных девочек-двойняшек. Родились они в полночь, но

обе были, словно ангелочки, такими же яркими и невинными, хотя и были совершенно не похожи друг на друга. Одна дочь уродилось светловолосой, смуглой, со светлыми голубыми глазами, словно бы была точной копией матери. А вторая дочь была такой же смуглой, но цвет её волос был черн, словно уголь, а глаза тёмные, будто бы ночное небо, что царило за окном.

Рождение этих детей ничего не предвещало. Возможно, они даже были желанны? Но в ту же ночь, когда они родились, из комнаты, где находилась мать и двое детей, исчезла Ора и светлая девочка, никто не мог предположить куда они пропали, и почему темноволосая девочка оставалась в своей колыбели, но ответ на этот вопрос все вскоре узнали из письма, найденного в кабинете юноши. По итогам выяснилось, что давным-давно у женщины уже был ребёнок, но она потеряла его сразу после родов, потому что он родился мёртвым. Это произошло ещё в то время, когда она только рассталась с юношей, который и был отцом ребёнка. Долгое время она пыталась мириться с этим, но ей это не удавалось, и в конце концов это пошатнуло её психику. Она стала грезить ребёнком, надеялась увидеть его снова и наконец стать счастливой матерью. Когда она наконец решилась, то пришла в дом юноши. В письме также говорилось о том, что сразу после родов она уйдёт, забрав ребёнка с собой, и никогда больше не вернётся.

Юноша, прочитав это письмо, был в растерянности, но теперь не из-за пропажи Оры с ребёнком, а из-за того, что позволил ей себя соблазнить, позволил ей родить его детей, позволил себе не замечать всех тех странностей, что происходили с ней. Теперь он желал лишь одного — найти Ору и забрать ребёнка, а её саму... он не знал, что с ней делать, но точно представлял, что ничем хорошим это не кончится.

Проблемы возникли и с женой юноши. Трудно было объяснить то, откуда взялся этот ребёнок и что с ним нужно делать, хотя все эти объяснения и не требовались, она всё прекрасно знала. Этот брак был по расчёту, поэтому неудивительно, что эта девушка не испытывала к нему каких-то особенных чувств, но и предательство простить не могла. Она издевалась над девочкой, но не физически, а морально. Она изводила её каждый день, она никогда не обращала на неё своего внимания, упрекала за каждый мелкий проступок, называла её никем, не позволяла даже выходить из своей комнаты, пока не наступало определённое время. Спросишь ли ты, почему на это никак не реагировал отец девочки? Всё очень просто. На самом деле, до определённого момента он даже не подозревал об этом. Хотя я и считаю, что оправданиям здесь не место.

С того случая с Орой, ему всё ещё было тяжело признавать свою оплошность, поэтому он предпочитал забываться в работе, на которой оставался до самого позднего вечера. Он очень любил свою дочь, дарил ей подарки, хвалил, старался уделять свободное время, но, как ты уже поняла, это удавалось достаточно редко.

В скором времени была найдена Ора с ребёнком. В итоге женщину поместили в лечебницу для душевнобольных, а девочку привели в дом к отцу. С ней мачеха обращалась ещё более жестоко. Она не позволяла девочкам видится, а также и сама предпочитала избегать контактов с ней. Но в этот раз она не запирала светлую девочку в комнате, она поступала более изощрённо. Её запирали в подвале этого дома. Еду ей приносили горничные, а под вечер её выпускали. Женщина приучала звать её мамой, пытаясь ещё больше сломить девочку, если же та не слушалась, она била её палкой по спине. В итоге она достигла своей цели, и девочка стала называть её мамой, но в скором времени это стало неважно, потому что в один день, когда девочку снова заперли в подвале, её уже оттуда

никто не выпустил.

Никто не знает того, как Ора узнала об этом, никто, тем более, не знает о том, как она пробралась на место работы юноши, но она это сделала... Всё закончилось тем, что Ора заколола юношу до смерти заколкой, какую обычно используют для закалывания волос, а после этого той же заколкой убила и себя.

— Что? Почему такой печальный конец? А как же вторая дочь? Что с ней? И мне кажется или эта история о тебе, отец?

— Всему свету было известно лишь об одной дочери, черноволосой и черноглазой, поэтому трудно было бы выдать голубоглазую за неё, но мы всё же это сделали. Её постоянно красили черной краской, а цвет глаз изменился сам. Вторая дочь жила ещё несколько лет, но в конце концов умерла. Ты права, эта история действительно про меня.

— Но ты же жив? И разве эта вторая дочь — не я? Но я же жива? Почему ты так говоришь?

— Нет, я уже давно умер, как и моя дочь. Ты? Ты не она. Я это прекрасно знаю, — продолжал говорить он, всё так же смотря лишь на луну.

— Что означают твои слова? Как это я — не я? Я тебя не понимаю.

— Ты сама всё знаешь. Вспомни зачем ты здесь, и сама всё поймёшь.

Всё ещё ничего не понимаю, я посмотрела на луну, понадеявшись, что это хоть как-то поможет мне разобраться. Звучит глупо, знаю, но всё равно у меня ничего не вышло, лунный свет был слишком ярким, смотреть на него долго я не могла, поэтому пришлось отвернуться. Но, повернув голову в направлении мужчины, я его не увидела, он просто исчез.

Глава 15. Одна во всем мире

В мгновение ока время пролетело и уже была пора отправляться в школу. С того разговора я так и оставалась сидеть на улице, но пришло время. Единственное, что я сделала — это сбегала в свою комнату, чтобы забрать книгу. По пути мне никто не встретился, словно бы я была в этом доме совсем одна.

В школе все держались от меня в стороне, никто не решался подойти или заговорить со мной, некоторые даже опасались меня. Возможно это как-то связано со вчерашним днём, но меня это никак не волнует. Прямо сейчас мне лишь хочется поскорее прийти в библиотеку и расспросить поподробнее мистера Лира об этой книге, что он дал мне. Набор странных и, казалось бы, несвязных историй заставлял сходить с ума от осознания того, что я ничего не понимаю. А ведь я здесь всего-то три дня. Но даже если сейчас я ничего не понимаю, то я уверена, что на пару моих вопросов точно сможет ответить мистер Лир, поэтому мне просто необходимо его найти.

Но, несмотря на мои ожидания, мистера Лира в библиотеке не было. Делать нечего, возможно, что он придёт несколько позже (хотя откуда он может прийти, если он живет здесь), а пока можно заняться своей работой. Прошло около пары часов, как в библиотеку пришли учащиеся. Это было неожиданно, обычно сюда никто не приходит. Спускаться с лестницы я не спешила, что стало большой ошибкой. Теми учащимися, что пришли сюда, оказались Бэтти и её подручные. Она притащила шестёрок на разборки со мной? Очень интересно. Они приближались всё ближе и ближе, но не успела я это осознать, как лестница пошатнулась, и я начала падать вниз. Они толкнули её с такой мощью, будто бы она ничего не весила, а на ней, как минимум, был человек. Я с грохотом упала на спину. Боль была невыносима, казалось будто бы спина сломалась пополам. Но это было не самым страшным. После того как я упала, эти мордовороты подошли ко мне и стали пинать меня с такой силой, что падения словно бы и не было. Пришлось прикрывать голову руками, но это не сильно помогало. Руки, ноги, живот, голова, спина. Всё было покрыто синяками и кровоподтёками. Не оставалось ни одного живого места на теле. Когда у меня уже кончались силы даже на то, чтобы просто прикрываться, они прекратили. Бэтти ничего не говорила, просто стояла и смотрела, затем плюнула мне в лицо и с шумом удалилась. Все эти шестёрки последовали за ней, а я так и оставалась лежать на полу, пока не появился мистер Лир.

— О боже, Эмма, что ты здесь делаешь? — спросил мистер Лир.

— Ле...жу... — ответила хриплым голосом я ему.

— Что с тобой произошло? погоди, не двигайся, я сейчас принесу кое-что, — сказал мистер Лир и ушёл куда-то вновь.

Вернулся мистер Лир уже с какой-то баночкой мази, которой обмазал мои синяки. Боль прошла не моментально, но всё же достаточно быстро, чтобы я смогла это ощутить.

— Так лучше, неправда ли? — спросил он у меня с улыбкой на лице.

— Конечно... спасибо... вам... мистер... Лир... — мне всё ещё трудно было нормально разговаривать, но кое-как я смогла выговорить цельные слова, хотя и задыхалась.

— Ну и славно. Давай я отведу тебя в свою комнату. Там тебе будет намного лучше, чем на этом холодном полу. Вот, возьми за мою руку, тебе будет легче идти, — с этими словами он протянул мне свой локоть, и мы неспешно шли в его комнату.

Идти было тяжело. Я еле-еле перебирала ноги, пару раз чуть не упала, но мистер Лир

был, на удивление, сильным и смог меня удержать. Спина болела так, будто бы по ней прошлись отбойным молотком, весь путь до комнаты я шла в полусогнутом состоянии, разогнуться было невозможно, при любой попытке это сделать лишь нарывалась на новую порцию боли.

— Кто тебя так? — спросил мистер Лир, а на его лице отразилось сочувствующее выражение лица.

— Да так. Вчера насолила одной, а она сегодня мстить пришла. Вот и...

— Понятно. Да ты ложись. Отдыхай. Я сам всё сделаю, не беспокойся.

После этих слов мистер Лир ушёл. Вернулся он только через пару часов, за это время я уже успела немного восстановиться, всё до сих пор адски болело, но это можно было вытерпеть. Вернувшись, мистер Лир сел напротив меня и спросил:

— Разве ты не хочешь спросить у меня что-то?

— Хочу.

— Ну так спрашивай.

— Я не знаю, как лучше начать... Вы тоже мертвы?

— Ох, нет, что ты! Я живее всех живых! Если можно так сказать...

— Тогда сколько вам лет?

— Много, очень много... Я не считал. Но, наверное, уже больше сотни.

— Сотня... Понятно. Так вы не можете умереть?

— Да, не могу. Я жду своего шанса, но всё не так просто.

— Так я здесь, чтобы помочь вам?

— Нет, точнее да, но нет. Ты здесь не потому, что этого хотел я, точнее не только я. И тебе нужно спасти не наши жизни, а наши души, это немного разные вещи, но понятия всё-таки похожие.

— Но почему вы не могли рассказать мне обо всём сразу?

— Потому что это история, пока ты не ощутишь себя главным героем этой истории, ты не сможешь помочь.

— Тогда зачем вы дали мне эту книгу? — спросила я и указала на книгу, которую по приходу в библиотеку я положила на стол в комнате мистера Лира.

— А разве ты не поняла того, что там написано?

— Если честно, то не очень.

— Там рассказывается о том, с чего всё началось. Там написана история о твоей бабушке — моей матери. Помнишь, что она сделала?

— Помню. Сбежала из церкви, чтобы жить.

— Верно, но она сделала это потому, что искренне этого желала. В своё время она дала клятву, которая гласила, что любой человек, связанный с ней кровью должен быть верным и никогда не предавать, будь то обещанием или желанием. Как ты уже знаешь, она сдержала клятву, но у неё уродилось трое детей, один из которых не смог быть верным... Это была Ора.

Ора была младшим ребёнком в семье, но для наших родителей никогда не существовало такого понятия, как «любимый ребёнок», они любили и растили нас всех одинаково тепло. Ора всегда была немного инфантильной и эмоциональной. Ей всегда казалось, что её обделяют, как в материальном плане, так и во внимании к ней. Хотя так себя она вела обычно только дома, а на людях старалась быть невинной и скромной. Никто не знает, когда её поведение стало становиться чем-то большим, чем простое привлечение внимания, но

однажды она перешла черту дозволенного.

Ты уже, наверное, знаешь, что наша мама умерла из-за болезни?

— Да, я знаю это. Неужели вы хотите сказать, что это не так?

— Ох, что ты! Вовсе нет. Мама умерла из-за болезни, но оставила нам три вещи: медальон, часы и книгу, на которых был изображен один и тот же рисунок розы. На самом деле это не просто так. Эти вещи связаны. Они должны были послужить ключами к разгадке тайны. Можно сказать, что они были частями одного пазла. Принадлежать одному человеку они не могли, потому что это могло быть слишком рискованно... Но, несмотря на предупреждения матери, Ора решилась присвоить себе, помимо медальона, часы с книгой, но у неё ничего не вышло, скажу даже больше, мы забрали у неё медальон, а она осталась ни с чем.

Хотя это её и злило, но она не могла позволить себе остаться ни с чем. В то время она жила с отцом, в отличие от нас, и только он мог узнать о том, что на самом деле она носила под сердцем ребёнка. Он всегда говорил ей, что очень бы хотел, чтобы она родила этого ребёнка, но всегда оставлял выбор за ней. Она же боялась, что, родив, потеряет своё положение, и отец выберет младенца в качестве наследника, хотя её совершенно не волновало наличие братьев. Постоянные думы по этому поводу заставляли её нервничать и приходиться к одному и тому же выводу: нужно убить отца и ребёнка не пощадить. Этим она и занялась.

Ора достаточно часто подмешивала отцу в еду малую дозу мышьяка. Всё начиналось достаточно просто. Сначала это делалось для того, чтобы укрепить здоровье, повысить тонус и всё в таком духе, так она говорила ему. Но она делала это на регулярной основе, каждый день увеличивая дозу. Яд выводился из организма достаточно быстро, но вот последствия, которые оставались после его употребления... В конечном итоге, когда отец умер, его смерть списали на сердечный приступ, всё-таки нервная и сердечно-сосудистая система была уже не та... Вскоре после его смерти Ора стала употреблять мышьяк и сама. В итоге её ребёнок родился мёртвым, а она сама стала ещё более нервной и психованной. Врачи сослались на сильный стресс и закрыли её в лечебнице, но никто и предположить бы не смог, что произошло дальше... Да ты и сама всё знаешь, зачем мне лишний раз об этом говорить.

— Да, знаю, но вы так и не рассказали о медальоне, часах и книге.

— Ох, точно! Так вот. Эти вещи, можно сказать, волшебные. Медальон требуется для того, чтобы поместить туда фотографии двух умерших людей, но они обязательно должны быть кровными родственниками, иначе ничего не получится. Часы способны управлять временем, как бы странно это не звучало, но они всё же часы. А книга нужна лишь для того, чтобы помочь узнать правду, вспомогательный крючок, так сказать.

— В медальоне находятся фотографии двух умерших? Но разве одна из фотографий не была моей?

— Верно. Одна из фотографий — это действительно ты, точнее это та, чей облик ты приняла.

— Тогда я ничего не понимаю...

— Зачем ты здесь?

— Я здесь, чтобы помочь кому-то?

— А ты знаешь, почему ты здесь?

— Я не уверена в этом...

— Потому что целых трое людей пожелали, чтобы ты помогла им.

— Трое?

— Да, трое, но все они связаны одним делом. Тебе лишь нужно выполнить одно дела, чтобы завершить достичь своей цели.

— Но я всё ещё не очень понимаю...

— Помнишь, Эмма говорила, что с какого-то момента внимание к ней её больше не волновало?

— Откуда вы... Помню.

— А знаешь почему? В то время она стала видеть отца только по ночам, точнее очень редко это удавалось делать, ведь она то была жива, и ей нужно было спать, как и другим детям. Думаю, ты уже поняла о чём я.

— Поняла... Но как так вышло, что Эмма умерла? Разве я не в её теле?

— В её. Всё дело в часах. Ты здесь, потому что этого пожелали четверо, Эмма была четвёртой. Причиной, почему ты здесь, и стала её смерть. Помнишь где ты появилась?

— Помню. Это была крыша, казалось будто бы я стояла у самого края и могла в любой момент упасть, но этого не произошло.

— Для тебя — нет, а для Эммы — это было последним моментом её жизни.

— Вы хотите сказать, что часы вернули меня в тот момент, когда она чуть не упала?

— Верно.

— Тогда что я должна сделать? Это всё ничего не значит, если я не понимаю истинной цели моего пути.

— Ты должна кое-что отыскать. Больше я тебе ничего не скажу. Вспомни всё, что с тобой произошло и ты сможешь найти ответ.

Глава 16. Подвал и девочка

Прошло уже несколько часов после нашего разговора с мистером Лиром. Я всё не могла понять, что именно он хотел, чтобы я вспомнила. На ум приходили лишь воспоминания первого дня моего пребывания здесь, тот момент, когда Лариска ругалась с отцом. Помню, как она топнула ногой по паркету и раздался звенящий звук, как будто бы ударили по металлической пластине, за которой ничего не было, то есть вполне вероятно это и могло быть местом, куда я должна была попасть, это могло быть тем местом, куда меня хотела позвать та девочка. От осознания того, что я могла там найти было тошно, голова гудела и яростно противилась мысли спуститься вниз и проверить мои догадки. Но, кто не рискует — тот не пьёт шампанского, а в моём случае: риск — это единственное, что даёт мне возможность двигаться дальше.

Спускаясь всё дальше по лестнице, чувствовала лёгкий страх. Рассудок говорил, что мне не следует туда спускаться, это может быть опасно, но интуиция подсказывала, что там, куда я направляюсь, я смогу найти все ответы, на интересующие меня вопросы, именно туда мне нужно идти и ни за что не останавливаться. Почти дошла до конца лестницы, как услышала за своей спиной звук быстро приближающихся ко мне шагов. Я обернулась и увидела Ларису. Она стояла довольно близко, буквально на расстоянии нескольких ступеней от меня.

— Что ты здесь делаешь? — задала она свой вопрос мне.

— Я... Ничего... Просто хотела выпить немного воды, в горле ужасно пересохло, всё-таки лето на дворе...

— Прекрасно. Я тоже направлялась на кухню. Пойдём.

Странно. Это всё было очень странно. Зачем она так торопилась? Почему именно сейчас? Неужели она что-то знает?

— Ну? Чего стоишь? Налей себе уже стакан воды и проваливай, — зlostным голосом ответила она мне. Быстро же меняется её настроение... Но мне торопиться некуда, могу и посидеть немного, всё равно она не должна знать куда я направляюсь, поэтому уходить первой — не самая лучшая идея.

— Я немного посижу здесь, не спится.

— Ну посиди, посиди... — злость в её голосе сменилось предвкушением, очень странным чувством, которое обычно испытывают люди, замыслившие что-то совершить. Не спрашивайте меня откуда я это знаю, всё равно вам никто не ответит.

Она стояла напротив меня, облокотившись о стену со стаканом в руках, воды в нём уже давно не было, но она всё стояла и смотрела на меня, а я на неё. Её взгляд был настолько подозрительным, что я не могла просто не замечать его. Это стало порядком надоедать...

— Я, пожалуй, пойду, — отозвалась я. Это правда мне надоело. Если я сейчас уйду, то у меня ещё будет шанс попасть в гостиную так, чтобы меня никто не заметил, но если буду продолжать сидеть здесь и играть с Лариской в гляделки, то уж точно ничего не выгадаю.

— Хорошо. Иди... — отозвалась она.

Я встала со стула, повернулась к ней спиной и направилась к выходу из кухни, но не успела я добраться до двери, как сзади снова послышались быстро надвигающиеся шаги. Повернула голову и... лучше бы я этого не делала... Сзади, быстрым шагом наступала Лариска, она уже была вплотную ко мне и, замахнувшись, ударила меня по голове тем самым стаканом, что был у неё в руке.

Смутно помню, что было дальше. В памяти всплывают лишь обрывки воспоминаний. Помню, как она тащила меня за волосы по полу, потом кряхтела, пытаясь открыть что-то, скрип и я, летящая с грохотом по какой-то старой деревянной лестнице вниз. Проснуться меня заставило ни что иное как боль. Чудовищно болела нога, казалось будто бы она сломана. Возможно, что так оно и было, ведь я не могла на неё ни встать, ни даже ровно положить её. При любом контакте она начинала болеть, хотя и этого ей не требовалось, она болела постоянно, это заставляло сходить с ума даже больше, чем это место.

Кромешная тьма окутывала всё. Не было видно ничего. И даже лестницу, по которой меня спустили сюда, я не видела. Попытавшись приспособиться к данным условиям, оперлась на близ находящуюся стену и стала ждать, пока глаза смогут привыкнуть к темноте. Долго ждать не пришлось, но и лучше стало ненадолго. Ни единого лучика света не пробивалось сюда, поэтому приходилось ограничиваться лишь способностями собственного тела.

Зрение помогало всё так же слабо, поэтому оставалось надеяться на оставшиеся четыре чувства. В воздухе витал сильный, резкий запах, напоминающий запах керосина. На полу вокруг меня везде были разбросаны куски битого стекла, оно было тонким и не всегда ровным. Но самое главное — это то, что в этом месте кроме темноты царила и тишина. В таком месте вполне можно было бы услышать звук тикающих часов, но их слышно не было. Ещё в комнате я обвязала запястье цепочкой от часов, поэтому достать их было несложно.

Время будто бы остановилось... И теперь стало становиться действительно страшно, ведь всё время, что я находилась в этом доме, меня всегда успокаивало лишь ощущение времени, ощущение того, что оно движется, как и я двигаюсь вперёд.

Не знаю сколько времени я здесь просидела, или может время и вовсе не двигалось? Боль не прекращалась, а сил терпеть уже не оставалось, может именно из-за этого у меня начались галлюцинации или это не они, но я начала слышать странные стоны и хрипы... Они разносились неподалёку от меня и продолжались с некоторой периодичностью, но хоть было и понятно, что их издаёт человек, но было не понятно, издаёт ли их живой человек...

Эти звуки отвлекли меня от мыслей о боли, и я услышала странный голос в своей голове. «Подойди ко мне» — говорил он. Кажется, я слышала этот голос раньше. Он напоминал голос той девочки, которая звала меня. Подойти я не могла, но и делать этого очень не хотелось, было страшно, но ничего другого не оставалось...

Решившись двигаться дальше, стала передвигаться в сторону хрипов дальше по стене. Я буквально ползла по полу, едва ли опираясь на стену. Было трудно, ведь повсюду были разбросаны куски стекла, а по пути я наткнулась на что-то металлическое, оно напоминало каркас от керосиновой лампы. Передвигаясь всё дальше, я начинала слышать и другие запахи, помимо керосина. Запахи мочи, разложения и гнили окутывали это место. Переместилась я буквально метров на десять, хотя и не могла различить точного расстояния из-за отсутствия света.

Поняла я, что уже дошла, довольно легко. Когда я доползла, то прикоснулась к чему-то холодному, мерзкому, вздутому и похожему на человеческую руку. Буквально отскочив от этого нечто, упала. Упала и так же быстро поднялась, ведь в этот момент рядом загорелась лампа. Точно такая же, осколки которой я находила ранее, но уже целая.

Рядом со мной у стены сидела девочка, она напоминала мне её. Я имею в виду ту самую девочку, к которой так долго шла. Узнать её было немного сложновато. Тело её было неестественно худым, будто бы её морили голод несколько дней, но это было не

единственным моментом, что доставляло сложности. Всё её тело опухло, везде были синие пятна, будто бы трупные, глаза сухие, а рот неестественно раскрыт, руки просто болтались по бокам. Передо мной сидел явно неживой человек, она уже стала трупом. Скорее все те стоны, что я слышала ранее, издавала она, но вызвано это лишь газами в её теле, такое бывает... Многие говорят, что трупы их пугают, говорят, что они страшные и некрасивые. А здесь я лишь видела бедную девочку, которая совсем невиновата в том, в каком состоянии она находится. Было не страшно, а больно. Больно так, как будто бы мы были связаны с ней чем-то большим...

Сидела и смотрела прямо на неё. Казалось, что большего и не нужно. И ведь действительно большего не потребовалось... Девочка просто исчезла. Растворилась в воздухе с лёгкой вспышкой света. Вслед за ней исчезли и медальон с часами. А на месте девочки появился обрывок газеты. Незамедлительно подползла к нему, схватила и начала читать. Как выяснилось ранее, всё, что я здесь могла прочитать имело смысл, а в такой ситуации этот обрывок мог быть ключевой деталью. Мои мысли были практически верны, но кое в чём я всё же ошиблась. Это несомненно было важно, но всё, что там было написано, я и так уже знала...

«В подвале дома семьи ***** был найден труп малолетний девочки. В ходе расследования выяснилось, что вдова ***** ещё до смерти мужа издевалась над его внебрачными детьми, один из которых умер от истощения в запёртом подвале. Второй ребёнок остался жив. Но на днях выяснилось, что вторая девочка совершила акт *****, спрыгнув со здания учебного заведения, в котором она пребывала последний год. Как выяснилось, над девочкой издевались, а администрация школы закрывала на это глаза, что привело к известным нам результатам. Обстановка в доме до её смерти нам неизвестно, но мы выяснили, что её сводный брат погиб в автокатастрофе, когда они вместе направлялись в ресторан. Следствием автокатастрофы стало неисправность тормозной системы автомобиля. Почему она была неисправна неизвестно по сей день, но мы предполагаем, что вторая дочь могла получить психологическую травму, которая была следствием травмы головы, что и подвигло её совершить свой акт. Вдова ***** была приговорена к двадцати годам тюрьмы, а всё её имущество перешло государству.»

Вспышка света. Белый мрак. Меня здесь больше нет. Вот так...

Глава 17. Достали...

Я снова очнулась в месте, что Феб и Эреб называли чистилищем. Всё было таким же никаким, как и в прошлый раз.

— Тебе понравился наш иллюзорный мир? — первым начал разговор Феб.

— Что понравился? — не поняла я. Вот чего-чего, а услышать слово «иллюзия» я точно не ожидала.

— Иллюзорный мир, — повторил Феб.

— Что значит иллюзорный мир?

— Это значит, что ты прибывала в мире, который является иллюзией.

— Я это прекрасно понимаю, объясните поподробнее...

— Весь тот мир, в котором ты была, был создан на основе реальной истории, но к сожалению эта история закончилась не самым хорошим образом.

— Я думала, что должна помочь реальному человеку.

— Ну... — нерешительно сказала Эреб.

— Что «ну»?

— Мы не могли отправить тебя в настоящий мир, поэтому создали отдельную реальность, куда отправили тебя. Но ты не волнуйся! Ты действительно помогла. Но кому и как, узнаешь позже.

— Хорошо. Не буду даже спрашивать почему вы этого не смогли. А как вы объясните мне, что именно родственник должен был найти девочку или почему я должна была стать Эммой? Почему это важно?

— Девочка, которую ты должна была найти, очень хотела, чтобы именно её сестра узнала о её существовании. Она хотела, чтобы о ней знали, чтобы о ней помнили, а так как все остальные родственники не могли этого сделать... то оставалась лишь сестра, но когда и сестра умерла, то... ты и сама всё знаешь, — ответил Феб. — Ладно. Ты же прошла это испытание. Может быть тебя интересует что-то, связанное с этой историей? — спросил Феб.

— Да. Что случилось со всеми? С мистером Лиром и остальными? — спросила в ответ я.

— Что значит, что? Конечно же все умерли. Мы же сказали, эта история уже происходила в реальности, и она закончилась не очень хорошо, а точнее — плохо. Мы лишь воссоздали мир, мысли и желания героев этой истории, — отозвалась Эреб. Да, мы немного накосячили с временными отрезками... Но это было сделано лишь ради тебя! Мы создали этот мир так, чтобы тебе было комфортнее...

— Но есть одна вещь, почему именно эта история была первой. Разве ты не помнишь ту девочку, которую тебе нужно было найти? Вы встречались незадолго до того, как ты попала сюда, — спросил Феб.

— Встречались? Но я этого не помню. Как и всего остального. Вы забыли? — с недоумением отвечала я.

— Ох. Точно! Не бери в голову. Это всё равно тебе не пригодится, — в спешке отвечала Эреб. Ну, мы рады, что ты справилась! А теперь, ты готова отправиться в следующий мир? Да если и не готова, то тебя всё равно никто спрашивать не будет. Пока-пока! — сказала Эреб, помахав мне на прощание, и я провалилась во тьму.

Глава 18. Погост

Куча памятников и надгробий с портретами людей самых разных возрастов, тёмные ржавые решетки, поникшие искусственные цветы, да лавки с облесшей краской. Несколько деревьев виднелись, да пара кустов сирени. Всё это я видела прекрасно со своего месторасположения. Сидела я за чёрной оградой у мраморного памятника. Это место захоронение отличалось от других. Вокруг было гораздо больше растительности, а также имелось всякое множество венков с различными надписями. На самом же памятнике имелась фотография маленькой девочки, на вид ей было не больше восьми лет. Ещё одна особенность имелась у этой могилы. Рядом с памятником сидела кукла. Красивая кукла, соответствующая росту нормального ребёнка, с кудрявыми тёмно-русыми волосами, тёмно-кариими большими глазами и длинными ресницами, одетая в зелёное платье в белый горох. Кукла та была полной копией девочки на надгробье. Имелась у куклы ещё одна особенность. У неё имелась возможность сгибать конечности в суставах, она могла делать всё что угодно, как и нормальный человек, имелось лишь пара изъянов... кроме глаз на лице ничего не шевелилось, но самое главное это то, что всё это не имеет абсолютно никакого значения, если эта кукла не живая. Хотя это и логично, ведь она всего лишь кукла, но это было до того момента, пока в её тело не попала я.

Двигаться было немного трудно, не так как в настоящем человеческом теле. Это же было каким-то тяжёлым, но особой трудности это не доставляло.

Всё внимательно осмотрев, села и стала ждать. Чего? Не знаю. Обычно все приключения находят меня сами... Единственное, что я вам не рассказала это то, что девочку, с могилой которой я находилась в непосредственной близости, звали *****, а на надгробье была написана надпись «умерла, потому что не видела смысла жить дальше». Жуть, правда? Она была так молода, но в её голове таились такие мысли... Даже представить не могу, каким она была человеком. Может быть она была сумасшедшей? Хотя в это совершенно не верится...

А знаете, что ещё было странно? За одним из деревьев, которых здесь, кстати, было очень немного, пряталась женщина, она смотрела в сторону этой могилы. Появилась она тут далеко не сразу, а уже после того, как я здесь всё осмотрела. Не знаю, что ей нужно, наверное, и не узнаю, ведь прямо ко мне приближается другая женщина. Даже предположить не могу от чего она бежала, но подошла довольно быстро. Поклонилась памятнику, извинилась за то, что ей придётся сделать и... забрала меня с собой. Кажется, я читала много подобных историй, когда беднячка забирала куклу с кладбища, а потом душа умершего приходила мстить, но навряд ли это правда. Как я уже успела понять, мстить уже просто некому после смерти...

Женщина, что была за деревом, продолжала оставаться на том же месте, но направление её взгляда менялась с изменением нашего расположения, а сама она не сделала ни шагу.

Глава 19. Свет в пустой квартире

Вопреки всем тем историям, о которых я слышала и читала, всё оказалось совершенно иначе. Женщина была далеко не из бедных людей. Она была одета в хорошую одежду и дорогую обувь, даже удивительно, что она была на кладбище поздно ночью. Схватив меня, она довольно долго шла к машине, порой спотыкалась на своих каблуках, да это и не удивительно. Кладбище было и не таким как другие (хотя оно и отличалось лишь наличием дорожек, выложенных из красного кирпича, на удивление, довольно чистых, и наличием большого количества «дорогих» могил, кажется, я даже пару склепов успела заметить), но то тело, в котором находилась я, было не из лёгких, уж не знаю, из какого оно было сделано материала, но даже я ощущала всю эту тяжесть, а если прибавить то, что размером кукла тоже порядком отличалась и походила на настоящего ребёнка, то... Может быть мне даже её немного жалко... хотя нет. Не жалко. Она лишь воровка. Да, украли куклу с кладбища, которая уже давно никому не нужна, но факт остаётся фактом, так пусть хотя бы помучается немножко физически, если совесть не мучает.

Машина у женщины тоже была не дешёвая, точно не скажу, я в них не разбираюсь, но выглядела она красиво, даже при том, что на дворе стояла глубокая ночь. Меня она усаживала в машину даже аккуратнее, чем усаживалась в неё сама. Ехали мы очень долго и жёстко. По дороге мы то и дело натыкались на какие-нибудь ямы с колдобинами.

Приехали мы в довольно хорошее место. Тут было построено множество многоэтажных домов, к которым пристроены несколько детских площадок и даже несколько продуктовых магазинов виднелось на горизонте. Вытащив меня из машины, женщина подхватила меня так, будто бы я действительно была ребёнком, а не просто куклой. Но замечать её странности было не настолько интересно, как наблюдать за тем, как к нам приближается какой-то странный мужчина. У него были с собой рюкзак и какой-то продолговатый предмет в руке, сильно напоминающий нож. Возможно, мне должно было бы быть страшно, но я ничего не чувствовала. Да и зачем мне переживать? Я же всего лишь кукла, со мной ничего страшного не произойдёт, а вот женщина напряглась достаточно быстро, и чуть ли не решила бежать, как мужчина приблизился и произнёс:

— Светка, а ты чего так поздно с Ликой домой возвращаешься? Она же ещё ребёнок, не гоже ей по ночам ездить.

В этот момент мужчина зашёл в поле зрения фонарей и его можно было разглядеть достаточно хорошо. На вид ему было не больше сорока, лицо у него было такое... доброе? Щетина не густая, глаза большие, ямочки на щеках. А то, что я приняла за нож, оказалось обычном смартфоном.

— Ох, так это ты, Миш? А я уж перепугалась, — ответила женщина.

— А чего пугаться то? Думала, что я маньяк какой-нибудь? Вот насмешила, ахахха, — весело отвечал мужчина.

— Так ведь поздно, темно, мало ли что произойти может. А ты чего? С дежурства возвращаешься?

— Ну да. Эх, работа у меня хоть и полезная, но дрючат нас, как сидоровых коз!

— Понятно, ну а я вот с Ликой катаюсь по больницам...

— А ведь и точно! Чего ты её сама держишь, тяжело ведь наверное, давай я тебе помогу, — сказал мужчина, протянул свои руки, чтобы забрать меня, но только и успел, что

прикоснуться к моей руке. — Ой, а чего это она такая холодная?

— Так болеет же, да и осень на улице, вот и холодная, — с непринуждённым видом ответила женщина.

— Ну да, холодно, но что же ты её так легко одеваешь? Вон в одном лишь платье летнем, — с недоумением сказал мужчина.

— Ты прикапываешься к деталям, Миш. Пойдём лучше в дом, в одном подъезде же живём, вот и поможешь дверь открыть.

— Пойдём конечно!

После этого разговора мы зашли в подъезд. Жили оказывается Миша со Светой на одном этаже, и даже квартиры их находились по соседству.

— Может тебе и квартиру помочь открыть, тяжело ведь, наверное? — предложил Миша.

— Не откажусь, — ответила Света.

После этого она отдала ему ключи, указав на боковой карман своего пальто. Мужчина открыл дверь всего лишь чуть-чуть, ведь больше ему не позволила Света, но даже при этом можно было заметить, как из квартиры просачивается свет.

— Ну всё! Спасибо! Можешь идти домой, пока!

Глава 20. Не трогать!

В квартиру Светлана залетела так быстро, насколько это было возможно в её силах, а меня она не отпускала до тех пор, пока не очутилась в детской комнате. Там же я увидела девочку. На вид ей было не больше восьми лет. Меня женщина поставила возле детской кровати и с облегчением вздохнула.

— Мамочка, это кукла для меня? — спросила девочка с яркими глазами.

— Нет, Лика. Она пока что побудет здесь, с тобой. Не вздумай трогать её. Если так хочется, я куплю тебе другую, но эту трогать нельзя! Я понятно изъясняюсь?

— Понятно, мамочка. Я не буду её трогать, честно-честно!

— Ну и хорошо. Ложись спать, — сказала женщина и удалилась из комнаты.

Девочка дождалась пока мать закроет за собой дверь и после этого подошла ко мне и села напротив меня.

— Мамочка сказала, чтобы я тебя не трогала, но ты такая красивая. Я просто не могу с тобой не поиграть.

После этих слов девочка встала, схватила меня под руки и... ничего не смогла сделать. Я оказалась для неё слишком тяжёлой. Она смогла лишь слегка приподнять меня от пола и с грохотом бросить обратно на пол. После неудавшейся попытки нарушить обещание, девочка отстранилась от меня и произнесла:

— Тьфу! Не интересная ты какая-то. Ну и сиди тут одна, а я спать пойду! — сказала девочка, выключила свет и легла спать.

Я же тихо сидела в комнате и дожидалась утра.

— Вставай, Лика. Пора собираться в школу, — сказала Светлана, войдя в комнату дочери рано утром.

— Но ещё слишком рано... — произнесла девочка.

— Ничего не рано. Уже семь утра, если сейчас же не встанешь, то мы опоздаем, — ответила ей мать и ушла.

Девочка с неохотой встала с постели и побрела вслед за матерью. Я продолжала сидеть в комнате и лишь отголоски доносились до меня. Мать с дочерью о чём-то громко разговаривали, но слышно их было плохо, поэтому я так и не поняла, о чём они говорили.

В скором времени девочка вернулась в свою комнату и также быстро, как и пришла, удалилась, заранее одевшись и прихватив с собой школьный рюкзак. Громкий топот, стук входной двери, щелчок замочной скважины. Ушли. Я наконец-то осталась одна в квартире и теперь могу узнать всё, что меня интересует. А интересовало меня многое. Например, другие куклы, подобные мне. Их здесь было много. Штук пять я насчитала точно. Только вот... эти куклы отличались от меня. Они были не такими тяжёлыми. Откуда я это знаю? Перед уходом, девочка брала в руки одну из таких кукол, она с лёгкостью смогла её поднять и даже пронести с собой, хотя меня она поднять не смогла...

Идти было тяжело. Какое-то давящее чувство постоянно преследовало меня, я говорю не о душевном чувстве, а о физическом. Оно шло изнутри меня, будто бы я носила в себе камни.

Подойдя к одной из кукол, попыталась толкнуть её, а она с грохотом упала на пол. На удивление лёгкая кукла... Если даже я смогла её уронить, то это точно значит, что именно со мной что-то не так. И почему вообще эта женщина привезла меня сюда, если я не подарок для её дочери? Что эти куклы вообще делают здесь? Станный. Очень странный дом.

В комнате больше не было ничего интересного, поэтому я решила двигаться дальше и проследовала на кухню. Ничего странного я там не обнаружила. Обычная кухня со всем необходимым. Точно такой же оказалось и спальня женщины, ничего необычного, кровать, шкаф, да гладильная доска с парой тумбочек. Ну не может же быть всё так просто и обыденно? Конечно же нет. Следующей комнатой оказалась библиотека. Вы когда-нибудь видели библиотеку в трёхкомнатной квартире? Думаю, что нет, а если и да, то вам крупно повезло, также, как и мне сейчас. Библиотека была большой, чистой, я не заметила в ней ни малейшей соринки. Обойдя всю библиотеку, я обнаружила письменный стол, рядом с которым стоял стул, а на самом столе лежало несколько книг.

Так как я не могла достать другие книги со стеллажей, я предпочла хотя бы просмотреть те, что лежали на столе. На стул было забраться несложно, он оказался не таким высоким, как я думала. Но то, что обнаружила на столе, превзошло все мои несуществующие предположения. На нём лежали самые разные книги. От поваренной до «некромантии для чайников», и даже библия здесь каким-то образом затесалась. Прочитать хотя бы одну из этих книг я не успела. Из коридора послышался звук открывающегося замка. Не понимая, что делать дальше, с грохотом спрыгнула со стула и спряталась за ближайшим стеллажом с книгами. На удивление, на этом стеллаже, в большей своей части, присутствовали лишь фантастические книги.

Шаги всё приближались ко мне, они были не похожи на звук шагов той женщины. Оставалось лишь ждать и надеяться на то, что этот незваный гость не такой уж и незваный... Звук шагов становился всё громче и отчётливее. Я уже стала узнавать эти шаги, как мои подозрения подтвердились, когда передо мной появился вчерашний мужчина, которого Светлана называла Мишей. Видимо вчера он так и не вернул ей ключи, но что ему понадобилось сейчас, когда никого нету дома?

Михаил ничего не делал, он лишь смотрел на меня, периодически отводя взгляд.

— Кукла...значит... А я то думал... Знаешь, ты так похожа на неё... на мою дочь. Вчера я подумал, что вы очень похожи... Может нужно забрать тебя отсюда? Хотя... наверное, не стоит. Я еще не знаю зачем ты понадобилась Светлане, — неожиданно сказал мужчина и быстрыми движениями поднял на руки.

Не знаю куда он меня нёс, но обращался со мной куда лучше той женщины, жаль, что делал это не долго, пока он нёс меня по коридору, случайно наткнулся на одну из игрушек девочки и... упал. Я же с шумом улетела на пару метров вперёд. Ничего страшного не произошло, он быстро поднялся и подошёл ко мне, но, когда решил вновь меня поднять, из-под платья начала литься кровь... Что это за кровь и откуда она взялась, никто выяснять не стал, он лишь с недоумением посмотрел на меня и ушёл восвояси. А я продолжала сидеть там, где он меня оставил. На мой взгляд это было куда лучше, чем разбрызгивать кровь по всей квартире и пугать здешних жильцов загадками о том, откуда она взялась.

Так просидела я до позднего вечера, пока домой не приехали мать с дочерью. Моей пропажи они обнаружили не сразу. Да это и не удивительно, так как коридор был ветвящимся, а в ту ветвь, которая вела в библиотеку, редко кто заходил. Было слышно, как они ходят по квартире, разговаривают, едят, но меня никто не искал.

Уже потом, когда девочка ложилась спать, мать зашла в её комнату и обнаружила пропажу. Меня она искала не долго, но, когда увидела лужу крови, которая знатно успела растечься по полу, чуть не упала в обморок. Было не похоже, будто бы она боялась крови, больше это напоминало шоковое состояние от неожиданного потрясения.

Увидев меня, она развернулась и ушла обратно, а вернулась уже с большим чёрным полиэтиленовым пакетом, в который с трудом убрала меня. Было неудобно. Засунула меня туда, как будто бы я была каким-то мусором, надеюсь, она не собирается выкинуть меня на помойку?

Не знаю, что она всё это время делала, но я лишь ощущала сильную тряску от того, что меня куда-то несли, потом кидали на что-то мягкое, кажется, что это было сидение автомобиля, а потом куда-то везли. Собственно, это и был автомобиль, ведь я отчётливо слышала звуки мотора.

Глава 21. Культ

Не знаю, как долго меня везли и куда, но увидеть свет я смогла только в каком-то тёмном, мрачном месте, напоминающем подвал. Вся комната была окутана красным раздражающим светом. Я находилась на металлической кушетке, а вокруг, возле стен стояли парочка интересных вещей... на полу валялись всякие приспособления для разжигания костра и кухонная утварь, а на стенах висели факелы, всякие веники из трав и какие-то странные иероглифы с символами... это место было очень похоже на место жертвоприношения в дьявольском культе.

А вот и наши демонопоклонники стоят в чёрных накидках рядом со Светланой и о чём-то громко ругаются. Я насчитала штук пятнадцать человек, которые ничем не отличались друг от друга, и только один, точнее одна, это была женщина, выделялась из толпы. Она то и была главным «собеседником» Светланы.

— Зачем ты это сделала? — говорила со злостью в голосе женщина.

— Я ничего не делала! Она была дома одна, а когда я вернулась она уже была в таком состоянии! — с пылкостью во взгляде пыталась доказать Светлана свою непричастность.

— Тогда, как это произошло? — не отступала женщина.

— Да говорю же вам! Не знаю! Меня не было дома, а она... может быть моя дочь её пыталась пронести, но не смогла удержать? — предлагая хотя бы какие-то предположения сложившейся ситуации, отвечала Светлана.

— Не носи чушь! Ребёнок не сможет поднять это. Говори честно. Это ты её разбила? — спросила женщина.

— Нет, не я! Поверьте мне! ОХ! Точно! Это наверняка был мой сосед! — пыталась оправдаться Светлана.

— Что твой сосед делал у тебя в квартире, пока тебя не было дома, и как он туда попал? — с недоумением спрашивала женщина.

— Вчера! Вчера он видел меня с ней, и помогал открывать двери. Видимо, я забыла забрать у него ключи! У меня дома всегда лежат запасные, поэтому скорее всего так всё и было! — уже не в силах сдерживать эмоции восклицала Светлана.

— Он, случаем, не сможет помешать нам? — с толикой недоверия вопрошала женщина.

— Никак нет! Он хоть и работает в полиции, но ничего не сделает, он допоздна работает, — отвечала Светлана.

— В полиции?! Ты позволила увидеть это полиции?! — с безумием в голосе говорила женщина.

— Он просто участковый! Нам не о чем беспокоиться! Пожалуйста, смилостивитесь! — умоляющим тоном отвечала Светлана.

— Ты нас всех подставила! Теперь придётся менять это место на новое. Ты хотя бы задумывалась, зачем ему понадобилась эта кукла? Думаешь он ничего не понял или не заподозрил? Да за нами теперь свору спустят! — тараторила женщина.

— Я не думала об этом...

— Вот из-за того, что ты не подумала из нас теперь суп сварят! Кстати о супе... иди и занимайся свои делом! А остальные чего встали?! Тоже займитесь своими делами! Нам нужно будет срочно отсюда сваливать, когда мы закончим с ритуалом! — истерика началась уже у женщины, а Светлана по её указке направилась ко мне. Все остальные тоже

последовали её примеру, но их дела меня не касались, а вот то, что задумала сделать Светлана...

Она подошла ко мне и перевернула меня на живот. Платье, помимо того, что было ужасно грязным, испачканным в крови, теперь было ещё и порванным. Достав откуда-то нож она ловкими движениями разрезала платье вдоль спинки, будто бы делала это не в первые. А затем... этот же нож она использовала и для того, чтобы разрезать мою спину. Сделала она это довольно легко, был слышен звук рвущихся ниток, как будто бы на спине уже были швы, а ей оставалось их лишь разрезать. Затем она стала что-то доставать из меня, не знаю, что это было, но я быстро начала ощущать какую-то небывалую лёгкость.

Я не видела того, что делала Светлана и все остальные участники этой... секты? Но я прекрасно слышала тление костра и звук гремящих сковородок, а может быть это были и кастрюли, откуда мне знать?

Лежала в таком состоянии я не долго, буквально минуту, после чего, ко мне кто-то подошёл и начал, в буквальном смысле, зашивать. Недолго продлилось мой созерцание металлической кушетки, как меня резко подхватили и понесли в сторону дальней стены. Думаю, это было хорошо для меня. Оттуда можно было увидеть всю комнату с самых лучших ракурсов.

Светлана занималась готовкой. Очень странное занятие для этого место. Но это перестаёт быть странным, когда ты видишь, что именно она готовит. Она разделявала и кидала в воду что-то похожее на человеческие сердца, почки, лёгкие. Если сложить всё, что я узнала, то получается, что это вовсе не «похожие», а самые настоящие... По размеру они не были похожи на органы взрослого человека, скорее на детские. А то, что я приняла за воду... оказалось кровью, это стало понятно по тому, что когда Светлана забрасывала мясо в кастрюлю, из неё периодически выплёскивалась жидкость, которая капала на пол, а он здесь был далеко не тёмным...

Приготовление «пищи» у Светланы не заняло больше двадцати минут, после чего она сообщила о своём окончании той женщина, с которой разговаривала ранее.

Все, кто находился в этой комнате, уже заканчивали свои «приготовления». На полу они нарисовали круг с жирной точкой по середине. На сколько мне известно, это оккультный знак, означающий завершенность чего-либо. На удивление, но рисовали они вовсе не кровью, а обычной чёрной краской. После того, как они закончили, они выстроили стулья ровно по линии круга, а кастрюлю, в которой Светлана варила то адское месиво, поставили в центр. Постепенно она начала разливать этот «суп» по тарелкам и раздавать каждому, и про себя она не забыла. Под конец та странная женщина, которая, скорее всего, была здесь главной, произнесла несколько странных фраз на неизвестном мне языке, а после... все стали... жрать... Они жрали то, что сварила им Светлана так, как будто бы не ели уже неделями, жрали так, как будто бы это было самое вкусное, что когда-либо им приходилось пробовать, и самое главное, что они жрали всё это голыми руками, не заморачиваясь по поводу столовых приборов, и конечно же, всё то, что они ели летело в разные стороны, разливалось по полу, а я просто сидела и смотрела на то, как они с чувством жрут, ведь ничего не могла с этим поделать.

Обжорство их продолжалось не так уж и долго, ведь буквально через минуту в помещение ворвался отряд полицейских. Никто не успел понять, что именно произошло, как всем демонопоклонникам стали заламывать за спиной руки и валить на пол, вслед за ними отправлялись и чашки со всем содержимым.

Задержанных по одному стали выводить из комнаты, а ко мне подошёл... Михаил, неожиданно было здесь его увидеть, ведь Светлана говорила, что он простой участковый, а сейчас он был одет так же, как и другие захватчики. Он подхватил меня на руки и вынес из этого помещения вслед за другими его сослуживцами.

Глава 22. Марья Ивановна

Какими же глупыми оказались эти демонопоклонники... Их пристанище находилось не только рядом с кладбищем, но и совсем рядом с полицейским участком. Они располагались на расстоянии пары тысяч метров друг от друга, но, даже несмотря на это, сектантов не могли вычислить уже долгое время.

...

Всюду шум и беспорядок, сектанты рядышком сидят. Везде носятся неугомонные госслужащие с постоянными криками и руганью, пытаясь решить одну проблему за другой. Слева бабка заявленье пишет, а справа муж немолодой сопит, ворчит, ругается, что видит он помойку, в которой не могут найти даже украденный кошелёк.

С тех пор как нас привели сюда, мы сидели за железной решеткой в ожидании «конца». Даже меня — куклу, посадили вместе с теми, кто совсем недавно трапезничал кровавым супом, в прямом смысле этого слова. Сидели здесь мы уже порядком несколько часов, переносить это было тяжело, но не физически, а морально. В клетке царила гробовая тишина, никто не поднимал плащей до этих пор, все просто упёрлись взглядом в пол и ждали, но Светлана периодически кидала злостные взгляды в мою сторону, она смотрела на меня с ненавистью, будто бы я в чём-то виновата, будто бы это я виновата во всем, что они сделали...

Мы находились в небольшой комнатухе, вмещавшей в себя лишь клетку, да стол, за которым сидел один служащий. Это был далеко не весь участок, когда нас привели сюда, мы проходили по коридору и видели ещё несколько комнат, но до них мы так и не дошли ведь нас привели сюда. В помещении, как и полагается стены были окрашены в противный зелёный лягушачий цвет, от него ещё не редко спать хочется, даже не удивительно, что человек, сидящий за столом, такой сонный и понурый. Единственным ярким пятном здесь являлись настенные часы, которые висели над дверью в помещение.

Уже четыре часа прошло с того момента, как мы оказались здесь, а мы всё сидели и сидели до тех пор, пока дверь не открылась.

В комнату зашёл неизвестный мне мужчина со связкой ключей в руках, которую я помню с того момента, как одним из ключей на ней закрывали нашу решётку. Следом за ним зашли ещё несколько крупным телосложением человек, которые стали по одному выводить из клетки сектантов, а меня оставили напоследок... Со мной они обходились ещё более грубо, чем с другими задержанными, просто ухватили за волосы и куда-то потащили.

Всех задержанных растащили по разным комнатам, а меня запихнули в одну комнату вместе с предводительницей данного культа.

В комнате все стены были голыми, бетонными и серыми, на стене висело одно вмонтированное стеклянное окно, через которое не было ничего не было видно. Посередине комнаты располагался стол, которые занимал две трети места, и два стула, стоящие друг на против друга. На одном сидел тот самый человек, что приходил за нами, а на противоположном расположилась сектантка, меня же поставили на пол под окном. На против меня висела камера, а на столе стояло записывающее устройство — микрофон. Руки преступнице приковали наручниками к ножкам стола, которые были накрепко просверлены к полу. Собственно, всё это указывало на то, что мы находились в комнате допроса.

После того как все условности были соблюдены, допрос начался.

— Представьтесь, — сказал мужчина.

— Мара... Меня зовут Мара, — ответила женщина.

— Кхм, — кашлянул мужчина, — символично. Тогда ответьте на следующий вопрос:

Что вы делали поздно ночью на кладбище?

— Я была на работе, — не вдаваясь в подробности ответила женщина.

— Кем вы работаете? — продолжал задавать вопросы мужчина.

— Я работаю патологоанатом при кладбище. Вскрытия, анализ и вся подобная дребедень, ну, вы знаете...

— Насколько мне известно, в это время вы уже не работаете, почему вы оставались там после завершения рабочего дня?

— ... - женщина молчала, не желая давать ответ на поставленный вопрос.

— Вижу, что вы не хотите отвечать на мой вопрос. Хорошо, вы узнаете эту куклу? — сказал мужчина и указал пальцем на меня.

— Да, узнаю, — коротко отвечала Мара.

— Продолжайте, — не терпящим возражений голосом сказал мужчина.

— Я её сделала.

— Для чего вы её сделали? — не умолкал мужчина.

— Хобби у меня такое. Куклы делать, — отвечала женщина, никак не соглашаясь отвечать полностью.

— Насколько мне известно, вы делали это не только ради развлечения. Мне сообщили, что у вас, Мара, организована собственная секта, предводителем которой являетесь вы же. Что вы скажете на этот счёт?

— ... - женщина вновь решила промолчать.

— А ещё мне известно, что ваше настоящее имя не Мара, а Марья Ивановна, и что вы прибыли к нам с посёлка, располагающегося неподалёку, где вы в местной школе работали преподавателем химии. А то место, которое вы называли работой, уже давно является заброшенным зданием, в котором, как нам говорили, призраки водятся, а оказались там вовсе не призраки, а обычные сектанты, — настойчиво говорил мужчина.

— Мы не сектанты, — противилась женщина.

— А кто вы? — ровным голосом спросил мужчина.

— Однажды я услышала голос... — никак не отступала от своего принципа, отвечать неполными предложениями, говорила женщина.

— Да? И что же он вам сказал?

— Он наставил меня на истинный путь. Я посвятила всю свою жизнь служению ему. Вы не поймёте, даже если я вам расскажу. Вы не видели того мира, который показал он мне. А я видела всё, я видела будущее, я видела, как весь мир рухнет, и только те, кто будут прислуживать ему смогут спастись! — восклицала женщина, искренне веря в то, что говорит, да так сильно крутила головой, что капюшон с её головы слетел и я увидела ту самую женщину, которая стояла за деревом на кладбище, когда я только там оказалась.

— ... - не зная, что ответить промолчал мужчина. — Тогда что вы скажете по поводу тех наркотиков, которые мы нашли в месте вашего обитания?

— Это не наркотики. Это вещества, которые помогают нам.

— Помогают с чем? — непонимающе спросил мужчина.

— Они помогают нам видеть. Они помогают нам связываться с нашим божеством. Он наставляет нас, а из-за вас он разгневается на нас, потому что мы не сумели провести обряд

так, как положено, — гневно отвечала женщина.

— Можете рассказать поподробнее о вашем обряде?

— Могу, но с чего вы взяли, что буду? — усмехнувшись, ответила женщина.

— Если не будете, то расскажу я, но уже более подробно, дополняя всё статьями из конституции, за нарушение которых вы сядете на приличный срок в тюрьму, — угрожающе отвечал мужчина.

— Ладно, — не стала возражать женщина, — расскажите мне, как всё проходило?

— Вы создавали кукол по подобию умерших детей, в эти куклы вы складывали мешки с кровью и органами, убитых вами животных, в которые подмешивали наркотики, затем отвозили кукол на другие кладбища города, чтобы запутать следствие, а уже оттуда их забирал другой человек, чтобы привезти снова, но уже на исходную точку. Я всё верно говорю? — с полным уверением в себе говорил мужчина.

— Не верно, — с усмешкой ответила женщина. — Вы не сказали самого важного: почему мы делали эти куклы по подобию реальных людей, почему именно на их могилы я их отвозила. А ещё... я не добавляю наркотики в еду, — с неожиданной полнотой ответила женщина.

— Так, может быть вы расскажите мне, недалёкому, что именно я упустил?

— Расскажу, как не рассказать. Тем более, что вы уже всё и так знаете... Куклы делались по подобию детей, которые сами покончили со своей жизнью, которые сами отдали свои души нашему божееству, а мясо мы напитываем живой и мёртвой энергией, а так как первая энергия — энергия мёртвого ребёнка, живая энергия должна быть тоже ребёнка, а у нас был лишь один человек, имеющий дитя... Наркотики мы никогда не добавляем в еду, ведь она — жертвоприношение. Мясо — это лишь наша дань уважения божееству, не более.

— Насколько мне известно, вы не только использовали запрещённые вещества в качестве «связи с божееством», но и распространяли их, не так ли?

— Верно, — не стала отпираться Мара. Я пыталась привлечь большее число последователей, я же уже говорила, что лишь мы сможем выжить в разрушенном мире.

— То есть вы утверждаете, что хотели лишь спасти людей от гибели? — не сдавался мужчина.

— Так и есть, — призналась женщина.

— Я вас понял. Вы можете быть свободны, — хотя он так и сказал, но женщину лишь забрали другие полицейские и увели обратно в клетку для дальнейшего решения этого дела.

Глава 23. Газетная вырезка

Не знаю того, что происходило дальше с задержанными демонопоклонниками, потому что меня отнесли в комнату с вещественными доказательствами. В ней располагалось множество стеллажей и архивов с различными штуками. Здесь, наверное, можно было найти всё что угодно, от огнестрельного оружия, до обыкновенной расчёски, и вот, даже кукла с человеческий рост добавилась, ну не хранилище ли это сокровищ?

Меня поставили на одну из свободных полок и ушли, захлопнув дверь. В комнате не было окон, но рядом со мной, на соседней полке находился фонарик, который я решила «позаимствовать». Всё-таки не в моих принципах сидеть без дела, когда есть возможность узнать что-нибудь интересное. Хорошо, что меня посадили на самую низкую полку и до пола мне не хватало лишь пары десятков сантиметров, что позволяло мне не сломать себе ноги после падения с высоты, хотя боли я и не ощущаю, но ходить мне было бы явно неудобно.

Обойдя все шкафы с вещественными доказательствами и облапав всё, что могла, убедилась, что ничего интересного мне здесь не найти, поэтому поспешила к стеллажам-архивам, где, наверняка, должно храниться что-то важное. К моему несчастью, я не успела осмотреть ни одного архивного документа с полки, ведь первым, что я увидела, оказалась газета, лежащая прямо на полу, рядом со шкафами. Она имела достаточно необычное содержание, да и само её существование уже было неожиданностью. Кто в наше время ещё читает газеты?

Ничего особо примечательного в этой газете не было, странные рецепты из «лечебных» травок, новости спорта, рекламные объявления, кроссворд и... новостная сводка, в которой говорилось о девушке, что находится в коме:

«Z числа Z года молодая студентка приехала в свой родной город на летние каникулы, чтобы повидаться с родителями, но произошло несчастье. Оба её родителя умерли прямо на её глазах, а сама девушка впала в коматозное состояние из-за сильного стресса, что будет ждать её дальше — неизвестно».

Печальная история. Она почему-то зацепила меня. Наверное, это страшно, терять родных и близких, наверное, это невероятно больно, но откуда мне то об этом знать, я ведь никого не теряла, кроме воспоминаний...

Снова... я снова проваливаюсь во тьму... если честно... меня это уже порядком достало!

— Хей! Привет! Ну как? Ты уже готова отправляться? — произнесла Эреб.

— Что? Но я же только вернулась, — в недоумении ответила я.

— Пф, и что? Эта история была коротка и не мудрёна, а тебя уже ждёт ещё одна! — настаивала Эреб.

— Ладно, отдохни немножко, возможно, это было для тебя действительно тяжело, — вмешался Феб.

— Мне было не тяжело, — сказала я.

— Тогда почему ты просишь передышку? — спросила Эреб.

— Потому что это трудно, переключаться между совершенно разными историями. Возможно, что они связаны, но лично для меня это совершенно не так. Тем более, что эти истории такие тяжёлые... Почему везде есть мёртвые дети? Вот скажите мне, кому я в этот

раз помогла? Я даже не сумела до конца проникнуться ситуацией, а уже вернулась сюда!

— Вижу, у тебя есть силы на то, чтобы задавать бессмысленные вопросы, на которые тебе никто не собирается отвечать. Значит и к новому испытанию готова, — чётко и быстро ответил Феб.

— Не готова! Вы всё ещё не ответили на мои воп... — не успела договорить слова я.

— Готова! Пока пока! — попрощалась Эреб, махнула рукой, и я вновь утонула во тьме... Это действительно раздражает...

Глава 24. Темница

Запах сырости, звук капающей воды, холодный пол — всё это было первым, что я заметила, когда попала сюда. Лежала я на кирпичном холодном полу, и даже стены были сделаны из того же кирпича, а под потолком располагались деревянные балки каркаса изогнутых арок. Я бы не отказалась полежать на полу ещё немного, если бы он не был таким холодным, поэтому мне пришлось встать и осматривать помещение уже в позиции стоя, ну да и лёжа мало, что можно было разглядеть кроме потолка, а в нём не было ничего особо примечательного.

Тем местом, куда я попала, оказалась темница. Три стены из четырёх оказались решётками, покрытыми такой ржавчиной, как будто бы им уже больше сотни лет. За двумя практически ничего не было видно, за одной была лишь пустая темнота, а за другой я разглядела человеческий силуэт, сидящий где-то в углу, поджав колени, но большего о нём я не скажу, ведь сама не понимаю кто это... мужчина или женщина, ребёнок или старик, кто знает? За третьей же решёткой находился коридор, выложенный точно такой же плиткой, что и в клетке, напротив стояла стена, а в самом далеке на стене висели пару факелов, рядом стояли несколько солдат, подпирающих стены так, будто бы без них они могли рухнуть. Акцентировать своё внимание было особо не на чем, поэтому я отошла от решётки и приступила к дальнейшему осмотру «комнаты».

В одном из углов валялась куча сена, удивительнее всего то, что это была именно «куча», вряд ли кто-то бы решил лежать или даже сидеть на таком, она была сложена неравномерно, как будто бы в ней было что-то спрятано.

Не знаю намеренно ли это здесь спрятали, и спрятали ли вообще что-либо, но... Как по мне, эта находка далеко не неожиданная для этого места, а я так поняла, что нахожусь в темнице. Практически вся эта куча сена была ничем, просто навалом, а самое интересное находилось внизу, ближе к полу. Что же это было? Скелеты, просто кости, сложенные вместе и засыпанные сеном. Эти кости уже давно не имели белоснежного цвета, больше желтизна покрывала их.

Ничего примечательного больше я не видела, но это было и не нужно, ведь на стене было что-то на подобии окна. Оно было маленьким настолько, как будто бы просто несколько кирпичей высунули из стены. Когда я взглянула в «окно», увидела нечто непомерно странное. Это было что-то на грани фантастики. Я увидела полчища людей, они толпились, образуя круг, окружая огромный крест, он был воткнут в землю, а вокруг лежали стопки сена и наваленные брёвна. На самом кресте была прикована девушка. Плохо было слышно, что ей кричали, поэтому я просто наблюдала. Человек, одетый в красную мантию, поднял руку, что-то произнёс, а другой человек, который был похож на рыцаря, поджёг сено, которое окружало крест. Пламя распространялось достаточно быстро, и не успела я опомниться, как оно начало поглощать девушку. Но ещё быстрее, чем её пожрал огонь, до меня доносились возгласы толпы, я смогла разобрать лишь одно слово, но и этого мне было достаточно, чтобы осознать, где я оказалась. Они кричали: «ведьма» ...

Я что попала в средневековье? Люди в это время были по истине жестоки... а когда не были...?

В шоке я отошла от окна, не дай бог ещё кто увидит, что я видела всё то, что происходило. Отойдя в сторону, я зацепилась рукой о выступ в стене. Оказалось, что один из

кирпичей был попросту вставлен в стену, но, несмотря на это, мне всё же пришлось постараться, чтобы вытащить его. Но сколько бы я ни старалась, у меня всё никак не выходило это сделать, он был будто бы приклеен, хотя это было явно не так, ведь кое-какие подвижки имелись. Уже почти отчаявшись достать его, и смирившись с мыслью о том, что я так и не узнаю, что находится в стене. Может быть там и вовсе ничего нет, тогда я лишь просто теряю время. Но мои мысли прервал звук наступающих шагов. Из соседней клетки ко мне приближалась старуха, а в руке у неё был нож.

— Держи, — произнесла старуха и протянула нож мне.

Я не спешила брать так нужный мне предмет, чего только можно ожидать от заточённой в темнице старухи. Может она вообще сумасшедшая.

— Ты думаешь, что я сумасшедшая? — с ухмылкой на лице спросила старуха.

— Вы что... мысли читаете? — с удивлением спросила я.

— Да куда мне! У тебя же всё на лице написано. На вот! Возьми, — сказала старуха, всё ещё протягивая нож мне.

— Зачем он мне? — с недоверием спросила я.

— Ты же хочешь узнать, что находится за камнем? Я просто предлагаю помощь, твоё дело отказаться, если страшно, — вновь с насмешкой ответила старуха, начиная забирать нож обратно.

— Нет, нет! Стойте! Я возьму! Возьму! — сказала я и быстро ухватила за ручку ножа, протянутую мне, — Спасибо.

— Не за что, — сказала старуха и стала ждать на том же месте. Интересно ей что ли? Собственно, мне нет до этого дела, ведь теперь я уверена, что за кирпичом что-то спрятано, раз об этом даже старуха сказала. Хотя с чего такая логика?

Взяв нож покрепче, я начала пытаться отколупать камень, что удалось мне легко. Нож оказался очень острым и тонким, что мне очень помогло. Вытащив камень, в стене я обнаружила записку, развернув её, я увидела лишь одно слово «Лоза», я не знаю, что оно означает, как и не знаю того, зачем прочитала это в слух.

— Это деревня, деточка, — отозвалась старуху, продолжавшая стоять на том же месте, где и раньше.

— Что за деревня? — с удивлением в голосе спросила я.

— А ты ж видать совершенно ничего не помнишь? Ни как прятала записку, ни как нож мне отдавала, ни даже места, где уродилась ты? Ни уж то и имени своего не упомянешь? — с искренним непониманием спросила старуха.

— Место, где уродилась значит... Да, бабуль, я ничего не помню, может сильно головой о пол стукнулась? Представляешь, просыпаюсь на полу и ничего вспомнить не могу, — с решительностью отозвалась я.

— Вот как! Тогда понятно. Ну что ж. Присаживайся, буду тебе всё рассказывать, — с озорной усмешкой ответила старуха.

— А на что присаживаться то? — недоумевая спросила я.

— Так на пол, — с полным уверением сказала старуха.

— А сено на что? На полу я же себе всё отморожу.

— А раньше ты вида мертвечины не переносила... Видать тебя конкретно приложило о пол, раз даже такая твоя сторона спряталась, — с сочувствием в голосе отвечала мне она.

— А чего же тут бояться? Просто кости, они мне ничего не сделают, за то сено может мне облегчить муки холода.

— Ну всё! Хватит тут уже трепаться, садись уже, а то мало ли когда стража решит к нам наведаться, — грубым голосом ответила мне старуха, и сама плюхнулась напротив решётки, я последовала за ней села напротив неё, предварительно постелив всю солому, что смогла сгрести, в одну большую «подушку». Села не неё и стала слушать.

— Отлично. Приступим. Первое, что ты должна усвоить — имя. Тебя зовут Александра, но, когда ты отсюда выберешься лучше себя так не называй, да хотя бы Сандрой себя зови, но не полным именем, — торопливо говорила старуха.

— Погодите! Выберусь? Отсюда можно выбраться? — непонимающе спросила я.

— Не торопи события, деточка, я ещё не дошла до этого момента, — ответила мне старуха.

— Хорошо-хорошо! Продолжайте...

— А вот и продолжу! Деревня под названием «Лоза» — это то место, откуда ты родом, и куда собиралась вернуться.

— Вернуться? Но зачем? — непонимающе спросила я.

— А мне куда знать? Ты мне не рассказывала. Слушай дальше. Когда ты выберешься отсюда, тебе нужно будет что-то сделать со своими волосами. Не знаю что, покрась их в чёрный или на лысо обрейся, мне всё равно что, главное — сделай это.

— А что не так с моими волосами?

— Ты ещё спрашиваешь? Ты даже не помнишь то, как выглядишь? Да хоть на волосы взгляни. Хотя нет! Погоди, — с этими словами женщина встала и удалилась в конец своей клетки, но быстро вернулась и протянула мне зеркало, в нём я увидела ту же девушку, что и тогда, когда в первый раз попала в чистилище, её волосы... точнее уже мои волосы были белоснежно белыми, будто бы седые.

— Я так понимаю, это не нормально, да?

— Конечно же нет. Но не думай, что ты такой родилась. Волосы у тебя просто седые, пережиток сильного стресса не более. В самом начале, как только тебя сюда привезли, ты повыдергивала себе все патлы, а новые уже вот такие отрасли.

— Что за стресс?

— Да говорю же, что не знаю я, ты мне не рассказывала! Идём дальше! Ты здесь, потому что тебя сочли ведьмой, как и меня, а ещё ту девушку, которая вот недавно горела ярким пламенем. Она, кстати, раньше находилась вон в той соседней камере, — сказала старуха и указала пальцем на противоположную клетку, которая находилась за мной.

— Что значит ведьма? Та самая, которую поклонницей дьявола кличут, и которая детей ворует? — опешила я.

— Ну, не совсем так. Точнее совсем не так. Нас раньше звали Ведущими. Религия у нас своя. Но всё дело в том, что наша религия не позволяет никому зла причинять. Мы в основном травками занимаемся всякими, оберегами там, да и просто тихо живём себе. Ну ты знаешь, как это бывает, христианство заполонило континент, стало вытеснять и губить все остальные религии, и начало с наиболее отдалённых их верованиям. Всё переврали, оболгали, а глупое стадо им и поверило! — вспыхнула старуха.

— То есть ты тоже ведьма?

— Самая что ни есть настоящая! Но я жила себе мирно в деревне своей, ко мне всей деревней ходили лечится, от бессонницы, от запора, от боли головной, чем-то серьёзным я помочь не могу, дело это лекарей, а моё так... здоровье поддерживать. Сын у меня был, давно он умер уже, никого не осталось, — с трепетом говорила старуха.

— А как ты сюда то попала?

— Да как-как? Инквизиция пришла, меня и заграбастала, а защищать меня некому. Дианой меня звать. Да вот только... какая теперь разница... всё равно на плаху поведут, а может просто в речке утопят, или чего по изысканней придумают, народ он люд сообразительный, — с горестью отвечала мне старуха.

— Мне не всё равно.

— Да что ты говоришь? Впервые меня видишь, а уже не всё равно? Ежели так, исполни просьбу мою. Съезди на могилу к сыну моему, съезди вместо меня, с добром тебя прошу. Не видала я его уже... уж и не упомяну сколько. Оставь там цветок один. Любой, какой сама сочтёшь нужным, да и не приходи туда более, цветок этот моим символом будет, а меня уже и не станет к тому времени... — ещё печальнее, чем раньше отозвалась женщина.

— А как же я туда попаду? Я ведь здесь застряла, как и ты. Да и куда мне ехать?

— А ты по этому поводу не волнуйся. Тебе это по дороге будет. Деревня «Лист» называется. А добраться ты туда сможешь на любой повозке, или карту раздобудь, да на лошади домчись, деньги у тебя будут, не переживай, — с полной уверенностью в своих словах отвечала Диана.

— Хорошо. Ну теперь то уж всё? Расскажешь наконец, каким образом я отсюда выберусь?

— Расскажу конечно, спрашиваешь ещё. Тут дворянин один ходит, мелкий, граф всего, но влюблён в тебя он, целый год к тебе ходит, а ты ему отказываешь всё, но скоро казнить тебя должны, сначала меня, а потом и тебя, последний шанс у тебя будет сбежать. Когда он придёт, скажешь, что согласна на всё, и уйдёшь с ним, а я тут останусь. Нож у тебя останется, всё-таки он изначально твоим был. Что делать дальше, разберёшься. Главное — выберись отсюда. Никто и не заметит твоей пропажи, — уверенно отвечала старуха.

— А как я нож то унесу? Ты видела моё платье? Это вообще платье? У него даже карманов нет, а ты хочешь, чтобы я унесла оружие? — в недоумении спросила я.

— Эх, какая же ты бестолковая! — после этих слов она встала и оторвала ленту от подола своей одежды, — давай сюда свою ногу, — сказала она и стала обвязывать ткань вокруг моей ноги, — а теперь нож давай, — взяв в руки то, что просила, она засунула его между слоями ткани, что, кстати, выглядело неплохо, да и удобно к тому же.

— Ох, спасибо?

— Не за что, — ответила Диана и кряхча села на своё место.

— А что теперь?

— Теперь? Сядь и жди, пока за нами не придут.

Глава 25. Казнь

С тех пор, когда наш разговор завершился, мы больше не разговаривали. Тихо расселись по углам и стали ждать. Чего именно нам нужно ждать я пока не понимала, но зато понимала Диана. Она ни капли ни нервничала, поэтому и я решила по этому поводу не переживать.

Постепенно звук капель, стекающих по потолку и ударяющихся о пол, стал дополняться звуком громкого топота мужских сапог. Звук был чётким, звонким, он становился всё громче, пока создатели его не приблизились к нашим решёткам.

— Ну что, девочки, готовы к смерти? — задал свой вопрос мужчина. Волосы его были словно шелковое солнце, слегка отдающее рыжиной, глаза были голубыми, а кожа белая словно снег. Мне никогда не нравились подобные мужчины, они всегда мне казались какими-то ненастоящими, какими-то фальшивыми и лживыми.

Одет он был в шерстяное платье синего цвета с глубоким вырезом и объёмными рукавами, талия подвязана ремнём, создавая напуск, а на плечах висел чёрный плащ круглой формы из подбитого мехом сукна, полудлинный, рукавов у него не было, а застегивался он пряжкой. На ногах его красовались высокие чёрные сапоги на небольшом каблуке. Всё это наводило на мысль о том, что этот человек явно непрост, возможно, он может быть даже дворянином. Может быть он тот самый граф, о котором мне говорила Диана? Дабы удостовериться в моих догадках, я посмотрела на Диану, она посмотрела на меня и кивнула.

— Ты, Диана, пойдёшь завтра на казнь, советую помолиться за то, чтобы тебя помиловали хотя бы в аду, ежели на живой земле тебе делать нечего. А тебя, Александра, отведут на казнь послезавтра, ежели у тебя не найдётся слов для меня, — говорил мужчина, переводя свой взгляд с Дианы на меня.

— У меня есть что сказать, — кивнула я и пристально посмотрела на мужчину.

— И что же? — с ожидающей ухмылкой ответил мне мужчина.

— Я хочу пойти с вами, Граф. Я помню, что вы предлагали мне. Я готова сделать всё, что вы захотите, только выпустите, — с притворной покорностью отвечала я. Было противно от того, что мне приходится говорить такое.

— Ох, дьявольская сука решила припасть к ноге хозяина? Испугалась смерти? Только сейчас поняла в какой заднице оказалась? Ха-ха-ха, что ж, если ты хочешь выбраться отсюда, то тебе придётся подождать. Я вернусь за тобой завтра утром. Помни, всё, что бы я ни сказал, ты должна выполнять всё!

— Я поняла вас, граф. Я буду ждать, — ответила я и поклонилась, а для большей достоверности даже соприкоснулась лбом с полом.

На этом мужчина ушёл, а мы снова продолжили сидеть на своих местах, дожидаясь завтрашнего дня.

...

Как и было обещано, мужчина вернулся утром, но уже не один, а с парой другой солдат. Одни из них по приказу мужчины схватили под руки Диану и увели, а другие же схватили меня и повели в другом направлении вслед за Графом.

Хотя мы и знали с Дианой, что скорее всего мы с ней больше не увидимся, но мы так ничего друг другу и не сказали. Мы были похожи, обе не хотели сильно привязываться к тому, кто и так уже был ближе всех остальных людей.

Я не знаю куда увели Диану, но меня же выволокли на улицу, где не было ни одного человека, где даже окна были заколочены, а солнечный свет ели-ели пробивался сквозь высокую стену.

Сначала меня силком тащили по неухоженному саду, а затем запихнули в такую же старую, неухоженную повозку. Казалось, что она может сломаться в любой момент, а ехать в ней категорически запрещено, но меня силой заставили сесть в неё, и мы поехали.

— Держи, прикройся, — сказал мне мужчина и протянул чёрный затрепанный плащ. Рукавов у него не было, он мне напоминал какой-то мешок с приделанным капюшоном, завязывался он довольно просто — на завязках, но зато очень хорошо умел скрывать внешность носителя от посторонних взглядов.

— Спасибо, — скупой ответила я и забрала плащ, после чего мне понадобилось лишь мгновении, чтобы надеть его. Всё-таки, это было хоть что-то ещё, помимо того, во что была одета я.

— Не за что меня благодарить, это лишь тряпка, которую я бы сам никогда не надел, а такому мусору, как ты, она очень подходит, — с ухмылкой в ожидании моей реакции отвечал он.

— Благодарю вас за лестные слова, но боюсь, я их не достойна, — гордо ответила я.

— Да, не достойна... — не зная, что ещё мне ответить сказал Граф.

На этом он больше со мной не заговорил, а я и не горела желанием с ним разговаривать. Так мы доехали довольно быстро до места назначения. Мы приехали в довольно богатый особняк. Не королевский замок, конечно, но довольно дорогой, если говорить про дворянство, а тем более, если это графство.

Огромный палисадник, белые колонны и пару крупных скульптур я успела заметить сразу, ну а дальше меня уже увели в дом, где немедленно распорядились заняться моим внешним видом.

Служанки не были рады явлению неизвестной особы, да ещё и в отвратительном виде с грязными волосами и порванной одеждой, но делать им было нечего. Приготовили ванную, но вот вымыть себя я им не дала, чтобы я делала, если бы они обнаружили нож? Поэтому им пришлось объяснить мне все правила, оставить одежду и уйти. А правила здесь были необходимы, я ведь в средневековье, здесь нету кранов и обыденных вещей, что доставляло некоторые сложности.

Сложностью одежда не отличилась, тёмно-синее платье на завязках на груди, под которым была белая рубашка, талию обхватывал коричневый пояс, сделанный из того же материала, что и плащ, который ничем не отличался от того, что выдал мне граф по пути сюда. Затем уже мои волосы завязали в хвост, обвязав его лентой. После всех приготовлений меня проводили на нижний этаж, где находился Граф.

— Готова? Почему так долго? Нам нужно торопиться, — с упрёком говорил мне Граф.

— Куда торопиться? — недоумевающая спросила я.

— Узнаешь, — ответил Граф и ушёл к выходу в направлении кареты. Я поспешила за ним, мы сели и снова куда-то направились. Точнее, не куда-то, а в самый центр площади, как выяснилось позднее.

Мы приехали туда, но я всё ещё не понимала для чего. Так было ровно до того момента, пока я не увидела Диану. Её вели на плаху. Двое мужчин держали её сзади, пока палач точил свой топор. А потом... голова Дианы быстро и верно отделилась от тела. Палач держал её голову и крутил в разные стороны, одновременно с этим произнося речь о том, что все

ведьмы были истреблены и ещё подобную чушь, а после того, как он закончил говорить... он бросил голову Дианы в толпу... Но это было не самое страшное... Всё это время толпа смеялась, подначивала на расправу, а в тот момент, когда голова попала к ним в руки, они стали раздирать её до конца... ошмётки с волосами летели в разные стороны, а меня пробирала адская злоба за то, что Граф привёз меня сюда, за то, что подобное происходит среди бела дня, а никто даже и не подумает, что это неправильно.

Мне хотелось отомстить, не знаю кому, но кто-то точно должен был поплатиться за это... Да, мы с Дианой были знакомы не так долго, чтобы я начала испытывать к ней тёплые чувства, но это всё-таки произошло, нас связывало нечто большее, чем простое общение.

— Пожалуйста, давайте уйдём отсюда... Я вас умоляю... — произнесла я, обращаясь к графу.

— Неужели тебе неприятно на это смотреть? А ты знаешь, что на её месте оказалась бы и ты, если бы не согласилась пойти со мной, — с насмешкой отвечал он мне.

— Я знаю, знаю, но пожалуйста, давайте просто уйдём отсюда, — уже жалостливым голосом говорила я.

— Хорошо, пойдём, мы уже увидели всё что должны были.

Из-за того, что на площади было слишком много народа нам пришлось пробираться окольными путями, в том числе и переулками. Однажды нам даже посчастливилось наткнуться на тупик. Почему посчастливилось? Потому что у меня появилась возможность отомстить. Граф никогда не был особо сообразительным, поэтому ему, в отличие от меня, требовалось некоторое время на осознание того, что он в тупике, а мне этого времени было достаточно, чтобы успеть достать нож и воткнуть его ему в бок, где-то в область печени. Хотя мы и были уже далеко от площади, и людей здесь было немногим больше двух, но всё же мне пришлось оттащить его в самый дальний угол, то есть к самым недрам тупика. Он всё ещё пытался поддёргиваться, но он был слишком слаб. Дотащив его, мне оставалось лишь вынуть нож, и оставить его истекать кровью, но это было бы слишком опасно, поэтому я перестраховалась и перерезала ему шею в районе сонной артерии. Знаете, почему она называется сонной? Лично я не знаю, но мне кажется именно из-за того, что если её перерезать, то ты уснёшь вечным сном.

Можно было бы и закончить на этом, но всё ещё рано. Он же граф, у него наверняка должны быть с собой какие-нибудь деньги, мне они бы не помешали. И да, у него в карманах действительно оказалось пару мешочков и карта. В одном мешке лежали деньги, в другом тоже деньги, но с номиналом гораздо меньше прежнего, в основном там были деньги медные. А на карте и вовсе было ничего не понятно, никаких подписей, только ориентировочно расчерченная местность. Делать нечего, взяла всё, что смогла найти и отправилась в противоположную сторону от той, куда мы направлялись, наверняка его соберутся искать, а первой и единственной подозреваемой обязательно окажусь я, поэтому мне лучше поскорее найти какую-нибудь повозку или лошадь и уехать отсюда.

Глава 26. Не нормальный человек

После того, как я покинула место убийства, прошло немалое количество времени, но я всё ещё не дошла до нужного места. Возможно причина была в том, что я не знала, куда именно мне нужно попасть, но ещё большей проблемой являлась толпа на площади. Хотя казнь уже давно завершилась люди всё ещё оставались там. Пробираться сквозь них было тяжело, но зато это очень удобная ситуация, если тебя пытаются поймать. Я не знаю, наши ли уже труп и правда ли меня преследовали, но на всякий случай стоило уже поспешить.

Из-за того, что мне было неизвестно местонахождение ничего, на чём я могла бы уехать, пришлось поспрашивать у прохожих. Некоторые меня игнорировали, некоторые посылали куда подальше, но в конечном итоге мне сказали, что повозку будет арендовать не так просто, поскольку все улицы забиты, да и берут они много, если ехать за город. Хотя меня и не волновал денежный вопрос, но пришлось направиться в сторону конюшни, дабы раздобыть себе хотя бы осла, вряд ли я сумею на лошади ехать, я ведь никогда на них не ездила.

Конюшня была покрыта грязью, везде разносился зловонный запах фекалий и смрада, но дикое ржание лошадей было ещё более невыносимым, чем эти запахи. Очень не хотелось заходить в это адское место, но конюха всё не было, поэтому оставалось надеется на то, что я не просто так захожу в место, где в буквальном смысле можно захлебнуться говном.

На удивление, но в конюшне было чисто. На самом деле и за её пределами было также, не считая грязи после дождя, но всё эти противные запахи наводили меня на мысль, что они исходят из закрытого помещения, в которое я только что попала, а на самом деле всё оказалось совсем не так.

Конюха я заприметила достаточно быстро, если так можно сказать, мне пришлось обойти практически всю конюшню, чтобы увидеть то, как он моет лошадь, а ведь он даже не услышал того, как я зашла.

— Хей, мистер. Это вы здесь конюх? — спросила я.

— Ну я. И что? — также не дружелюбно, как и я обратилась к нему, ответил он мне.

— Как это что? Мне нужна лошадь. Ну или хотя бы осёл, — ответила я.

— Не положено, — сказал конюх, даже не взглянув на меня.

— Как это не положено? Я заплачу, вы только цену назовите, — настаивала я.

— Не положено. Конюшня — собственность монарха. Вот когда у вас будет разрешение на куплю продажу лошади, вот тогда и приходите, а сейчас мне работать надо, — прогоняя меня, ответил конюх.

— Это как так? Нельзя? Но мне никто не сказал об этом, я же у всех спрашивала, а мне говорили, что сюда идти нужно. Ой, что ж делать то, — давя на жалость, сказала я.

— Что что? Пешком идите или повозку ищите, правда нет сейчас повозок. Все либо разъехали, либо не возьмутся за работу, слишком много негодяев развелось, то разбойники, то инквизиторы, — с толикой сочувствия ответил конюх.

— Я вас поняла. Скажите, а вы не могли бы подсказать мне дорогу, я совсем не знаю, куда мне нужно, — сказала я. Терять уже нечего, уже и так как дура выгляжу.

— Если карта есть, покажу. Это ты идешь туда, куда сама не знаешь? — ответил с усмешкой конюх.

— Что-то типа того, а карта у меня есть, вот, — ответила я и показала карту.

— Да погоди ты, я же лошадь мою, не видишь? Сейчас закончу и пойдём за стол.

Мыл он эту лошадь ещё минут двадцать, пока наконец не закончил. Нарисовал мне всю дорогу на карте с точностью до самых мелких деталей, и даже подписи оставил. Мужик то добрым оказался, но вот идти мне придётся всё же пешком.

— Тебе до деревни «Лист» отсюда идти приблизительно пару часов, а до другой добираться в два или в три раза дольше, не советую бродить по темноте, нелюдей у нас много... — мрачным голосом говорил мужчина.

— Что ещё за нелюди? Домовые что ли? — недоумеваю спросила я.

— Да нет. Люди это. Просто они на людей уже давно не похожи, — с тоской отвечал конюх.

— Поняла, спасибо. А где-нибудь по дороге у меня не получится взять повозку? — с надеждой спросила я.

— Вряд ли. Там, куда ты идёшь, уже побывала инквизиция, людей либо переловили, либо повыгоняли. Никого не осталось. Может кто-то и остался, но они тебе точно не помогут, — ответил мужчина.

— Почему не помогут? — спросила я.

— Потому что никакому нормальному человеку не придёт в голову идти на то место, где уже побывали эти черти, кроме как другим, ещё более безбашенным чертям, — с усмешкой отвечал конюх.

— Понятно, ну хорошо, если это всё, то я пойду, до свидания, — попрощалась я и ушла в сторону моей первой цели — деревни Лист.

Глава 27. Неизвестное

До деревни я добралась быстро и без происшествий, но оставалось одно маленькое «но»... я не могу понять та ли это деревня, в которую мне нужно было попасть. Она была заброшена. Жестоко и беспощадно бросили это место. Везде стояли уже полуразвалившиеся дома и покосившиеся заборы. В воздухе стоял запах смрада, пахло полуразложившимся мясом и гнилью, вполне возможно, что этот запах появился из-за скота, точнее из-за мёртвого скота, который остался здесь после того, как все остальные хозяева покинули это место, но запах был меньшим из всех зол здесь. По всей окрестности были разбросаны кости, чистые кости. Вряд ли здесь раньше жили шаманы, проводящие ритуалы с ними... значит, здесь кто-то был или есть сейчас? Даже не знаю, что будет хуже, окажись это люди или же дикий зверь.

Ни с теми, ни с другими встречаться не хотелось, поэтому я решила отправиться на изучение оставшейся части поселения. Возможно всё выглядит так плачевно только из-за того, что я нахожусь на окраине, а в центре будет лучше?

Мои надежды не оправдались. В самом центре деревни было даже хуже, чем на окраине. Нет, здесь уже не было обглоданных костей, но здесь были трупы. Мёртвые животные валялись то тут, то там, из-за чего запах становился всё ужаснее, всё противнее, он въедался в ноздри, здесь буквально всё пропиталось запахом смерти, а тёмное пасмурное небо лишь добавляло этому месту мрачности. Кажется, скоро должен пойти дождь...

Посреди улицы находилось дерево. Оно было не живым, ни мёртвым, оно было никаким, просто бревно, торчащее из земли. На нём не росли листья, оно не цвело, на нём было всего пару веточек, да и те извивались так, будто бы они были вовсе не ветвями, а змеями, хотя такие ассоциации приходили мне в голову только из-за этого злчного места, но всё-таки это было жутко. Хотя на дереве и не было ни одного зелёного листка, но зато мха на нём росло неприлично много.

Дома здесь выглядели не настолько плачевно, как те, что я видела в самом начале. Они были сделаны из камня, но всё же оставались такими же брошенными жилищами, как и прежние. Ни одной живой души не увидела я здесь, даже птицы не пролетело, да что говорить о птицах, когда я не видела даже мухи.

Задерживаться здесь я ни стала, нужно двигаться дальше. Так думала я, но мои планы нарушил дождь. Ливануло так, как будто бы дождя здесь не было годами, а тучи всё копились и копились, но только сейчас, когда я пришла сюда, решили опорожниться.

Нужно было что-то быстро найти, чтобы укрыться, поэтому я, недолго думая, забежала в ближайший дом и стала ждать. Точнее, я надеялась на тихую отсидку, но моим планам снова было не суждено исполниться.

В доме было темно и сыро, но вот гнилью в нём не пахло. Это место напоминало мастерскую. Как минимум, на это указывал стол с наваленными на него инструментами по типу ножей и ломов, а, как максимум, я увидела несколько печей и наковален, стоящих рядом. Хотя здесь и не смердело, и животных я не видела, но я слышала странные звуки. Я слышала, как кто-то скрёб пол, как кто-то сопел и шуршал. Опрометчиво идти в направлении подобных звуков, особенно тогда, когда ты видела все те кости, но ничего не поделаешь, когда это может быть единственной вещью, которая сможет тебе что-то рассказать... Хотя и не знаю, что, но что-то точно должно?

Под эти воодушевляющие мысли я и направилась к месту, которое таило за собой нечто, издающее эти звуки. Собственно, это была просто лестница, которая находилась от меня дальше всего остального, и я не могла видеть, что под ней издалека, не только из-за слабого освещения, которое представляло собой свет из окна, но и расположена она была ко мне стороной со ступенями, а что могло прятаться под ней сомой... увы... пока что было тайной для меня, но, к сожалению, не так долго, как хотелось бы.

Глава 28. Ребенок

Я могла предположить всё, что угодно. Я имею в виду, что под лестницей могло оказаться всё, что угодно. Я бы могла подумать, что там прячется дикий зверь, но никак не могла подумать, что на самом деле там прятался дикий ребёнок... Дикий, совершенно дикий ребёнок. Не причёсанный, в какой-то рваной, потасканной одежде, сам грязный, да ещё и храпит громко.

Это дитя просто спало под лестницей, но это действительно удивительно для меня. Совсем недавно я думала, что эта деревня полностью заброшена, но оказывается, что здесь всё ещё есть люди. Не может же этот ребёнок быть здесь один? Хотя я сейчас этому не удивлюсь, но людям не зачем оставаться в месте, где ничего нет. Но так ли ничего, как я думаю?

Громко сопящий ребёнок никак не хотел просыпаться. Его не разбудили даже звуки шагов, которые я издавала пока ходила по комнате и пока шла к нему. «Видимо он сильно устал», — подумала я и решила не беспокоить его. Села напротив него у стены и стала ждать. Делать всё равно нечего, так что проведу его хотя бы с мыслью о том, что вскоре я смогу узнать что-то новое, если этот малец хоть что-то знает...

Ждала я долго... очень долго! День уже подошёл к концу и наступила ночь. Дождь давно стих и, на удивление, на улице показалась луна. Тучи расступились и стало возможным увидеть чистое небо, на котором сияли луна и звёзды. Света сейчас было гораздо больше, чем днём, он был способен осветить всю комнату через окно, у которого стояла я. На самом деле комната было просто огромной, но понять это я смогла только сейчас. Окон здесь было аж четыре, но для любования ночным небом я выбрала то, что располагалось ближе всего к лестнице. Выходить на улицу не решалась, всё-таки отсюда я не чую тех зловоний и не рискую упустить мальчишку, если он вдруг проснётся, да и не известно кто может быть в деревне ещё кроме меня, плюс огромные лужи остались после дождя, и я рисковала увязнуть в грязи.

К сожалению, но мне не удалось долго наслаждаться созерцанием ночных пейзажей. А всё потому, что я услышала голос мальчика, а, если быть точнее, я услышала его вопль:

— А-а-а-а, — закричал мальчишка, уже выползший из-под лестницы и указывающий пальцем на меня.

— Ну чего ты так кричишь? Оглохнуть же можно! — сказала я, и мальчик заткнулся.

— Ты кто?! — спросил мальчик.

— Меня зовут Али, а тебя, я так понимаю, «вопящий мальчик»? — ответила я. Пришлось оторвать свой взгляд от окна и обратить его на мальчика.

— Нет! Меня Лев зовут, с чего это вдруг я — «вопящий мальчик»?! — надувшись, ответил мальчик.

— Потому что ты вопишь, — не принужденно ответила я.

— Я не воплю! Я испугался! — ответил мальчик.

— Чего ты испугался? Неужели я настолько страшная, что ты аж закричал? — с удивлением спросила я.

— Да нет. Ты красивая. Просто у тебя белые волосы. Бабушка говорила, что белые волосы бывают только у призраков и очень несчастных женщин. А откуда здесь женщине взяться? Вот я и подумал, что ты — призрак, — наконец успокоился мальчик.

— Бабушка? Ты живёшь здесь с бабушкой? Она тоже где-то тут? — с недоумением спросила я, ведь никого более я здесь не видела.

— Нет. Её похитили. Они забрали её у меня, хотя я просил этого не делать! — сказал мальчик и посмотрел на меня глазами, в которых уже вот-вот наворачивались слёзы.

— Ты говоришь об инквизиции? Это инквизиция забрала твою бабушку? — понимающе сказала я.

— Да... — ответил мальчик, уже захлёбываясь слезами и соплями.

— Как звали твою бабушку? — спросила я, хотя сама осознаю, что эта информация не сможет дать мне ничего, ведь я никого не знаю, кроме Дианы.

— Диана... Ей звали Дианой... — ответил мальчик, произнеся имя, которое я не ожидала услышать.

— Я знаю Диану... Но она говорила, что у неё был только сын, ни о каком внуке она не говорила, — сказала я, ожидая реакции мальчика.

— Ты знаешь мою бабушку?! Вообще-то... я ей не родной... она подобрала меня на улице, когда я был младше, моих родителей убили дикие звери, а я остался сиротой, — ответил мальчик.

— Так... ты жил всё это время с ней? — спросила я.

— Ну да. Пока её не забрали... — ответил малец и снова на глаза стали наворачиваться слёзы, которые в ту же секунду полились на пол.

— Ну хватит уже рыдать! Твою бабушку уже не вернуть... Лучше скажи, сколько тебе лет?

— Мне одиннадцать. Что значит не вернуть? Она ушла? Совсем? А как же я? Она обещала, что не оставит меня! — снова пустился в вопли мальчик.

— Мне очень жаль, но твоя бабушка покинула тебя не по собственной воле. Зато она прислала меня, чтобы помочь тебе, — ответила я, хоть это и было не правдой.

— Правда? — ответил мальчик, захлёбываясь соплями.

— Да-да, правда, а теперь вытри слёзы и успокойся, — сказала я, подошла к нему и протянула платок.

— Спасибо, — сказал мальчик, напоследок шмыгнув носом.

— Ну что ж, Лев, расскажи мне всё, — с требованием сказала я, пока мы усаживались под окном, у которого совсем недавно стояла одна я.

— Что именно ты хочешь узнать? — спросил воодушевлённый мальчик.

— Почему ты здесь один? Почему деревня заброшена? Куда все подевались? — начала с наиболее волнующих меня вопросов я.

— После того, как на нашу деревню напала инквизиция, многие испугались, что их могут забрать. Многие боялись, поэтому было принято решение отступить в другое место. Я не знаю куда все направились, возможно, что все разбрелись по разным местам, поэтому где они находятся... мне, увы, не известно. Я лишь слышал, что кто-то собирался направиться в деревню «Лоза», — торопливо отвечал мальчишка.

— Если они туда и отправились, то их там уже нет, — с горестью сказала я.

— Почему это? — спросил Лев.

— Потому что Лозу уже посетила инквизиция, — ответила я.

— Печально, — ответил мне Лев.

— Так, а почему ты остался, — спросила я.

— Я ждал бабушку. Я надеялся, что она ещё вернётся, да и её вещи с домом сторожил,

мало ли кто решит явится, — гордо, но печально отвечал Лев.

— Почему же ты тогда здесь, а не в её доме? Она ведь не могла жить в кузнице, так? — с толикой неуверенности спросила я.

— Конечно же нет. Мы с ней жили совершенно в другом месте, на окраине деревни наш дом находится. Но мне ведь нужно питаться, да и холодно там было, вот я и пошёл сюда. А потом... ждал ночи, чтобы выбраться, а тут ты заявила... Наверняка теперь не получится тихо уйти, — сказал мальчишка разочарованным голосом.

— Чего ждать то? Пошли, — с недоумением сказала я.

— Как это? Просто так? Взять и пойти? Нельзя! Ты что ли не видела чудище? — спросил мальчишка.

— Какое ещё чудище? — ответила вопросом на вопрос я.

— Медведь. Я про медведя говорю, который в деревне ходит. Он сюда на запах гнилья пришёл из леса. Теперь ходит тут везде, останки подъедает. Ты его что ли не видела? — повторил свой вопрос Лев.

— Не видела. Обглоданные кости видела, а медведя не видела, — наконец ответила я.

— Повезло тебе, иначе сожрал бы и не подавился даже, — ответил мальчик, махнув рукой куда-то в сторону.

— А ты точно уверен, что он в деревне? — уточнила я.

— Конечно уверен! Я почему здесь спал? Потому что он где-то там бродит, и только ночью спать ложится! — ответил мальчишка.

— Тогда пойдём быстрее, может мы ещё успеем пробраться к дому, пока медведь не проснулся, — торопливо говорила я.

— Как скажешь, пойдём, — ответил Лев, и мы направились на выход.

С собой я решила прихватить что-нибудь из оружия. Это конечно не спасёт от дикого медведя, здесь ведь нет ружья или чего-то подобного, но на всякий случай взять что-нибудь стоило. Выбор мой пал на копьё. Оно мне показалось не сильно тяжёлым и достаточно острым, но вот на деле же я не знала сможет ли оно проткнуть кожу дикого зверя, да и сколько оно здесь стояло не известно. Может его здесь оставили именно потому, что оно плохого качества. Выбирать не приходится, поэтому беру то, что есть. Но вообще странно, что люди ушли, оставив боевые и мастерские предметы на произвол судьбы, неужели так спешили уйти?

К дому мы направлялись не спеша, вымеряя каждый шаг, тихо ступая на землю, залитую водой, которая работала не в нашу пользу. Мы осторожничали, ведь не знали где именно может находиться медведь. Он мог быть где угодно, и если бы мы торопились, то издавали бы слишком много шума, который мог бы привлечь зверя, или ещё хуже — мы могли бы не услышать звуков приближения его к нам.

До дома мы добрались быстро. Деревня оказалась не настолько большой, как можно было бы подумать. Дом был двухэтажный, небольшой, старый, но крепкий. К дому прилагался огород, на котором совсем недавно выращивалось целое множество различных культур, но все посевы вместе с хиленьким забором были снесены жестоким, диким зверем. Да, кроме дома мы обнаружили и медведя, который всё ещё спал. Но спал он прямо на участке рядом с домом Дианы. Видимо неплохо потрапезничал и улёгся отдыхать. Но перед этим вырыл могилу, у которой и улёгся. Могила, было видно, уже тут была до него, на что указывал камень, стоящий рядом, на котором было что-то начиркано, но и его медведь выбросил в сторону за ненадобностью, а вот содержимое места, которое сейчас было просто

ямой, он благополучно сожрал, и только косточки валялись на земле.

Было в этом что-то аморальное, да вот только животному этого не объяснить...

Деваться нам было некуда. Все остальные дома находились в далеке от нас, а отправляться к ним, чтобы переждать, было не безопасно. Да и чего ждать? Пока медведь решит уйти? Так, а чего же ему уходить со шведского стола, да ещё и живая еда, а не полуразложившаяся, сама к нему в пасть идёт. Пришлось зайти в ближайший из домов, а именно в Дианин дом.

Не знаю, чего мы ожидали. Возможно мы надеялись, что зверь решит отобедать в центре поселения и уйдёт, а нам будет легче выбраться отсюда, но нашим планам, как, собственно, и всегда, не суждено было исполниться...

В доме было очень... серо. Сырость. Грязь. Пыль. Порубленный пол и стены. Запах трава и пыли смешался и был как будто бы олицетворением этого места. Мебель здесь если и была, то только поломанная и затёртая. Через грязные, мутные стёкла уже давно не пробивалось солнце, а на лестницу было страшно смотреть, но мы всё же решились подняться на верх.

По лестнице поднимались неспешно, но всё равно несколько раз чуть не провалились вниз, наступая на трухлявые доски. Наверху мы всё также, как и внизу, ничего не нашли, да мы ничего и не искали, нашей целью было не это.

Делать было нечего, кроме как наблюдать в окно за мирно спящим зверем. То, что нас могли заметить, я не боялась, ведь окно было таким же грязным, как и те, что находились внизу, но всё же опасалась, что медведь может учуять запах затаившихся жертв.

Зверь спал, как убитый до тех пор, пока не пришли первые лучи солнца. С рассветом он поднялся и словно бы зная, о чём я думала, стал принюхиваться. Я боялась, что вот-вот и он учует запах свежих жертв, всё же он дикий зверь с хорошо развитым обонянием. Кто знает из какой части леса он пришёл? Всё же мне не верится, что жители не изничтожили близ обитающих зверей.

И мои опасения не пропали бесследно...

Наконец принюхавшись, зверь направился к дому... ко входу в дом. Зверь неторопливой походкой брёл к двери, видимо запах был не настолько сильным, чтобы медведь полоумно помчался к добыче, но всё-таки он шёл верно, не отступаясь ни на шаг.

Дверь оказалась не настолько большой, чтобы дикий зверь смог легко в неё войти, но его это не остановило. Медведь решил не искать простых путей, он с лёгкой лапы вынес косяки и уверенным шагом зашёл в дом. Не сбавляя шагу, он медленно, но верно направился в сторону лестницы. Шаг. Второй. И вот он преодолел уже половину пути, а мы в панике сидели и наблюдали за ним, не осознавая, что делать дальше. Прыгать вниз из окна или дожидаться конца... Оба эти варианта были чересчур резкими и критическими, но нам не пришлось прибегать ни к одному из них. Хотя лестница и выдержала нас, но медведь оказался не подъёмной ношей, и дикий зверь с грохотом упал на пол, провалившись сквозь деревянные доски.

Такое падение могло бы быть летальным для человека, но никак не для медведя. Решение нужно было принимать быстро, поэтому мы со Львом быстро ухватились за ближайшую тумбу, стоящую неподалёку и сбросили прямо на животное. Она с грохотом разлетелась в щепки, предварительно ударившись о брюхо медведя. На этом наше жестокое обращение с мебелью не закончилось. Вниз полетели шкаф, стулья и даже стол, который мы прежде не видели. Лестница уже была порядком разломана, и мы не знали каким образом

будет спускаться, но пока что это было самым не значительным, что могло нас волновать.

Наконец, когда у нас уже закончились все боеприпасы, я решилась на отчаянный шаг. Мы не могли понять мёртв ли медведь, или же сильно ранен, большую его часть закрывала груда тяжёлой мебели, но я, наконец, решилась воспользоваться копьём, который забрала ещё в мастерской. Буквально перелетая через разломы в лестнице, я спустилась вниз. Медведь всё так и оставался неподвижным, а я подошла к нему, выставляя вперёд своё оружие. Подойдя ближе к дикому зверю, я так и не поняла в каком он состоянии, но мне повезло, что его голову не завалило. Набрав в лёгкие побольше воздуха, напрягла все мышцы, что у меня были, и крепким, сильным ударом, разнесла медведю голову. Небольшое количество крови прыснуло из раны, но, когда я вытащила копьё из его головы, ручей крови полился неостановимой волной. На этом я решила не останавливаться и таким же крепким ударом зарядила по шее, я надеялась, что смогу отрубить его голову, на всякий случай, но наконечник оказался не настолько прочным и острым, чтобы перерезать сухожилия и мышцы дикого зверя. Пришлось оставить тело только с несколькими ножевыми ранениями и уйти прочь.

Зверь повержен, но осталась ещё одна проблема, не последняя, но очень важная. Нужно было как-то достать Льва со второго этажа. Я то взрослая, мне было не так тяжело перепрыгнуть через щели, но Лев практически в два раза меньше меня, поэтому было принято решение спрыгнуть в самую широкую дыру. Проблема состояла только в том, что под этой самой дырой находился уже мёртвый медведь, на которого была навалена целая груда мебели. Мне пришлось изрядно повозиться, чтобы расчистить весь этот навал, но я справилась.

Тушу я никуда не уберу, но это было и не нужно. Из всех шкафов, что были в доме я натаскала одежды, с кровати стянула пледы, собрала откуда можно всевозможные тряпки и разбросала их все возле туши, сама встала в самый центр, встав в стойку, дабы поймать Льва. Да, пожалуй, это не самое рациональное решение, не известно получится ли, может быть покалечусь я и мои руки, а вовсе не Лев, как он того страшится, но другого плана нет. Все остальные выходы не лучше. Да, даже выход с окна намного хуже, ведь высота больше, поэтому затаив дыхание, Лев постарался спрыгнуть на меня как можно аккуратнее, спиной, и мы оба в конечном итоге повалились на медвежью тушу. Я не смогла удержать крупного ребёнка на руках, что было ожидаемо, поэтому он упал практически на меня, а я, в свою очередь, на тело, а потом мы вместе скатились на тряпки, которые я разложила ранее.

В итоге всё оказалось не так уж и плохо. У меня лишь слегка болели грудь и ноги, а у мальчика спина, ну да это и нормально, главное, что мы выжили.

Глава 29. Лоза

Хотя с медведем и было покончено, но на этом всё не кончилось. Главная цель, из-за которой я и прибыла сюда, достигнута не была. Могила, на которую я должна была прийти и возложить цветок, полностью разрушена, а что делать дальше — не ясно.

Выйдя из дома, я так и стояла напротив вырытой могилы в непонимании, что делать дальше, пока Лев смотрел на меня.

— Почему ты стоишь и ничего не делаешь, — спросил Лев. — Разве мы не собирались уходить?

— Нет, мне нужно ещё кое-что сделать, но я не знаю, как, — ответила я полным недоумения голосом.

— А что именно тебе нужно сделать? — спросил у меня Лев.

— Диана просила меня положить цветок на могилу её сына, но могила разрушена, да и цветка у меня нет, — с прискорбием ответила я.

— Так давай просто восстановим могилу. Да, тела нет, но место захоронения, хоть и бывшее, но осталось, а ещё у нас памятник есть, его нужно лишь поднять и поставить на место, а цветок я тебе принесу, он хоть и не живой, но один я видел, — сказал Лев воодушевлённым голосом.

— Ты думаешь, что это сработает? — недоумевающая спросила я.

— А что-то должно сработать? Тебе же лишь цветок в знак памяти положить нужно? Так этого достаточно будет! — с полной уверенностью в своей идее сказал мальчишка. Не дожидаясь моего ответа, он убежал в том же направлении, от куда мы и пришли, быстро скрылся за домами, а я осталась у разрытой могилы.

Решив не дожидаться его просто так, я решила поискать лопату, чтобы зарыть раскопанную яму. Искать долго мне не пришлось, совсем рядом с домом находился сарай, в котором хранилось множество различных инструментов: тяпки, лопаты, грабли, тележки, ведра. Кроме лопаты, мне ничего нужно не было, но вот добираться до лопат было тяжело. Сарай был забит под завязку, всё стояло скопом так, что меня чуть не зажало между тележкой и граблями. Но я всё же смогла достать так нужный мне предмет и отправилась к месту уже бывшего захоронения.

Закапывать всё то, что уже разворотил медведь, было тяжело. Слишком глубокой оказалась яма, но помимо этого, в груди земли были ещё несколько не неожиданных находок, периодически вместе с землей я сваливала в яму кости, которые, ударяясь друг об друга, издавали глухой звук. Иногда этот звук возвращал меня в реальность и давал понять, что вот так могла бы лежать и я, если бы не справилась с медведем, но ещё хуже представлять это, если в главной роли находится Лёва. За свою жизнь я переживаю не сильно, я уже умерла, и вряд ли повторная смерть доставила бы мне больших неудобств, тем более, что я даже не осознаю, каким образом это происходит, но вот Лев настоящий. Он живой мальчик, который скорее всего даже не осознаёт опасности.

Ещё не закончив с начатым делом, я услышала громкий топот, доносящийся откуда из-за моей спины. Обернувшись, я увидела Льва. Он бежал ко мне с той скоростью, с какой и убегал. Удивительно, что у него всё ещё находятся силы на такие пробежки. В руке у него был цветок, который я не могла чётко рассмотреть издали, но мне это делать было и не нужно, так как вскоре он уже добежал до меня, перепрыгнув через сломанный забор и ловко

оббежав все препятствия на своём пути.

— Ты чего такой шустрый? — спросила я. Меня действительно волновал вопрос его сверх активных передвижений.

— Да я вон чего нашёл, смотри! — сказал Лев протягивая мне сумку, в которой, как оказалось, лежала целая гора сухарей и пару фляг. — Я еду нашёл! Я немного поел в доме, а остальное сложил в сумку. Ты, это, давай лопату, я сам всё закопаю, а ты иди поешь, там ещё фляжки с водой лежат, тоже в доме нашёл, но там канистра целая была, пришлось перелить, и вот, — всё продолжал тараторить малец. Он явно был перевозбуждён, ну я не стала упускать такую возможность, если ему энергию девать некуда, так пусть на благое дело потратит, и отдала ему лопату, а сама забрала сумку и пошла к дому.

Сухари были невероятно жесткими и безвкусными. Они напоминали мне камни, хотя камней я никогда и не ела, но казалось будто бы эти самые сухари были сделаны по их подобию. Но привередничать здесь было ни к чему. Старалась есть их размочив в воде во рту, пока Лев заканчивал закапывать яму.

— Я всё! Иди сюда, помоги мне поставить камень на место! — прокричал Лев, хотя я была совсем недалеко.

— Иду! — крикнула в ответ я и направилась к мальчишке.

Камень, бывший надгробием, оказался невероятно тяжелым, а может быть это я была настолько слабой, но вместе со Львом мы ели-ели подняли его и не уронили себе на ноги. Победа! Нам удалось восстановить утерянную могилу, и даже умерший, может быть и частично, но присутствовал.

Цветком, что принёс Лев оказалась лилия. Декоративный цветок, вырезанный из дерева, был очень грязным и поцарапанным, но при этом он был очень элегантным и сделанным максимально похожим на настоящий цветок, если бы его покрасили, то, не беря его в руки, было бы сложно отличить от настоящего, но это лишь пустой трёп. Для нас сейчас важно оставить цветок и больше сюда не возвращаться.

Так мы и поступили. Цветок воткнули возле камня, посидели, помолчали, или это только я молчала, а Лев говорил какие-нибудь слова на прощание, уж и не знаю я этих обычаев, если они вообще есть. На этом мы покончили и направилась напрямик в лесную чащу по направлению к деревне «Лоза».

Глава 30. Клетка

На самом деле забираться в лес было вовсе не обязательно, поскольку рядом находилась хорошо проезженная дорога, по которой мы с лёгкостью бы смогли добраться до места назначения, но только один факт, что по ней кто-то ездил, настораживает. Не похоже, что ей не пользуются, а это значит, что идти прямо по ней, когда тебя легко могут увидеть — не самая хорошая идея. Но всё же заходить далеко в лес тоже идея не из лучших, поэтому мы лишь слегка отошли от дороги и наметили себе путь так, чтобы нас не было видно за огромными кустарниками, но при всём при этом так, чтобы мы смогли наблюдать за дорогой, дабы не сбиться с пути. Да и перспектива встретить диких зверей — не прельщала, мы уже смогли удостовериться в том, на что они способны, но копьё я всё же прихватила, на всякий случай.

Долго пробирались мы сквозь лесные заросли, казалось, что прошло уже больше времени, положенного на дорогу, о котором мне говорил конюх, но наступила ночь и было опасно продолжать идти дальше. Поэтому пришлось затаиться у ближайшего кустарника и переждать ночь.

По итогам всех моих рассуждений я приняла решение не спать, я боялась неожиданностей, ведь никогда не знаешь, чего можно ожидать, кто-то да в любом случае должен был остаться на стрёме. Но Лев ещё ребёнок, ему гораздо больше нужен отдых и сон. Я сняла свой плащ и постелила его наземь, сама села на него, облокотившись о ствол широкого дерева, а Лев лег на оставшуюся часть плаща, голову положил на мои колени и задремал сладким сном, таким же, как когда я увидела его впервые.

Ночь проносилась быстро и незаметно, я уже начала уставать, и даже немного сонливости накатило на меня, но в то же мгновение я услышала грохот. Он доносился со стороны дороги. Взглянув туда, я увидела повозку с упряжкой из нескольких лошадей, а сзади была прицеплена клетка. Эта клетка была огромной, по размерам она могла бы вместить целого медведя, а то и нескольких, но она была пуста. Направлялось всё это в ту же сторону, куда шли и мы. Сейчас я надеюсь лишь на то, что нам не повезёт столкнуться с ними, потому что веяло от них злобой и тухлятиной, а мне такие запахи, как выяснилось, не нравятся.

Пронеслась повозка так же быстро, как и появилась, а я продолжала смотреть ей в след до того момента, пока полностью не перестала слышать её грохотание.

Ночь пронеслась так же быстро, как я не успела понять, что заснула. Разбудили меня лучи солнца, еле пробивающиеся сквозь кроны деревьев. Лев всё также спал на моих коленях, но нам нужно уходить отсюда, поэтому пришлось его разбудить. Мне было сложно это сделать, а ему было сложно проснуться. Не выспался, уставший, я видела это по его затуманенному взгляду. Он спал намного больше меня, да и условия были комфортнее, но кажется, ему и этого не хватило...

Позавтракав, если можно так это назвать, мы отправились в путь. По ощущениям мы шли не настолько долго, как вчера, приблизительно пару часов занял наш путь сегодня, но на половине пути нам пришлось задержаться. Мимо нас вновь проехала повозка, но в этот раз она уже направлялась в другую сторону — туда, от куда мы шли. Когда я увидела её впервые, сзади была большая клетка, но та была пуста, на этот же раз в ней уже находился человек. Этим человеком оказалась девушка. Она лежала на дне этой клетки, скорее всего в

бессознательном состоянии. Задумываться над этим я не стала, сделав вид, что ничего из этого я не видела.

Глава 31. Клава

Добравшись до деревни, я не знала, что делать дальше. Вроде бы цели достигли, но не до конца. Ведь ещё как-то нужно попасть в эту деревню. Хоть Александра и была родом отсюда, но всё же её забрали, назвав ведьмой. Не думаю, что местные жители будут рады подобному возвращению. Хотя кто знает, сколько времени она правела в той темнице. Насколько я знаю, раньше могли и на десятки лет заточить, хотя я и выгляжу молодо, но ничего нельзя сказать наверняка.

...

Просидела я в раздумья где-то полчаса. Деревню прекрасно было видно с нашего месторасположения, но проблема была в том, что мы не видели ни одной живой души. Я знаю, что вы думаете, почему же мы тогда не пошли дальше, в поселение? Всё очень просто. В отличие от прошлой деревни, эта не была заброшена. Мы четко видели высокие, крепкие избы, ухоженные грядки и в самом далеке виднелось поле, оно было далеко, я не могла сказать точно ли его вижу, но по размытому желтому цвету, предполагаю, что это именно оно.

Больше, чем эти полчаса, нам ждать не пришлось. Ведь совсем скоро на горизонте мы увидели старуху. Она выходила из своей избы, держа в руках парочку кадок. Как вышла из дома, так и направилась в сторону другого строения, напоминающего хлев. Отсюда мне было сложно разглядеть, что там находится. Но это не стало для меня причиной не идти к ней.

Ловкими движениями мы со Львом выбрались из зарослей и направились напрямик к забору, окружавшему участок старухи. Он был достаточно высокий и плотный, но не настолько, чтобы я не смогла разглядеть всё, что тут находилось и недостаточно, чтобы я не смогла её окликнуть. На самом деле у меня это не вышло с первого раза. Она была уже достаточно далеко, чтобы меня не услышать, но, когда она возвращалась в дом, я повторила свою попытку, которая увенчалась успехом.

У старухи чуть кадки из рук не выпали, когда она услышали чей-то кричащий голос со стороны леса. Но она достаточно быстро взяла себя в руки и направилась в сторону забора, когда убедилась, что я — не дикий зверь.

— Чего надо, шпана? — недовольным голос сказала старуха.

— Бабуль, не подскажешь, а это деревня «Лоза»? — спросила я веселым голоском.

— Она. А чего надобно? Вы, я как погляжу, не торговцы. На разбойников не похожи... Но выглядите подозрительно. Эй, ты! Сними капюшон, — проворчала старуха мне, не доверяя незванным гостям.

— Хорошо, хорошо! Только успокойтесь, — сказала я и сняла капюшон.

Старуха от потрясения чуть в обморок не упала, когда увидела меня. Никогда не думала, что глаза людей могут быть настолько большими и удивленными? В её глазах не было ужаса, но вот опасалась она явно чего-то.

— А..А..Александра? — заикаясь, спросила старуха.

— Она самая. Мы знакомы? — спросила я.

— Что!?! Конечно! Я же твоя соседка. Не узнала? Всего лишь год прошел, как тебя забрали, а ты уж и позабыть успела про нас. Вон, вижу на свободе, значит продалась знатному... — с недовольством ответила она.

— Простите, но я сильно ударилась головой о стенки своей темницы и ничего не помню. Да, продалась, но зато я ЖИВА! — с гордостью ответила я.

— Пф, — фыркнула она.

— Бабуль, не подскажите, где здесь мой дом? — не отвечая на её фыркание, спросила я.

— Подскажу, но сначала ответь мне, что это за мальчик? Ты только посмотри на него! Весь исхудал, бедненький. Глазки совсем потусклые, еще и вон какой уставший! Ну до чего ребенка довела! Никогда ты не умела заботиться о детях. А ну ка! Марш за мной, я сейчас вас покормлю, а потом ступайте куда хотели, — непонятно почему так расщедрившись, ответила старуха.

А Лев, услышав всё это, даже вышел из-за моей спины и с удивлением уставился на старуху. Да еще и так осмелел, что задал вопрос:

— Так вы говорите, куда именно идти? Где тут у вас калитка? Не полезем мы через забор.

— Действительно. Смышленный мальчик. Ты мне нравишься. Пошли за мной, — ответила ему старуха и повела нас в сторону калитки.

...

Пока мы усаживались за стол, старуха его накрывала. Самовар только растопился, она принесла баранок к чаю и варенье. Поставила перед нами чаши с супом, хлеба сайку, да компоту налила. Я не привередливая, но мне почему-то кажется, что Лёве она положила больше...

Лев, уплетая за обе щеки свою порцию, даже про приличия забыл.

— Спасибо вам большое за еду, — сказала я.

— Спа. фи. бо, — отозвался Лев, услышав меня.

— Да не за что, ты кушай, дитя, кушай, — весело сказала старуха.

— А вас как зовут то? Вы моё имя знаете, а я ваше вроде как и нет, — спросила я, в ожидании ответа.

— Меня зовут Клава, — улыбнувшись ответила она мне.

— А сколько вам лет, тётя Клава? — неожиданно спросил Лев, уже доев свою еду и медленно потягивая ручки к баранкам.

— Ыш какой! Всё тебе покажи, да расскажи. Сорок мне, мальчик, сорок. Стара уж больно стала, — ответила она ему, с некой горечью во взгляде.

— Ого! Вы такая взрослая. А дети у вас есть? А внуки? Должны же быть, точно должны. Но я их не вижу почему-то, — с детской наивностью всё расспрашивал Лев.

— Был у меня и внук, и дочь, да вот только... — не желала отвечать она.

— Что только? — не успокаивался Лев.

— Внука свинья сожрала, а дочь от горя инквизиторам сдалась, да и увезли её вчера подальше, не смогла смириться с потерей, — на удивление спокойным голосом ответила она Льву.

— Ой! Простите! Я не хотел вас огорчить. Всё было очень вкусно, спасибо! — спохватился Лев, но было уже поздно.

— На здоровье, мальчик, на здоровье, — ответила она, уже не таким жизнерадостным голосом.

На минут десять в комнате повисла гробовая тишина, только и было слышно, что наше хлюпанье чаем и хруст баранок.

Когда же мы допили чай, Клава сказала:

— А теперь вон отсюда, пойдёмте я провожу вас до вашего дома и наконец вы от меня отстанете.

— Пойдёмте, конечно, — ответила я.

Глава 32. Дом

Выйдя за калитку, мы пошли по дороге, которая проходила по всей территории деревни. Пока Клава вела нас к моему дому, мы отовсюду слышали перешёптывания. Везде были слышны подобные фразы: «это она, это Александра...», «только посмотрите на её волосы...», «это же та самая...», «откуда она здесь...», «если она смогла вернуться, значит точно ведьма...», «а посмотрите, что за мальчик с ней. Бедное дите, заколдовала нечестивая...», «тогда быть может тот случай был не случайностью...», «думаешь, она специально это сделала...», «а почему нет, она ведь ведьма, не удивлюсь, если в скором времени у нас скот из-за неё повымирает...», «ой, батюшки, что же нам теперь делать...».

И таких реплик было очень и очень много. Люди всегда не прочь почесать языками. Хотя мне и было на них, мягко говоря, всё равно, но вот Лев попытался им все-таки что-нибудь да сказать, но я его одернула. Не нужны нам сейчас проблемы с местными жителями, они и так всё сами придумают и поверят, а если начнем возникать, так только удостоверяться в своих высказываниях.

Мы не собирались им отвечать, но, на моё удивление, собиралась Клава.

— Ыш, чего раскудахтались, курицы? Марш работать! А то я старосте быстро доложу о том, что вы дурью маетесь, он вас быстро к полю приставит, и уже не до разговоров будет, — сказала она им.

А те, в то же мгновение, как встрепенулись, да так и умчались прятаться по своим конурам.

— Вы это чего, баб Клав? — спросила я от неожиданности.

— Да ничего, идёмте быстрее, — ответила она, хмуря брови.

Деревня оказалась не особо большой, и уже через десять минут мы оказались у моего дома. Он находился по другую сторону поселения, от дома Клавы. Ничего особо примечательного я не увидела. Хлипкий забор огораживал территорию, возле него росли, уже давно, высохшие розы, лозы которых оплели забор так, что практически не было видно. Калитка в заборе тоже была оплетена ими. Хотя розы и были высохшими, но их иглы не потеряли своей остроты от этого. Нам пришлось долго отламывать лиану за лианой, чтобы, наконец, открыть калитку.

— В общем всё. Я вас привела, своё дело сделала, а дальше сами разбирайтесь, — сказала Клава и ушла по той же дороге, по которой привела нас.

Открыв калитку, мы зашли внутрь участка и увидели лишь потрескавшуюся от сухости землю и пожухлую траву. На против нас находился дом. Ничем особенным он не примечался, обычный деревенский дом из древесины и камня. Окна были заколочены, но парочка досок уже стремительно отваливались. Но, что удивительно, рядом с домом росли деревья. С обеих сторон дом был окружен двумя деревцами, они были густыми и зелеными, на их веточках виднелись бутоны цветов, а в высоту они были больше самого дома. Это очень красивые деревья, они кажется мне знакомыми, очень знакомыми, будто бы я их уже видела раньше.

Полюбовавшись деревьями, мы направились в дом. Я не сразу обратила внимание, но дверь тоже была заколочена, точнее, самой двери здесь не было, было лишь пространство для неё и доски, перекрывавшие проход.

Нам не потребовалось много времени, чтобы сломать их, они были достаточно

трухлявыми, чтобы развалиться от малейшего напряжения.

Мы даже не успели зайти в дом, как нас облепило паутиной. Пройдя пару метров, мы уже стали похожи на мумии, только вместо бинтов у нас была паутина. Я не ожидала, что всё настолько плохо, ведь в доме Дианы я, хоть и видела паутину, но исключительно под потолком, в углах и на лестнице, а здесь же... её было столько, будто бы этот простоял в одиночестве больше десятка лет.

Походив по первому этажу, я обнаружила несколько комнату, кухню, лестницу на второй этаж и подвал. Решив проверить последнее, я приоткрыла дверь, после чего прозвучал противный скрежет, несмазанных петель, а после этого я услышала мерзкий писк, скрежет и шебаршение внизу, это было похоже на звук, который обычно издают крысы. Поняв, что делать там мне точно нечего, плотно закрыла за собой дверь и ушла осматривать дом дальше.

Решив не останавливаться на подвале, я направилась в сторону лестницы, которая ведет на второй этаж. Эта лестница не была столь хрупкой, как у Дианы, но всё-таки я старалась быть осторожнее. Поднявшись, я с трудом смогла открыть крышку, отделявшую второй этаж с первым. В конечном итоге, у меня получилось. Ступив на деревянный пол, я увидела комнату, напоминавшую детскую. Но напоминало об этом лишь парочка разодранных детских тряпичных кукол и кровати небольшого размера, в которые смог бы легко поместиться Лев. Больше здесь ничего особо примечательного не было. Окно, которое было единственным в этой комнате, было также заколочено и лишь слегка пропускало парочку лучиков света.

Мебели в этом доме было не больше, чем у Дианы. Какие-то старые стол и стулья стояли на кухне, там же находилась лавка, в комнатах, которые на первом этаже, были точно такие же кровати, что и на втором, но большего размера. По полу были разбросаны всякие предметы интерьера, это могли быть ложки, чашки, картина, ваза, веники и даже подкова, мне было бы легче назвать, чего здесь. А не было здесь каких-либо предметов для уборки, ни тряпок, ни веника. Остаться нам здесь придется, по крайней мере до того момента, пока я не придумаю, куда нам деваться дальше.

Поразмыслив немного, я решила, что рвать свою одежду ради тряпок — это бессмысленно, поэтому я собралась с силами и все же решилась спуститься в подвал. Крысы — это животные, поэтому может они испугаются и убегут, как услышат меня?

Глава 33. Староста

Чем ниже я спускалась по лестнице в подвал, тем сильнее ощущала смердящий запах мочи и фекалий. Чем ниже я опускалась, тем громче становились пищащий звуки и звуки топающих, мельтешащих лапок. К счастью, на момент, когда я окончательно спустилась вниз, крыс уже не было на полу. Лишь отчётливые маленькие дыры по всем стенам окружали меня. Я всё отчетливо видела, так как дверь в подвал была открыта, а доски на окнах мы сняли куда раньше, чем на двери.

Опускаться на пол я не решилась, так как даже не представляла, сколько заразы может находиться здесь. Мне повезло, что ведро, тряпки и веник находились даже не в самом подвале, а прямо на последней ступеньке. Я быстро схватила их и понеслась прочь отсюда, мало ли чего можно ожидать от этих пакостливых тварей.

В очередной раз, плотно закрыв за собой дверь, я пошла ко Льву.

— Пойдём, нам нужна вода для того, чтобы вымыть пол, я видела здесь колодец неподалёку, — сказала я ему. А он с радостью вскочил со скамейки, схватил у меня ведро и помчался вперед меня. Веник я оставила дома, так что шли мы, можно сказать, налегке.

...

Колодец находился в самом центре деревни. Сейчас было обеденное время, поэтому никого мы особо на улицах не видели. Так, малышня иногда проскакивала мимо нас, да и то, наверное, чисто из любопытства.

К несчастью, наше ведро оказалось больше того, которое было в колодце, и нам пришлось поднимать оттуда воду целых два раза. Еще больше проблем доставила ручка подъёмного механизма, её было настолько тяжело прокручивать, в частности из-за её веса, что поднять ведро за цепь руками было куда проще.

Уже закончив набирать воду, мы собрались уходить, но тут к нам подошёл старик. Сначала мы насторожились, но после его слов расслабились.

— Здравствуй, дитя, — сказал старик, улыбнувшись, — я староста этой деревни. Клава рассказала мне, что ты потеряла память, я пришёл в этом убедиться.

— Здравствуйте, староста, это действительно так, — сказала я, не надеясь, что он поверит мне. Лично я не поверила бы.

— Чем докажешь, дитя? — спросил старик.

— А чем надо? — ответила вопросом на вопрос я.

— Как тебя зовут? — задал странный вопрос старик. А странным он был именно потому, что, как мне кажется, староста должен знать имена жителей своей деревни, а если про моё он забыл, то Клава наверняка ему сказала.

— Все говорят, что меня зовут Александра, но я не могу сказать, что это правда, ведь ничего не помню, — ответила я, пристально смотря на старосту, всё-таки он был подозрительным.

— Да, — еще шире улыбнувшись, ответил он, — я тебе верю.

— Не хотите спросить что-то ещё? — спросила у него я.

— Что, например, дитя?

— Например, как я вернулась сюда? — всё также пристально смотря на него, ответила я.

— А ты куда и не уходила, — ответил он мне.

— Что это значит? — спросила я, но ответа на свой вопрос так и не получила.

— А ты, маленький мальчик? Откуда пришёл? — задал он своё вопрос Льву.

— Я оттуда, — ответил Лев.

— Откуда оттуда? — переспросил староста.

— Из деревни Лист, — с горечью во взгляде отвечал Лев.

— Ох. Бедный мальчик, я слышал от выживших, что там произошло. Но, не волнуйся, здесь все тебе будут рады, — ответил он Льву.

— А что там произошло? — спросила я, недоумеваю, ведь я думала, что все просто ушли оттуда. Хотя многое и казалось мне странным, например, трупы домашних животных, которые люди бы непременно забрали с собой, но почему-то они были брошены.

— Многих, кто обитал там, пустили в расход. Мужчин забрали на службу, женщин заклеямили ведьмами. Деревня изначально была небольшая, поэтому осталось в ней всего ничего, пару десятков жителей. Да и то, сплошняком старики, да дети. Поняли, что находятся слишком близко к диким зверям, а сами защититься не смогут, вот и ушли оттуда, кто к нам, а кто дальше пошёл, уж и не знаю, что с ними теперь, — ответил мне староста.

— А почему же такого не случилось с этим местом? — недоверчиво, спросила я.

— Так, а зачем, им и того достаточно, тем более, что от нас они и так каждый год по бабе забирают, даром, что добровольно идут. А мужиков мы давно тут не видели, парочка охотников осталась, да и фиг с ними, — ответил он мне.

— Понятно. Ну, мы пойдём. Солнце сильно подпекает, — спешила уйти поскорее я. Нет, дело было не в солнце, просто люди здесь мне казались какими-то странными. Они столь спокойно относились к подобным вещам... Для них человеческая жизнь словно бы и не стоила ничего.

— Ну раз солнце, так ступайте, — сказал он, развернулся и ушёл. Его дом находился неподалёку, всего метрах в ста от колодца.

— Пойдём Лев, нам нужно идти, — сказала я. Мы взяли ведро вдвоём, так как оно было достаточно тяжёлым, а Лев не хотел, чтобы я перенапрягалась, с его слов я узнала, что Диана частенько посылала его по различным поручениям и такого веса вещи ему таскать не впервые. Но, так как он еще ребенок, я всё же ему не доверила нести ведро в одиночку.

...

Тряпку мы разорвали пополам, хотя лучше бы мы этого не делали. Так как тряпка была очень старой, то она очень легко расползалась по краю, но ничего другого у нас не было, поэтому пришлось обходиться этим.

В доме мы убирались до самого позднего вечера. Хотя это и заняло столько времени, но результатом мы были довольны, всё же приятнее находиться в чистом доме без пыли и паутины, чем дышать всем этим. А так и в доме стало свежее и мы могли не беспокоиться за наши легкие. Конечно, нам приходилось еще несколько раз бегать к колодцу за водой, но чего не сделаешь, ради собственного блага. Хотя мы и не успели постирать одеяла, которые лежали на кроватях, но они у меня все равно не вызывали какого-то доверия. Я бы предпочла лежать на чистом полу, который вымыла собственными руками, чем там, где могли и крысы побродяжничать.

Этим вечером к нам еще заглядывала баба Клава, она принесла нам чашу с салатом, буханку хлеба и канистру с компотом, велела вернуть ей всю посуду утром, а сама ушла. Всё-таки странная она женщина.

Хорошо всё обдумав, я приняла решение, что на кровати мы всё же ложиться не будем.

Льву и на лавке в доме места хватит, а я могу постелить свой плащ на пол и спать так, хотя на данный момент мой плащ был куда грязнее этого пола, поэтому я просто скрутила его на подобии подушки. Так и завершился наш день, мы, вымотанные уборкой, заснули глубоким сном.

Глава 34. Александра

Проснулись мы, как мне казалось, рано, но с улицы доносились оживленные звуки работы. Вчера вечером у нас все еще оставалось много хлеба, который мы накрыли, хорошо вымытой, чашкой из-под салата и оставался компот. Ими мы и позавтракали. Когда же доели, Лев вызвался отнести всё бабе Клаве. Я не стала возражать, и он умчался к ней.

Мне же в доме делать было нечего, а идти к ней я не хотела. У меня было предчувствие, что мне нужно остаться, хотя и не понятно, зачем мне оставаться в таком месте. Поэтому я решила выйти на улицу, не за калитку, а во двор дома. Мне ещё вчера понравились те деревья, поэтому сегодня я могла бы рассмотреть их получше.

Посмотрев издали на оба дерева чуть повнимательнее, увидела, что на одном из них совершенно нет цветов, хотя вчера и были бутоны, но уже сегодня все цветные лепестки лежали на земле поодаль дерева. А второе будто бы сверкало, оно переливалось буйством красок, хотя на нём были всего лишь белые цветы. Но все мы знаем, что белый — это смесь всех возможных и невозможных цветов. Именно к этому дереву я и подошла.

Оно было столько густым, что его ветви росли даже на уровне моей головы, но это не помешало мне разглядеть то, что находилось за ним. Оказалось, что за домом был ещё один участок, задний двор. Из-за излишней густоты дерева, мне было трудно пробраться туда, но всё-таки у меня получилось.

На самом деле, здесь не было ничего особенного, абсолютно такой же двор, как и спереди дома, но имелась одна немаловажная деталь. Здесь располагалась могила. Почему-то за последнее время я вижу слишком много захоронений...

Подойдя к надгробию, я смогла рассмотреть, что на нем было нарисовано и написано. Изображена на нём была маленькая девочка, она была очень похожа на ту, которую я видела, когда была в теле куклы, но я не уверена в этом, так как время стерла и исказило рисунок.

По датам рождения и смерти, которые присутствовали на всех надгробьях, я узнала, что этой девочке было всего шесть лет. Её имя значилось, как *****, оно было записано тем же шрифтом, что и даты, но вот ниже было, будто бы накарябано, ещё одно имя — Александра.

Глава 35. Пробуждение

Лишь яркие всполохи света били мне в закрытые веки. У меня не было сил даже на то, чтобы просто открыть глаза. Отовсюду доносились пищание звуки. Они не раздражали, но были очень и очень навязчивыми.

В голове царил пустота. Это было не похоже на то, что я ощущала ранее. Раньше всё было, как чистый лист, словно бы никаких воспоминаний у меня не существовало. Но сейчас же, это было больше похоже на то, как будто бы все кусочки пазлов сломались и перемешались, а собрать их было очень и очень сложно. Я даже не могла вспомнить своё имя, из-за чего я подумала, что это очередная история, в которой я очутилась по милости тех малолеток, но, по какой-то причине, я с ними не встретила.

Жаль только, что эти мысли оказались ложными. Пока я рассуждала об этой ситуации, я не теряла времени и старалась открыть глаза или же пошевелить пальцем, скорее всего, у меня это получилось, поскольку совсем скоро я услышала, как кто-то быстрым шагом отдаляется от меня, а через несколько минут уже сюда направляется еще более громкие шаги.

Открыв глаза, я ничего не увидела. Только яркий свет ослеплял меня. Потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к нему. Но, даже после привыкания, я не смогла увидеть что-либо, кроме белого, отштукатуренного потолка. Все мышцы тела будто бы онемели. Они ослабли до такого состояния, что мне было трудно даже держать веки открытыми.

Но, в скором времени, мне уже не пришлось напрягаться. Ко мне подошёл мужчина. Я не могла всё еще четко воспринимать внешность и предметы, поэтому его вид остался для меня загадкой. Он небрежными движениями раздвинул мои веки и направил на зрачки яркий луч света. Мне было не больно, но не приятно, особенно, когда ты только привык к освещению в помещении. Убрав от моих глаз свет, он кивнул самому себя, посмотрел куда-то в сторону и ушёл, о чём свидетельствовали услышанные мной шаги.

...

Уже много дней я посещаю самых разных врачей. Трудотерапевт, физиотерапевт, невролог, психиатр, он же психолог. Если мы будем говорить о последнем, то могу лишь сказать, что каждый день он задаёт мне один и тот же вопрос "вспомнила ли ты что-нибудь", а мой ответ всегда остаётся однозначным "нет". Ни имени, ни возраста, ни своей семьи я вспомнить не смогла. Врачи говорили, что я впала в кому, из-за лёгкого сотрясения головного мозга, но, как и все остальное, я не могу вспомнить, что со мной произошло. Хотя мне и не требовалось вспоминать, врачи сами мне всё рассказали. Оказалось, что меня звали Александра, не знаю, было ли это простым совпадением или чем-то ещё, но на продолжение той истории было не похоже, все-таки я находилась совершенно в разных местах. Ещё мне рассказали, что я упала прямо на пороге больницы и мне успели оказать должную помощь, возможно это стало причиной моего скоростного выхода из коматозного состояния. Я провела в этом состоянии всего неделю, но эта неделя показалась мне столь долгой...

Из-за того, что я справилась сама и в столь короткий срок, никаких осложнений не возникло и я смогла быстро восстановиться.

От врачей я также узнала, что родители мои умерли и у меня остались лишь двое братьев, которые не могли приехать, так как жили в другом городе. До их приезда врачи держали меня в больнице под предлогом восстановления памяти, но она, как назло, не

возвращалась.

Мой психиатр задавал мне много вопросов, на которые я не могла ответить. Это начало меня раздражать, поэтому я решила рассказать ему то, что я пережила, пока была в коме. На моё удивление он отреагировал... нормально? Он не стал говорить, что это бред, а наоборот выдвинул предположение: "возможно вы пережили то же, что и раньше? То есть, вы пережили собственные воспоминания?". Конечно же мы все понимаем, что это чепуха. Никто не может пережить такое... Также, он предполагал, что воспоминания могут вернуться, когда я увижу знакомые вещи или людей, от этой мысли я уже не стала отказываться, она звучала логично. Оставалось лишь дожидаться, когда меня заберут отсюда и тогда можно будет приступить к осуществлению данной идеи.

Глава 36. Братья

Спустя три недели, после моего пробуждения, ко мне приехали братья. Оказалось, что я была средним ребенком в семье. И кстати... младшего брата я уже видела. Нет, я не вспомнила ничего из прошлого, но вот встречу в деревне я помнила отлично. Это же был Лев, тот добрый и милый мальчик, которого я видела, как мне казалось, в нереальности.

— Лев? — спросила я, пристально глядя на него.

— Сестра, ты вспомнила меня? — с некоторым оживлением смотрел на меня он.

— Не совсем так, но ты ведь Лев? — решила уточнить я.

— Да! Это я! — ответил он.

Он был таким же оживлённым, каким я видела его там... Я думала, что никогда его не увижу больше... А оказалось, что это не так. Теперь я даже думаю, что все не так уж и плохо, теперь есть хотя бы один знакомый человек...

— А меня ты не помнишь? — спросил старший брат.

— Увы... Прости меня, — сказала я.

— Не за что извиняться, это не твоя вина, тем более, что ты ещё вспомнишь, — сказал он и улыбнулся. Его улыбка была такой счастливой, что мне самой было не удержаться от того, чтобы улыбнуться в ответ.

Всё это время мы находились в моей палате. Она мне никогда не нравилась. Даже в тот день, когда я очнулась. Хотя я практически ничего не чувствовала тогда, это можно было легко понять по капельнице, поставленной мне, я совершенно ничего не ощущала, никаких болевых ощущений. И даже сознание было мутным, а чувства приглашенными. Но всё же, это палата казалось мне слишком мрачной. Хотя везде были белые потолок и пол, но стена была половинчатого окраса. Половина белая, как потолок, а вторая, большая половина, была противного зелёного оттенка. От него вечно хотелось спать.

В моей палате я была единственной пациенткой, а звуки здесь издавали лишь машины, да и то только в первые дни, потом их убрали, и я осталась одна. Хотя за дверью и были слышны разные копошащиеся звуки шагов, но это было не то. Я даже не могла слышать звуков природы, пения птиц, шелеста листьев и шёпота ветра, так как окно здесь открывали только ради проветривания, а меня же выгоняли прочь из палаты, дабы не простыла. Одна из медсестер принесла мне книгу, наверное, она была интересная, но я не смогла её прочесть достаточно, чтобы узнать об этом, так как моя голова начинала болеть, стоило мне только напрячься и настроиться на чтение.

Поэтому все эти дни мне приходилось проводить в одиночестве, и даже посещение врачей не разбавляло моих будней.

Наш разговор с братьями прервал мой лечащий врач, он пришел сообщить, что меня готовы выписать.

Следующие пару часов ничего особенного не происходило. Братья рассказывали, как провели этот месяц, в частности в беспокойствах о моём здоровье, пока врач не принес мне все документы с выпиской. На этом я и распрощалась с этим злополучным местом.

...

— А что с телами родителей? — спросила я, чтобы разбавить тишину, нависшую над нами, пока мы ехали в машине, добираясь до родительской, но уже нашей, квартиры.

— Стали прахом. Они хотели, чтобы их похоронили в том месте, — ответил старший

брат.

— Что значит "в том"? Где это место? — спросила я.

— Увидишь, а может и вспомнишь вовсе, — странно ответил он, — мы не могли отвезти их туда, пока ты была в больнице, думали это будет неправильно, а они ещё при жизни завещали, чтобы их обратили прахом и захоронили там. Видимо они никогда не планировали возвращаться туда. Хотя из-за этого их поступок становится ещё более странным.

Лев тоже смотрел на старшего брата с недоумением, он, как и я, не понимал про какое место говорил наш старший. Кстати, я так и не назвала его имя, все ещё пытаюсь привыкнуть к тому, что у меня есть старший брат. Его зовут Иван. Но, в отличие от сказок, он не был дураком. У него уже были жена и двое детей, а сам он работал архитектором. Хотя и не так давно закончил университет, но был достаточно талантлив и перспективен, в ожидании работы долго не просидел, быстро нашел хорошее место, а его там только и ждали.

...

На квартире было очень грязно и пыльно. Это и логично, ведь целый месяц здесь никого не было. Поэтому первым делом мы приступили к уборке. Найти всё

необходимое оказалось легче, чем в том деревенском доме, поэтому мы быстро начали убираться, но закончили не так уж и быстро. Уборка заняла у нас порядка четырех часов. Квартира была большая, с высокими потолками и высокими шкафами, с которых, несомненно, нужно было вытереть пыль. Пустых стен было очень мало, поэтому намучились мы сполна.

Лев вырубился, как только выбросил из рук тряпку. Меня же хватило на немногим больше него. Я ещё недостаточно восстановилась для такой бурной деятельности. Старший брат решил сходить в магазин за продуктами, я намеревалась отправиться с ним, но ноги подкашивались, и я не могла даже ровно стоять на них, из-за чего он наказал мне оставаться дома.

Как только дверь закрылась и снаружи повернулся ключ, я ушла в общую комнату, рухнула на диван, закрыла веки и провалилась во тьму.

Глава 37. Первое воспоминание

С того момента, как очнулась от комы, я часто видела сны, но они все были очень мутными и рассеивались сразу, как только я просыпалась. Этот же сон, что я вижу сейчас, был более реалистичным, но ощущался так, как будто бы я просто смотрела фильм.

Я сидела на заднем сиденье автомобиля, впереди меня виднелся грозный, мужские силуэт с большими сильными плечами, рядом на пассажирском сиденье сидела довольно молодая женщина с широкой улыбкой. Она улыбалась и смотрела то на меня, то на кого-то ещё, при этом о чем-то рассказывая. Я сидела у левого окна, у правого же сидел юноша, хотя мы оба и сидели, было явно заметно, что он выше меня ростом. А между нами же сидела такая же веселая девчушка, как и женщина. У девочки были густые, темные, кудрявые волосы и по-щенячьи большие глаза. Девочка посмотрела на меня и расхохоталась, а я повернула голову на водителя, будто бы услышала его голос, и тут я замечаю, что мы несёмся вперёд, не сбавляя газу, а впереди едет огромная фура. Когда водитель обратил свой взгляд на дорогу, было уже поздно. Он только и успел, что нажать тормоз, но мы с грохотом врезались в зад тяжелого транспорта.

Водителю и пассажиру повезло, у них сработала система безопасности. Мне и юноше также свезло, так как мы сидели за креслами и нам было об что остановиться, но вот девочка, сидящая по правую руку от меня... Ей, к сожалению, не повезло... Она не была пристегнута ремнем, да и детских кресел у нас не было, поэтому она по инерции просто улетела вперёд, пробив головой стекло. Зрелище было страшное, везде была кровь и ошметки. А самое главное, никто не спешил что-либо делать, в машине повисла гробовая тишина и это было самое страшное.

...

Очнулась от сна я также резко, как и погрузилась в него. Я до сих пор ощущала резкое покалывание на руках и чувствовала запах крови. Самое страшное в кошмарах то, что ты проживаешь их не только во сне, но и наяву продолжаешь вспоминать их...

Немного успокоившись я прислушалась к запаху, который витал в этой комнате, он был слабым, так как дверь почему-то была закрыта, и слышала запах еды, пока что трудно было понять, чего именно.

Встав с дивана, я подошла к двери, открыла её и вышла в коридор. Тут запах был уже более яркий, он напоминал мне запах омлета. Проходя мимо комнаты, в которой заснул Лев, я его там не увидела. Поэтому пошла на запах еды, и он привел меня на кухню. Здесь оба брата что-то резали и жарили.

— Что это вы делаете? — спросила у них я.

— Еду готовим, подожди немного, мы почти закончили, — ответил старший брат.

— В двенадцать часов ночи? — спросила я. Да, я взглянула на часы и увидела, что уже наступил следующий день, уже была полночь.

— Почему бы и нет, мы же все равно ничего не ели, а вы вот только проснулись, так что самое время подкрепиться. Садись давай.

И я села. Передо мной поставили тарелку с яичницей, жареным луком и колбасой и пару тостов. У братьев было тоже самое. Все было очень вкусно и такая компания очень расслабляла, хотя и была сейчас поздняя ночь.

Мне очень хотелось рассказать о своём сне, но при Льве я не решалась этого сделать.

Поэтому, доев, мы отпустили его смотреть телевизор, так как спать никто не хотел. А сами остались на кухне допивать чай. Тогда я и решилась рассказать Ивану всё, что мне приснилось.

— Брат, мне приснился сон... Там была я, а ещё кажется я видела в нем тебя, но намного младше. Ещё в нем была другая девочка, младше тебя. Мы ехали куда-то на машине, но произошла авария и эта девочка погибла... — наконец рассказала я. Это было достаточно тяжело. Когда ты просто это переживаешь, все намного проще, но когда тебе приходится об этом рассказывать... Это трудно... Как минимум морально, ведь тебе приходится переживать этот ужас снова и снова.

— И это единственное, что ты вспомнила? — спросил он меня.

— Что это значит? — спросила я в недоумении, — что значит "единственное"? Ты хочешь сказать, что это произошло на самом деле?

— Да, это было на самом деле, но тебе было тогда уже восемь лет, неужели более ранних воспоминаний у тебя не сохранилось?

— Да какая уже разница?? Объясни мне, кто была эта девочка и что произошло?

— Эта девочка была твоей сестрой-близняшкой и моей младшей сестрой. Она не выжила в той аварии, умерла на месте. Мы тогда возвращались домой из райцентра. Ты тогда вывихнула руку, и мы отвезили тебя на обследование, а по пути домой мы попали в аварию. Дальше ты и сама всё знаешь.

— А почему ты не рассказал мне об этом раньше? О том, что у меня была сестра, — спросила я.

— Думал, что тебе будет лучше, если ты об этом не узнаешь, а если бы ты об этом не вспомнила, то и рассказывать бы не пришлось.

— Но я же имею право знать! — не выдержала я, и даже не знаю почему, наверное, меня уже просто достало незнание. А осознание, что от меня ещё и утаивают информацию, вообще сводило с ума.

— Конечно имеешь. Поэтому завтра мы посмотрим семейный альбом. А сейчас я хочу спать, — ответил он мне спокойным голосом. Допив чай, вышел из-за стола и направился в общую комнату, там должен был Лев смотреть телевизор.

Я последовала за ним. Придя в комнату, мы увидели, что Лев уже спал, хотя телевизор во всю играл самыми разными красками. Мы тихо выключили телевизор и свет и разошлись по своим комнатам, не став будить младшего.

Глава 38. Идеальный мужчина

Долгое время я старалась не смотреть на себя, чего-то боялась, а чего не знаю. В больнице зеркал как таковых не было, а если изредка и встречались, например, в кабинете врача, то я отводила взгляд и даже не смотрела в ту сторону. В машине я, чтобы не видеть себя, открывала окно. Но дома всё усложнилось, здесь повсюду были отражающие поверхности: стеклянные двери и зеркала. Вечно прятаться от себя я не смогу, так жить просто невозможно, поэтому я решила взглянуть на себя, все равно мне придется сходить в душ и умыться, а у нас в ванной висит огромное зеркало прямо на против двери.

Как я и думала... Ничего нового я не увидела... Я увидела практически такую же девушку, что и в той темнице через кусочек разбитого зеркала. Почему "практически"? Потому что я была более чистой, более ухоженной и чуть-чуть более полной, нет, а не была толстой, просто та Александра больше походила на худощавую модель, а я не была таким же скелетом, у меня имелось жировая масса, но ровно столько, сколько надо. А ещё мои волосы не были такими же седыми, пока что не были... Все это время я думала, что была шатенкой, ведь именно такие пряди я видела своими глазами без зеркала, но подойдя к нему, я увидела уже порядком отросшие корни, которые были даже не желтыми, а истинно белыми, седыми. Мне сказали, что мне всего девятнадцать лет... Но я уже имею седые волосы? Это же абсурд.

Умывшись и сполоснувшись, я вышла из ванной комнаты и пошла на кухню. Там уже во всю развернулся процесс приготовления пищи, везде была разбросана яичная скорлупа, рассыпана мука, а в воздухе витал нежный запах свежеспеченных блинчиков.

— Чего ты стоишь в дверях? Проходи, садись или давай помогай нам с уборкой, мы уже скоро закончим, — сказал старший брат.

— А ты, как я погляжу, любишь готовить, — сказала я с улыбкой, — когда бы я не встала, всегда за плитой, ещё и малого приспособливаешь.

— Да, люблю это дело. Часто помогал жене, когда она была беременной и когда дети только родились. У нас то близняшки, ей и так тяжело, а я могу облегчить ей хотя бы утро, пока на работу не уйду, мне не трудно, ей приятно, — говорил Иван, пока снимал последний блин со сковородки.

— Да ты идеальный мужчина, — ответила я.

— Вовсе нет, у меня куча недостатков, но моей жене они даже нравятся, много веселится по этому поводу. Да и идеальные люди совершенно не интересны, поскольку ты всегда знаешь, как человек себя проявит.

— И то верно, — сказала я.

— Сестра, а ты выпалась? — неожиданно спросил Лев, раньше он только наблюдал за нашим разговором и периодически поглядывал на стопку блинов, было видно, как он ждёт не дожждётся их попробовать.

— Выпалась, — сказала я и улыбнулась, — ешь давай, мы уже садимся, так что теперь можно.

— Ура! — сказал он и быстрыми движениями рук ухватился за парочку блинчиков и стал проделывать какие-то манипуляции с вареньем.

— Ты больше ничего не вспомнила? — спросил уже старший брат.

— Ничего. Давай уже есть, а то глядя на Льва, аж слюнки сейчас течь начнут. Очень красивый завтрак, спасибо и приятного аппетита, — сказала я, ухмыльнулась и стала

проделывать всё то же самое, что и Лев пару секунд назад.

Доев свой завтрак, мы дружим строем выдвинулись в общую комнату. Там из огромного шкафа Иван достал два фотоальбома, один большой и плотный, порядком истрёпанный и потертый, а второй поменьше, в нём тоже были фотографии, но их было не так много, как в предыдущем, да и был он сам в более хорошем состоянии, почти как новенький.

Мы начали с того альбома, который был самый потрепанный. Первые страницы были наполнены фотографиями маленького мальчика; это был Иван. От рождения и до возраста... на вид ему было приблизительно столько же, сколько и Льву сейчас. Затем начинались фотографии двух близнецов, двух девочек. С самого рождения они были словно две капли воды, но по мере их взросления, по мере перелистывания страниц с фотографиями, всё больше можно было заметить различий. Это больше проявлялось в их мимике, жестах, одежде и внешнем виде, но всё-таки это было заметно.

Например, одна девчушка могла быть вечно помятая, с растрепанными волосами и жутко большой улыбкой до самых ушей, а другая, такая же улыбчивая, но более скромная, вечно заплетенная в косички девочка.

Изредка попадались фотография вместе с их братом и совместные фото. Большинство фотографий было на природе, возле деревенского дома, в поле, иногда даже из поездок в разные города, о чём свидетельствовали фотографии с памятниками и скульптурами, а также местными достопримечательностями.

В какой-то момент времени фотографии изменились, на них больше не бывало одной из девочек, только вот понять, какой именно, было очень сложно, потому что отличительных черт больше не существовало, была лишь одна понурая фигура, которая, казалось, не сильно то и рада новой фотографии. Конец фотоальбома завершала общая фотография, на которой были все четыре члена семьи.

— А кто эти двое девочек? А кто этот мальчик? — задал первый вопрос Лев.

— Этот мальчик — я, а те двое девочек — твои сёстры, — ответил Иван.

— Но у меня только одна сестра, — непонимающе сказал Лев.

— Да, вот видишь, та девочка, которая вечно растрепанная? Это Александра. Она всегда была очень воинственной и смелой, влезала в разные неприятности и находила приключения для себя и сестры, да и я не редко с ними увязывался, а мама потом ругалась, что мы не можем никогда спокойно посидеть, — ответил Иван и громко рассмеялся.

— А вторая девочка кто? Она очень похожа на Сашу, — спросил Лев, а я внимательно стала прислушиваться к разговору. Брат очень интересно об всём рассказывал, а у знать больше о сестре и об мне никогда не помешает.

— Это Изабелла, наша покойная сестра, она близняшка Александры. Она была очень эмоциональной, энергии в ней, наверное, было даже больше, чем в Саше, поэтому она всегда была не прочь куда-нибудь деться вместе с ней, но всё же, она была больше эксцентричной, чем озорной. Воспринимала всё близко к сердцу, могла обидеться даже на маленькую и безобидную шутку, но Изабелла очень быстро отходила и продолжала сиять своей улыбкой.

Слушая его рассказ и смотря на фотографии, в моём сознании начали всплывать воспоминания, они были спутанными, но всё-таки хоть что-то.

— Помню, как мы частенько прятались от родителей, то на крышу залезем, то на дерево. Бывало такое, что мы убегали в поле и гонялись за соседской собакой. Как-то раз я украдал пару яблок и соседей, принесла их ей, а она на меня разозлилась, кричала, что так поступать плохо и намеревалась их вернуть, но подувшись немного, забрала у меня яблоко и

мы вместе потом сидели и ели их, сидя на заднем дворе дома. Там раньше росло очень много красивых цветов. Розы обвивали забор, возле которого росли, наверное, с десятков различных цветов, — рассказывала я и чувствовала будто бы это происходило вчера. Чем больше я говорила, тем больше картинок появлялось в моей голове. На какой-то момент я даже испугалась, что это всё, всего лишь моя фантазия.

— Твоя память возвращается постепенно, но ты уже так много вспомнила, — ответил Иван мне.

— У вас была такая интересная жизнь! Я тоже так хочу! — сказал Лев, но на его слова мы не обратили внимания.

— Это всё действительно было? — спросила я.

— Было, конечно. Вы всегда думали, что вас никто не видит и не замечает, но родители всегда за вами приглядывали. Даже тогда, когда ты вывихнула руку. Как ты думаешь, как скоро они пришли? В тот же момент, когда ты упала. Вы в очередной раз лазили по деревьям, за чем наблюдала мама из окна. Твоя ветка оказалась не столь прочной, чтобы выдержать очередное напряжение и с треском сломалась, ты упала и повредила руку, в тот же момент из дома выбежала мама и мы все поехали в больницу, — ответил мне брат.

— Я помню, что мы жили тогда в деревянном доме, но сейчас мы в квартире. Мы переехали после того случая? — спросила я его.

— Да, мы родились в деревне. Только Лев уже родился в городе. Мы жили там до того случая. В большей части, родители, наверное, не хотели переезжать, но ты вынудила их, — ответил Иван.

— Что это значит? Почему это я вынудила их? — спросила я, ведь эта фраза была не только странной, но и обидной. Что я могла такого сделать, чтобы вся наша жизнь так изменилась?

— Не важно. Если вспомнишь, ладно. А если же нет, то это и к лучшему. Давай лучше посмотрим второй альбом, вон, как Лев его глазами сверлит, — не дал мне чёткого ответа Иван.

Услышав подобное, Лев быстрым рывком подтащил к себе альбом и легким движением распахнул его крышку. Очередное фото младенца встречало нас, очевидно, что это была фотография Льва. Дальше, пролистывая альбом, мы замечали больше общих фотографий, чем отдельных, хотя и такие встречались. Вот, Лев качается на качели, вот он на детском утреннике, а вот он пошёл в первый класс. В общем, стандартные фотки, ничего не обычного.

— После ваших рассказов мне теперь просто скучно смотреть свои фотографии, — с грустным выражением лица и горечью в голосе произнёс Лев.

— А хочешь, мы съездим в тот дом, где мы раньше жили? — неожиданно для себя спросила я.

— А мы можем? Конечно, хочу! Поехали, брат, а? — задал свой вопрос Лев.

— А ты действительно этого хочешь? — спросил Иван, но не у Льва, а у меня, о чём свидетельствовал пристальный взгляд, обращенный в мою сторону.

— Конечно, хочу! Ну поехали! — воспринял его вопрос на свой счёт Лев.

— Да, я тоже уверена в этом, давай съездим, хотя бы завтра, — ответила я. Не знаю, что побудило меня на такое решение, но что-то тянуло и манило меня туда.

— Хорошо, тогда сегодня ляжем пораньше, а завтра рано утром отправимся в путь, мы не сможем заночевать там, поэтому придется выехать раньше, — ответил Иван.

После его слов и Лев и я закопошились и мигом начале собираться. Нужно было собрать с собой множество вещей, кто знает, что может нам понадобится. Все-таки я впервые еду туда, а может это и неправильно так говорить... Всё-таки это место, где, как мне говорят, я выросла.

Глава 39. Деревня

Поездка в деревню прошла без каких-либо происшествий. Лев постоянно спрашивал про Изабеллу и то место. Простой ответ «несчастный случай» его не удовлетворял, поэтому пришлось рассказать ему правду, а то так бы и не угомонился. Его реакция была неожиданной:

— А я не умру? — спросил он.

— В каком смысле? — спросила в ответ я.

— Нуу, мы сейчас едем на машине в деревню, по той же дороге, может быть брат тоже отвлечётся, и мы разобьёмся.

— Не волнуйся, я не стану отвлекаться от дороги, смотри, мы уже почти приехали. Осталось лишь проехать пару километров, — ответил Иван.

Дорога заняла у нас приблизительно пару часов. Не так уж и далеко находилась эта деревня.

Все дома здесь были перекошенные и ветхие, видно было, что их уже давно никто не ремонтировал. На улочках мы видели лишь стариков, да маленьких детей. Везде были зеленые кустарники и деревья. Рядом с деревушкой находился лес. Он был довольно густо засажен, мало что можно было в нём разглядеть.

...

Пока мы шли меж чужих домов к нашему, жители этой деревни постоянно смотрели на нас, а я на них. Но больше меня удивляло не их пристальное внимание, а то, что это поселение очень напоминало то место, ту деревушку, где я встретила с Клавой. Даже улицы располагались так же, как и там. Домов было несколько меньше, но те, что были отдалённо, но напоминали, увиденные мною ранее, дома из «Листа». Это одновременно и поражало и пугало. Неужели мой мозг помнит то, чего не помню я сама?

Я не успела заметить, как мы дошло до дома, а точнее до того, что от него осталось. За забором, овитым засохшими лозами, было самое настоящее пепелище. Дом сгорел до основания, от него остались лишь торчащие в небо балки, обугленные до черноты и бетонный пол...

Рядом с пепелищем росло два дерева, ровно там же, где росли деревья у моего дома в «Листе». Только эти деревья не цвели... Одно из них сгорело и оставило после себя лишь дряхлый пенёк, а второе было подпалено и обуглено, но всё-таки оно оставалось живым. На втором дереве всё ещё росли зеленые листья, а само оно тянулось к солнцу.

— Что это? — спросила я у Ивана.

— Это наш бывший дом, я приезжал сюда пару лет назад. Мне позвонила соседка и сказала, что шальная искра от соседей залетела к нам и всё загорелось. Неудачное стечение обстоятельств. Уже заметила, что домов здесь не так много? Они тоже пострадали тогда не мало. Здесь все строения старые и деревянные, плюс пожухлая трава усугубила положение.

— Понятно. А что за соседка? — задала следующий вопрос я.

— Так Клава, она всегда к нам добра была, с родителями дружила, а с учётом того, что случилось с её дочерью и внуком...

— А что с ними случилось?

— Дочь была молодой, красивой, рано вышла замуж, рано родила ребенка. Ей не повезло, муж на заводе работал, несчастный случай и она осталась вдовой... Всё это

произошло ещё до родов, поэтому она переживала сильно, стресс плохо сказался на ребёнке. Он родился здоровый, но очень слабый, за ним требовался постоянный уход. А у неё у самой всё было не радужно, ещё до родов была, как не в себе, а после вообще впала в депрессию. Начала пить и употреблять. Клава терпеть этого не смогла и каждое утро забирала ребенка к себе, чтобы его мать не смогла ему навредить. Но каждый вечер её дочь приходила за ним, а той и оставалось только, что отдать ребёнка, по закону не имеет право удерживать. Но вот как-то раз Клава снова пошла «красть» ребёнка, но обнаружила лишь бездыханное тело в колыбели, придушили. Дочку сразу повязали, увезли, да та долго не выдержала в заключении, через год повесилась.

— Это реальная история...? — спросила я, не веря услышанному.

— Конечно, об этом вся деревня знала, и даже ты, — ответил Иван равнодушным голосом.

— Но это же ужасно...! — сказала я резко, сама от себя такого не ожидала.

— Да, ужасно, но такое случается, это жизнь.

Больше я не стала это как-либо комментировать. Вся эта ситуация просто не укладывалась в моей голове...

— Брат, сестра! Там кто-то идёт, старуха какая-то, — сказал Лев, чем отвлек меня от размышлений.

— Так это же тётя Клава, — сказал Иван.

— Где? — спросила я.

— Да вон, смотри на дорогу.

По дороге к нам действительно направлялась старая, седая старуха. Подумав об всём, я решила, что, возможно, она может оказаться той самой Клавой. Но, чем ближе она приближалась, тем меньше я находила схожих черт. Лишь отдалённо можно было заметить один цвет глаз, форму носа и губ, но возраст взял своё. Её лицо уже было полностью покрыто морщинами, возрастной жир отложился на подбородках и щеках, кожа обвисла и одрябла.

— Иван, ты чего тут делаешь? И кто эти люди? — без приветствия сказала Клава.

— Здравствуйте, тётя Клава. Сестра с братом захотели приехать, да и похоронить родителей нужно, — ответил ей Иван.

— Как!? Умерли? Они же ещё такие молодые были... Неужто Бэллочка их с собой забрала? Ты меня, часом, не обманываешь? — недоверчиво прижмурившись, спросила она.

— Да какие шутки, тётя Клава, у нас вон банки с родительским прахом в машине лежат, — ответил брат, чуть повысив голос.

— Ну коль правду говоришь, царство им небесное, — сказала она, сложила ладони вместе, прикрыла глаза и стояла так где-то с минуту. Затем резко распахнула глаза и наконец обратила внимание на меня со Львом, — а это Сашенька и ..., - видимо она не знала имени младшего брата, поэтому притихла.

— Лев, меня зовут Лев, — сказал младший брат, и высунул голову из-за моей спины, он, как и в прошлый раз, предпочёл спрятаться от её пристального взора, что-то ему в ней не нравилось...

— И Львёнок, — сказала она и улыбнулась, — а чего стоите то? Пойдёмте ко мне, я вас чаем угощу. У меня самовар есть, в нём самый вкусный чай получается.

— Да не, тётя Клав, мы может попозже, нам ещё нужно на кладбище, мы позднее к вам заглянем, — отмахнулся от её предложения Иван.

— Ну значит потом увидимся. Всё, идите. Заболтали меня совсем, а даже забыла куда шла, — ответила она и ушла туда, откуда и пришла.

— Ну что ж, пошлите заберём урны, да и на кладбище пойдём, — сказал Иван, когда Клава ушла.

— Да, пошли, пожалуй, — сказала я.

...

Не смотря на малые размеры деревни, кладбище было намного больше самого поселения. На нашем пути встречались самые разные могилы, были и новые, но больше всего мы видели старые, бывало, полуразрушенные надгробья. По погосту мы блуждали довольно долго, пока не дошли до нужной нам могилы.

Уже смирившись со всем происходящим, я даже не удивилась, увидев ту же могилу, что и в деревни «Лист» на заднем дворе дома, а также, я только сейчас поняла, что именно эту могилу я видела, находясь в теле куклы. Тогда всё казалось размытым, будто бы слепком воспоминаний, но сейчас я могла во всех деталях рассмотреть каждую мелочь.

Рядом с могилой было вырыто две небольшие ямки. В них легко смогли бы поместиться наши урны.

— Я заранее попросил могильщика вырыть их для нас, — ответил брат на незаданный мной вопрос.

Мы аккуратно поставили урны в вырытые ямы и засыпали их землёй маленькими лопатками, которые любезно оставил для нас могильщик. Брат сказал, что попросил его и об этом.

После погребения мы сели на лавочку возле ограды и стали сидеть... в полной тишине, не издавая ни звука. Только пение птиц разрывала эту тишину.

Первым заговорил Лев:

— А вы знаете, что я родился спустя год после её смерти? — задал странный вопрос он.

— Что? — озадачилась я, — ну да, конечно знаем, к чему вопросы?

— А для чего меня решили родить? Родителям не было страшно? — продолжал задавать вопросы Лев.

— А чего им нужно было бояться? — спросила я в ответ.

— Так ведь их дочь умерла, и они умерли недавно, и вы когда-нибудь умрёте. Зачем нам вообще жить, если мы все когда-нибудь умрём!? — возопил Лев и разревелся. Меня всегда удивляло, что он оставался таким спокойным и весёлым, а ведь совсем недавно он потерял родителей. Всё-таки это слишком тяжело для маленького мальчика.

Мы не стали ничего ему говорить, лишь дали возможность выплеснуть все свои эмоции и переживания, а говорил он много, у него просто началась истерика... После того, как он уже сорвал голос своими рыданиями, а его глаза опухли от слёз, он просто свалился без сил мне на колени и заснул...

— Он всегда так? — спросила я у Ивана.

— Нет. В первые. Хотя раньше я вроде бы слышал ночью всхлипы, но думал, что мне показалось, ведь каждый раз, когда я заходил к нему, ничего не замечал...

— Понятно, — сухо ответила я.

Пока я смотрела на эту могилу у меня было очень странное ощущение дежавю, как будто бы некоторые кусочки пазла начали склеиваться. Мой разум снова помутился и в голову нахлынули воспоминания.

День xz месяц xz год xz — день, когда произошла авария. В тот день умерла не только

Изабелла, но и часть меня. Мы всегда были с ней близки и неразлучны, когда мы ссорились, что-то билось во мне, а когда мирились, склеивалось вновь. Но когда же её не стало совсем... Я бы предпочла исчезнуть сама, вместе с ней или вместо неё. Но так как я ничего не могла с этим поделать... Я предпочла хотя бы просто всегда быть рядом с сестрой, хотя бы фигурально.

Все дни напролёт я проводила, сидя у надгробия сестры, я сидела и представляла, что мы рядом, что ничего особенного не произошло. Я всегда приходила туда сама, но никогда не уходила, вечером за мной приходила мама и забирала. Они с отцом всегда рассказывали мне жуткие истории. Например, они рассказывали, как меня украдут злые дяди и продадут на органы. Но меня это не пугало, ведь я знала, что даже если это случится, то тогда я точно буду с сестрой. Не скажу, что я этого ждала, но надежды снова встретится с ней всё-ещё таились в моей душе.

После того дня аварии, родители перестали называть меня по имени, поэтому я и сама стала его забывать... Лишь один единственный человек помнил и звал меня по имени — мой брат, Иван. Хотя мы и не могли часто видеться, так как он учился в городе, а сюда приезжал на каникулы, но он был единственным, кто, как мне казалось, был настоящим и не истратил желания жить дальше. Может быть именно из-за этого родители приняли решение завести ещё одного ребёнка?

Четвёртый ребёнок стал для них отдушиной. Они полностью заменили её им, как и я... Он стал заменой для нас, но всё-таки... родители не смогли смириться с потерей. Да вы и сами знаете, видели же те замученные альбомы.

Помимо этого, я вспомнила ещё кое-что... но об этом я расскажу позже.

— Брат, ты же не хотел, чтобы я вспомнила именно те дни, которые провела здесь, так? — спросила я, полностью уверенная в своих предположениях.

— Так ты всё-таки вспомнила... Я боялся, что ты снова станешь той забитой и запуганной девочкой, какой была ранее. Я же вижу, что ты стала меняться и я не хочу, чтобы всё стало прежним... — ответил он и посмотрел на меня так... будто бы от его слов могла зависеть вся моя жизнь.

— Не волнуйся, я уже приняла решение, тебе нечего опасаться, — сказала я и улыбнулась, — давай лучше пойдём, Лев тяжёлый, мне кажется, у меня даже ноги онемели...

— Подожди немного, я хотел, чтобы это осталось здесь, — сказал он и достал из сумки несколько конвертов, а затем положил их на могилу Изабеллы, — помнишь их? Мама писала их ей, она хранила их в альбоме, видимо часто перечитывала, ведь они так истрепались.

— Я помню, что каждый вечер она выходила во двор, сидела там и что-то тихо бубнила себе под нос, иногда я разбирала её слова и слышала, как она зовёт Изабеллу, но обычно я старалась не слушать её, мне было не приятно такое видеть и слышать, — ответила я. Я действительно помню это, но эти воспоминания... не самые приятные, поэтому я предпочла бы не вспоминать об этом.

— Да, она, как и все мы, тяжело пережила эту потерю... Пойдём уже отсюда, засиделись мы что-то, — сказал он и встал с лавочки.

— Подожди, — остановила я его, ухватившись за локоть. Я только сейчас обратила внимание на могилы, находящиеся неподалёку от этой. Я лишь немного заметила знакомые лица, но мне этого хватило, чтобы приглядеться и узнать бывших знакомцев.

Все, кого я точно не ожидала увидеть, оказались здесь. Прямо в ряд были поставлены надгробия и читались имена: «Лир», «Фадан», «Ора», «Эмма». Переложив голову Льва на

скамейку, отчего тот, видимо, проснулся, я подошла к этим могилам. Следом за мной подошёл и Иван.

— Помнишь Эмму? — спросил он меня.

— Скорее нет, чем да. А мы общались? — спросила в ответ я.

— Вы были лучшими подругами. Вечно друг с дружкой ходили, — ответил он.

— А дальше что? Ты Расскажи нормально, — возмутилась я.

— Ну, хорошо. У Эммы была трудная жизнь, отец с матерью развелись, а тот нашёл себе другую женщину. Жили они втроём, отец, мачеха, да и она сама. Мачеха сразу невзлюбила почему-то Эмму, постоянно издевалась над ней, может не физически, но морально, хотя все здесь подозревали, что только словами здесь не обходится... Ты и сама у них была пару раз, потом приходила и рассказывала, как тебя раздражает её мачеха. Только вот одними проблемами дома всё не закончилось, вы же уже в городе подружились, а там, в городских школах детей злых много... Эмма никогда силы не показывала, всё в себе держала, а другие этим и пользовались. И вот однажды она просто решила покончить со всем этим... Если ты понимаешь о чём я.

— Понимаю... А почему тогда она здесь похоронена, а не на городском кладбище? — задала логичный вопрос я.

— Видишь эти три могилы слева от неё? Это её предки, они жили за пару веков до её рождения, но, как видишь, могилы и памятники сохранились в отличном состоянии. А всё потому, что здесь раньше жили другие её родственники, по маминой линии. Её отцу некогда было бы заботиться об этом, он достигал больших успехов в работе и мало, когда мог уделить время дочери... Потому здесь и похоронили, для удобства.

— Это очень печальная история... Пошли лучше отсюда наконец, пока я не расплакалась, — сказала я, а на веках уже начали проступать первые капли.

...

— Кушайте, кушайте, — говорила тётя Клава и пододвигала к нам очередные тарелки со съестным.

— Да мы кушаем, тётя Клав, в нас уже не влезает, — ответил Иван.

— А вы вспомнили, за чем выходили? Вы говорили, что после разговора с нами всё забыли, — спросила я.

— Вспомнила, только я же тогда вышла, чтобы с вами поговорить. Смотрю в окно, вы идёте, вот и думаю, а чего бы не поздороваться. Тем более, что лица все не знакомые, кроме Ивана. А вы молодые быстро ходите, это я с палочкой, — ответила мне она.

Так мы и сидели, попивая чай и поедая плюшки, пока тётя Клава рассказывала нам то про своих куриц со свиньями, то про соседей и непоседливых детей. Но, видимо, все более или менее спокойные темы закончились, и она приступила к старому, забытому временем человеку.

— Ох, Сашенька, ты же всё забыла, а может быть помнишь Диану? Помню, много времени с ней проводила ты, хотя и не понятно почему, всё-таки ты ребенком ещё была, а она старуха, как есть старуха, — спросила она меня.

— Да, помню её, — на самом деле я действительно её вспомнила, ещё тогда, на кладбище.

— Что за Диана? — спросил Иван. В отличие от Льва, который просто сидел и тихо уминал ватрушки, Иван достаточно часто встречал в разговор и задавал вопросы, любил он это дело.

— Неужели не знаешь её? Ну да, она же из дома обычно не выходила, кому надо было, сами наведывались, а уже когда и сама дома не бывала, тебя уже здесь не было. Только Сашеньке повезло с ней общаться. Расскажи ему о ней, а я пока пойду, куриц покормлю, уже совсем скоро вечереть начнёт, — обратилась она ко мне.

— Диана была не особо общительной. Она, как и сказала Клава, предпочитала сидеть дома. Лишь рано утром или поздно вечером ходила собирала травы, сушила их, варила что-то и всё в таком духе. У неё на тот момент ещё был сын, поэтому выходить ей куда-то ещё не требовалось, а с учётом того, что у неё был огород, так вообще сказка. Но произошёл несчастный случай, сын её упал с лестницы. Умер на месте. С тех пор, как она похоронила его, она вечно находилась на кладбище, не сидела, как я у могилы, а могла просто гулять по погосту. Так, в один из дней, мы с ней и встретились. Только при помощи неё я перестала вечно сидеть у могилы, а могла вместе с ней гулять. Мы особо ни о чём не разговаривали, бывало говорили на различные темы, касающиеся нас, но в большей степени мы просто молча гуляли. Всё это прекратилось только тогда, когда мы уехали отсюда с родителями, а что стало с ней я не знаю.

— Я даже не знаю, что сказать, — ответил Иван.

— Ничего не говори, это было и на этом всё, — сухо ответила я. Через пару минут уже возвратилась Клава и я задала вопрос, который стал беспокоить меня, — тётя Клава, а что случилось с Дианой?

— А я всё думала, что ты не спросишь, — ответила она и продолжила, — Диана пропала. Её никто не мог найти уже более десятка лет, она пропала ещё до того, как ты уехала, неужели не помнишь? — спросила она меня.

— Нет, не помню... Но сейчас то её нашли? — спросила я в ответ.

— Да, нашли, жаль только, что не живую. На самом деле, мы до сих пор не можем понять, она ли это. Труп уже полуразложившийся. Его нашли лесники, он лежал в канаве, недалеко от кладбища. Там обычно росли разные травы, может просто оступилась в темноте. Никто её особо не искал, никому это было не нужно...

— Нам уже ехать пора, — сказал Иван, — до свидания, тётя Клава, — попрощался он и вышел из-за стола.

— Да, до свидания, тётя Клава, мы пошли, — ответили хором я и Лев.

Клава не стала нас удерживать. Попрощалась и выпроводила вон. А мы же направились к машине, сели и уехали обратно в город, оставив это место далеко позади.

Неужели мой психиатр оказался прав? Неужели все то, что я пережила, пока была в коме — реальность...

День уу месяц уу год уу — день, когда я умерла... Это день, когда случилась авария и когда я поняла, что этот мир покинула, не только моя сестра...

Когда она умерла, я не чувствовала в себе тяги к жизни, да и самого понятия жизни не существовало. Я просто "была". Каждый день проходил однообразно. Вставала по утрам и до самого вечера день проносился в мгновение.

Хотя на душе и было пусто, но в голове — никогда. Каждый раз, когда я оставалась одна, наедине с собой, мой мозг постоянно придумывал истории. Это могли быть и безлюдные встречи, и смертельные ловушки. Со временем я привыкала к этим мыслям, но чем больше их становилось, тем больше я старалась думать, о чем угодно, лишь бы не оставаться в пустоте.

Все это продолжалось на протяжении многих лет, до этого самого момента.

День хх месяц хх год хх — день, когда я умерла. Вы думаете, что я сумасшедшая, что я снова начну вам рассказывать про то, как мне плохо, но это не так. Просто у меня есть душа и она болела, сейчас же она не болит и не мучает меня своими стонами...

Со дня поездки в деревню прошел целый месяц. Все это время я осмысливал произошедшее и не могла понять... Как? Как вышло так, что я лишь через десяток лет я до сих пор оставалась той забитой, маленькой, мертвой девочкой. Почему до этих пор все предпочитали избегать этого? И даже я сама... Почему мне потребовалось впасть в кому, чтобы мой собственный мозг помог мне справиться с этим? Хотя раньше он поступал совсем иначе... Почему?

Это вопросы, на которые мы, к сожалению, не сможем дать ответ даже пот пытками, но все вы прекрасно его знаете.

Так вот, прошел месяц с той поездки. Я отчислилась с факультета журналистики и поступила на психологический. Теперь мне не так интересно было изучать эмоции других, когда я сама стала испытывать их и теперь мне интересна их природа уже на собственном примере.

Братья уехали обратно домой, я же вернулась в общежитие. Мы частенько созваниваемся и болтаем на различные темы. Но мы не когда не затрагивали тот случай, это было не нужно и не важно никому, кроме меня. А у меня ещё остался один вопрос, как я думаю и у вас. Кому я в итоге помогла? Все эти истории были без особого начала и конца, и каждая не давала полностью осознать происходящее, но одно я поняла точно, это произошло недавно, когда я думала об всем. Я думаю, что вы уже догадались, что я хочу сказать, но я произнесу это. Я помогала самой себе. Все это было выдумкой моего воображения, а значит никаких людей не существовало, хотя мы и убедились в обратном. А это значит, что я помогала себе и тем, кто уже давно мертв, но я очень хотела бы им помочь. Хотя этого и не произошло в реальности, но все же, в глубине души, я считаю, что помогла им. И себе, в том числе. Это стало отправной точкой к тому, чтобы наконец похоронить ту себя и возродиться новым, свежим человеком.

День хх — это день моей смерти и день моего нового рождения.

Больше книг на сайте - Knigoed.net